

Глава II

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ (САХАЛИН, КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА). ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Каменный век

В Японии археологические раскопки памятников каменного века (палеолита) стали проводиться сравнительно недавно — во второй половине XIX в. Начало было положено американским ученым Э. Морзе, исследовавшим в 1877 г. раковинную кучу Омори на Хонсю в области Канто. Хотя к настоящему времени изучено большое количество других древних стоянок, разбросанных по всей территории Японии, каменный век на архипелаге продолжает вызывать много вопросов. Отчасти это объясняется неравномерной изученностью отдельных регионов, отчасти — отсутствием публикаций по накопленному материалу и недостатком сводных работ, в которых анализируется материал из разных областей.

Разработка проблемы палеолита представляется весьма важной в свете изучения этнокультурных процессов, имевших место в то отдаленное время в Восточной Азии и на сопредельных с Японским архипелагом территориях. Особенно остро ощущается потребность в исследовании локальных очагов культур северной Японии, оказавших значительное влияние на культуру районов Приморья и Приамурья. Поэтому важной задачей является обобщение накопленных к настоящему времени знаний и обогащение их новыми данными, полученными методами таких дисциплин, как археология и антропология.

В истории Японии было время, когда она составляла с Азиатским материком одно целое: сухопутные мосты, соединявшие острова и материк, фиксируются на разных стадиях плейстоцена (2 млн лет назад — 11 тыс. лет назад). Окончательное отделение

архипелага в результате таяния ледников произошло лишь в начале голоцена — 10 тыс. л.н. Тогда Япония приобрела современные очертания [Деревянко 1985: 47; Кузьмин 2005: 51; Левин 1958: 259].

Неизвестно, когда человек впервые проник на Японский архипелаг. Имеются находки предположительно периода раннего палеолита (150–35 тыс. л.н.), такие как кость человека из Усигава префектуры Айти (100 тыс. л.н.), каменные орудия из Такэномори и Охира префектуры Фукусима (90–40 тыс. л.н.). Бесспорных свидетельств заселения человеком Японии ранее указанных дат ныне нет [Деревянко 1985: 52; Лаптев 2007: 17].

Большое количество археологических памятников приходится на поздний палеолит (30–13 тыс. л.н.). Основываясь на анализе каменных индустрий, исследователи отмечают, что уже тогда существовали различия в культурном развитии между северными и южными областями архипелага. Так, на севере в большей степени развивались традиции, характерные для соседних культур Приморья и Приамурья, на юге же — для культур Юго-Восточной Азии. Эти наблюдения позволили сделать вывод о том, что человек мог проникнуть на территорию Японии с Азиатского континента (по сухопутным мостам) и через Сахалин, и через Корею. Постепенно здесь образовалось раннеродовое общество, которое занималось охотой, рыболовством и собирательством.

Необычайно сложно определить этническую принадлежность древнего человека. Решением этой задачи уже много лет занимаются антропологи, исследуя сохранившиеся костные останки. Интересный памятник в этом отношении — стоянка Минатогава, расположенная на о. Окинава. Здесь были найдены кости, датируемые временем около 18–16 тыс. л.н. Находки демонстрируют признаки восточноазиатской расы, не обнаруживая отчетливых айнских или айноидных особенностей, хотя существует мнение о наличии некоторого сходства с неолитическим населением — дзёмонцами [Алексеев 1985: 32, 33; Kozintsev 1993: 116].

Череп на одном хорошо сохранившемся скелете со стоянки Минатогава оказался похож на череп представителя верхнепалеолитического населения Южного Китая [Моисеев 2009: 146]. Это важное открытие указывает на древние связи, которые установились между южными областями Японии и Китая. Существует даже предположение, что неолитические обитатели Японского архипелага (дзёмонцы) ведут происхождение от палеолитического «человека

Минатогава» [Тураев 2010: 78]. К сожалению, останки палеолитического человека Северной Японии практически не изучены, и о связях с северными областями можно догадываться лишь по археологическим находкам каменных орудий [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256].

На стоянках, раскопанных в разных местах Японского архипелага, сохранились нуклеусы, отщепы и пластины, датируемые временем более 25–20 тыс. л.н. (стоянки Сукубай-Санкакуяма, Камисихора-Симаки (Хоккайдо), Гонгэнъяма, Каминагано, Хосино (Канто)). Среди часто встречающихся находок — ножевидные предметы, скребки, резцы, рубила, остроконечники, топоры, тесла. Некоторые частично обработаны ретушью или шлифовкой.

Поскольку на Хоккайдо встречаются изготовленные на микропластинах предметы (стоянки Сиратаки, Хороккодзава, Татикарусюнай, Товарубэцу, Сакоцу), датируемые временем 20–12 тыс. л.н., ученые считают, что хоккайдские памятники того времени генетически связаны с материком и входят в широкий круг микропластинчатых культур Восточной и Северной Азии [Васильевский 1981: 17; Деревянко 1985: 52, 53, 56; Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 255]. На юге появление изделий на микропластинах отмечено рубежом 15 тыс. лет. До этого времени там развивалась техника бокового скальвания отщепов [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 19; Деревянко 1985: 63–65].

Распространение микропластинчатой индустрии на островах Японского архипелага, видимо, было обусловлено обилием сырья — обсидиана и происходило постепенно с севера на юг¹. Немаловажную роль в этом процессе играли глобальные климатические изменения. В то время наблюдалось общее потепление, а в северных районах, кроме всего прочего, наметился переход к новым пищевым ресурсам — растительным и речным².

¹ Установлено, что обсидиан из Сиратаки (Хоккайдо), использовавшийся уже 20–25 тыс. л.н., ввозился в южные районы Сахалина (стоянки Сокол, Долинск). Это лишний раз подтверждает существование древних межкультурных контактов с северными областями [Табарев 2004: 36].

² Если в северной Японии получило развитие прибрежное собирательство, а также речное и морское рыболовство (лососевый промысел), то на юге примерно до 11 тыс. л.н. преобладали собирательство и охота. Таким образом, прослеживаются важные отличия в хозяйственно-экономической основе культур [Боднев 2001: 18, 37, 39].

Следует отметить, что в некоторых восточных и северо-восточных областях Хонсю обнаруживаются не микропластинчатые технологии, а макролитические. Это хорошо видно на примере культуры микосиба, получившей распространение в районах Тохоку, Тюбу, Канто (стоянки Тёдзьякубо, Одай-ямамото (Тохоку), Микосиба (Тюбу), Камино (Канто) и др.)³. Некоторые каменные орудия культуры микосиба сходны с орудиями современной ей осиповской археологической культуры Приамурья.

Совершенствование в позднем палеолите технологии расщепления сырья и появление рубящих орудий с подшлифовкой способствовали развитию производства изделий из дерева, в том числе лодок. Уже к периоду плейстоцено-голоценового рубежа «в прибрежно-островной части Юго-Восточной, Восточной и Северо-Восточной Азии практически все археологические культуры демонстрируют факты наличия и использования водного транспорта» [Табарев 2004: 27, 28]. Развитие водного транспорта стимулировало древнего человека к перемещению на дальние расстояния.

Период времени в конце плейстоцена — начале голоцена, в интервале 13000/13500–10000 л.н. (мезолит), часто называют протодзёмон или *incipient jomon* (яп. *со:со:ки*) [Табарев 2004: 12; Юо:mon jidai kenkyu 2001: 84 98; Kumagai 2001: 138]. В это время более четко обозначилась хозяйственная специфика регионов и дифференциация локальных культур (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку), наметился переход к полуоседлому образу жизни, появилась первая керамика. Вполне вероятно, что именно тогда формировалась религиозно-мифологическая мировоззренческая система древнего человека [Васильевский, Лавров, Чан: 1982: 22; Левин 1958: 279; Табарев 2004: 31, 57].

Появление керамики в Японии 13,5–13 тыс. л.н. фиксируется одновременно и на севере, и на юге, при этом по орнаментации и способу обработки в разных регионах она существенно отличается [Деревянко 1985: 62, 65; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 53]. Гончарство могло проникать извне: на юге — с Азиатского материка через Корейский полуостров, а на севере — с Нижнего Приамурья (осиповская культура) и Приморья. Впрочем, велика вероятность

³ В памятниках Микосиба археологи обнаруживают бифасы-наконечники, а также крупнопластинчатые скребки и резцы.

его возникновения на местной основе вследствие благоприятных хозяйственно-экономических условий⁴ [Боднев 2001: 36].

Обжиг сосудов производился на открытых кострах или очагах при низких и средних температурах. Существует точка зрения, что формовка изначально делалась на шаблоне, то есть методом обмазки заранее подготовленной основы⁵ [Воробьев 1958: 18]. Данная гипотеза пока не доказана. В настоящее время наиболее древним считается метод кольцевого налепа, получивший широкое распространение в регионах Приморья, Приамурья, Сахалина, Китая и Кореи.

По форме дна в северной и северо-восточной Японии выделяется керамика плоскодонная, круглодонная и остродонная, по форме тулова — высокие вазы с прямым или отгнутым наружу венчиком и низкие широкие горшки [Боднев 2001: 35, 36].

Хоккайдская керамика возрастом 13 тыс. л.н. включала неорнаментированные сосуды (стоянка Хигаси-Рокуго-2) (материалы доклада О. Яншиной «Древнейшие керамические комплексы Японии. ИИМК РАН, 19.03.2012»). Кроме этого, имеются находки, датирующиеся 12,5–12 тыс. л.н., — сосуды с ногтеобразным (яп. *цумэ-гатамон*) и надкольчатый (яп. *ситоцумон*) декором (стоянка Тайсё-3 в Обихиро), а также находки возрастом более 10 тыс. л.н.: фрагменты тонкостенных сосудов с широким пояском у венчика, украшенным вдавлениями крученого шнура (памятник Оаса в Эбэцу), и фрагменты неорнаментированных сосудов (стоянки Хигасикуси-ро-1, 2 в Кусиро) (рис. 1) [Грищенко 2009: 11; Taisho:3 iseki URL: <http://www.pref.hokkaido.lg.jp>].

Среди керамики северо-востока Хонсю — неорнаментированные сосуды времени около 12,7–13,5 тыс. л.н. (памятник Одай Ямамото-1), а также сосуды, относящиеся к несколько более поздней эпохе, с декором: налепными жгутами, различного рода штампами и отверстиями⁶ (рис. 2).

⁴ В настоящее время доказывается, что сначала керамика появилась на севере Хонсю (стоянка Одай-Ямамото-1). Отсюда 13–12 тыс. л.н. она распространилась по всему архипелагу.

⁵ Из веток и травы изготовляли форму, обмазывали ее изнутри глиной и обжигали. Форма сгорала, и получалось готовое изделие. Отпечатки на стенках сосуда от формы служили декором.

⁶ В регионе Тохоку орнаментированная керамика представлена сосудами с налепными жгутами (памятники Омотэдатэ-1, Хатгядзава-1), отверстиями по венчику (памятник Омотэдатэ-1), ногтеобразными штампами

Рис. 1. Керамический сосуд около 12,5–12 тыс. л.н.
Стоянка Тайсё-3. Мемориальный музей г. Обихиро (Хоккайдо (Обихиро)).
Источник: фото И. Шевкомуда

Рис. 2. Фрагмент керамического сосуда около 12,7–13,5 тыс. л.н.
Памятник Одай Ямамото-1 (префектура Аомори). Комитет по вопросам
образования г. Сотогахана. Источник: фото О. Яншиной

Распространение похожей керамики в Оаса (Хоккайдо) и Тюбу (Хонсю, пещеры Муроя), в южной части Тохоку и Канто (Хонсю, верховья бассейна реки Тонэ) свидетельствует о межкультурных связях, существовавших в то время [Боднев 2001: 31; Васильевский, Лавров, Чан 1982: 113; Kumagai 2001: 136; Murakami 2007: 19].

Форму ранних сосудов юга, к сожалению, восстановить пока не удалось. Здесь встречаются фрагменты круглодонных горшков с рельефным венчиком. В отличие от северных и восточных районов, украшением служили налепные жгуты и бобовидный орнамент — налепы, напоминающие половинку боба (яп. *то:рю:мон*). Несколько более поздним считается ногтевой декор⁷ [Боднев 2001: 17].

В целом можно отметить, что в керамическом производстве раннего периода (даже в пределах какой-либо одной области) существовали локальные особенности.

С конца эпохи протодзёмона население Японских островов постепенно переходило к оседлому образу жизни. Это доказывается находками на древних стоянках ям для хранения орехов и других плодов [Matsumoto 2005: 4].

Древнейшими стоянками со следами оседлости считаются Содзияма и Какоинохара, существовавшие почти в одно и то же время — 11 тыс. л.н. Обе располагаются на Кюсю в префектуре Кагосима. Существует предположение, что жилища на этих стоянках были временными: на Содзияма — зимние, а на Какоинохара — лет-

(памятник Камодай-2), налепными жгутами и ногтеобразными штампами (памятники Дайсинтё, Хината, Хибакюива, Итиносава), налепными жгутами и вдавленными веревочными штампами (Охара-В), налепными жгутами и прокатанными веревочными штампами (памятник Ситакубо), ногтеобразными и вдавленными веревочными штампами (памятники Дзадзараги, Минамисувахара) [Боднев 2001: 34; Murakami 2007: 4].

⁷ Керамика на юге Японии с налепными жгутами датируется около 12,5 тыс. л.н. (пещеры Фукуи (Кюсю), стоянка Камикуроива (Сикоку)) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 19; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 51; Спеваковский 1989: 57]. К находкам времени 11–10 тыс. л.н. относятся изделия с налепными жгутами, а также бобовидным орнаментом, ногтеобразными оттисками, вдавлено-вытянутым декором (яп. *осибикимон*) (пещеры Сэмпукудзи (Кюсю)). Иногда встречается керамика без орнамента (памятники Нитао, Ёкоитакэнояма (Кюсю), поздние слои памятника Камикуроива (Сикоку)) [Боднев 2001: 13; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 53; Murakami 2007: 4, 20].

ние [Amemiya 1998: 29]. Если так, то традиция смены летних и зимних стоянок прослеживается уже в протодзёмоне⁸.

Следующую эпоху — неолит — ученые часто называют термином «дзёмон», что означает «веревочный узор». Этот узор стал характерным декором керамики нового типа.

Спор относительно связи неолита с культурами предшествующего времени окончательно не решен. По мнению одних ученых, между ними существует прямая преемственность, по мнению других, таковой не было.

В развитии эпохи Дзёмон выделяются пять периодов: начальный (10 тыс. — 7 тыс. л.н.), ранний (7 тыс. — 5,5 тыс. л.н.), средний (5,5 тыс. — 4,5 тыс. л.н.), поздний (4,5 тыс. — 3,3 тыс. л.н.) и финальный (заключительный) (3,3 тыс. л.н. — середина I тыс. до н.э.) [Jyo:mon jidai kenkyu: 2001: 84, 98; Jo:mon jidai: URL: <http://ja.wikipedia>]. На Хоккайдо финальный Дзёмон сменился периодом Дзокудзёмон (Эпидзёмон), который охватывает период с рубежа III в. до н.э. по V–VI вв. н.э. Следует указать также на периодизацию неолитических памятников Сахалина. Здесь можно выделить ранний (9–7 тыс. л.н.), средний (7–3 тыс. л.н.) и поздний (3–2 тыс. л.н.) этапы [Василевский 2008: 139, 200; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

Разнообразные ландшафтные, климатические и экологические условия способствовали развитию различных вариантов Дзёмона. В разные периоды его географические границы изменялись, однако можно выделить несколько зон с устойчивым культурным своеобразием. Это Хоккайдо и северо-восточная часть Хонсю, западное побережье и равнина Канто, Сикоку и побережье Внутреннего моря на о-ве Кюсю. Со временем культура дзёмон распространилась частично на Курильские острова и значительно меньше — на Южный Сахалин. Между разными стадиями Дзёмона прослеживается преемственность [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 100; Левин 1958: 266; Моисеев 2009: 148].

При изучении дзёмонцев невольно возникает вопрос об их связи с айнами, поскольку к настоящему времени только айны со-

⁸ В Со:дзияма, кроме остатков полуподземных жилищ, были обнаружены очаги, выложенные камнем (яп. *хайсэкиро*), и очажные ямы с дымоходом (яп. *эндо:цукироана*) [Matsumoto 2005: 4]. В то время очаги нередко выносились за пределы жилищ.

хранили архаичные черты, присущие древним обитателям Японского архипелага.

Несомненно, айны имели глубокие неолитические корни в Дзёмоне. Это обстоятельство неоднократно отмечалось многими учеными [Левин, Чебоксаров 1951: 350; Козинцев 2007: 155; Моисеев 2008: 137]. Но наряду с этим установлено, что по коэффициенту общих различий айны и дзёмонцы относятся к двум отдельным популяциям и что айны принципиально отличаются от дзёмонцев (исключая хоккайдский тип) наличием монголоидной примеси [Dodo, Ishida 1990: 280; Kozintsev 1990: 259; 1993: 111].

Очевидно, этногенез айнов был сложным и долгим процессом, и на разных исторических этапах в нем принимали участие различные этнические группы⁹. Кроме того, среди дзёмонцев существовали значительные межрегиональные вариации. Это указывает на гетерогенность, то есть сложное, многокомпонентное происхождение.

Разнородность дзёмонцев прослеживается по метрическим показателям и наследованию митохондриальной ДНК. В частности, изучив костные останки со стоянки Фунадомари о-ва Рэбун (один из самых северных островов Японии) и стоянок Канто (восточная часть Хонсю), ученые выяснили, что их характеристики по гаплогруппам различны [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 262].

Долгое время было широко распространено мнение о значительной роли в формировании антропологического типа дзёмонцев населения Юго-Восточной Азии (Южного Китая), а также Австралии и Океании. Однако установлено, что, хотя черепа дзёмонцев обнаруживают некоторые австралоидные черты (совокупность прогнатизма, низкого лица и глазных впадин, широкие носовые отверстия, широкие приподнятые носовые кости), это не дает основания проводить прямые параллели с австралийцами. Такому выводу противоречат существенные отличия: широкая и высокая черепная коробка, не свойственная австралийцам, особая форма заднечерепных костей [Kozintsev 1993: 113]. Надо добавить, что результаты краниоскопических исследований одной из австралоидных групп (папуа-меланезийцы) показали ее отличия от дзёмонских серий. Кранио-

⁹ Отличие дзёмонцев от айнов отчасти объясняется и диахронным фактором — естественным переходом от кроманьонидного типа, характерного для дзёмонцев, к современному морфологическому виду [Kozintsev 1993: 111].

метрические дистанционные исследования также не выявили существенных схожих черт с полинезийцами, меланезийцами, микронезийцами [Ibid.]. В общем, определить расовую принадлежность дзёмонских черепов крайне сложно.

В настоящее время делаются попытки на основании черепно-лицевых данных доказать генетическое родство дзёмонцев и палеоамериканцев [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. Кроме этого, гаплогруппы митохондриальной ДНК носителей культуры дзёмон Хоккайдо «последовательно указывают на их сходство с коренными сибирскими популяциями, населяющими низовья Амура, особенно с ульчами и удэге» [Adachi, Shinoda, Umetsu, Kitano, Matsumura, Fujiyama, Sawada, Tanaka 2011: 358].

Влияние на северные Японские острова еще в палеолите могло происходить с севера через Приамурье и Сахалин (об этом свидетельствуют археологические находки каменных изделий), а на южные — с юга, через Корейский полуостров, а также через Индонезию, Филиппины и Рюкю (согласно анализу костных останков из Минатогава). Скорее всего, дзёмонцы унаследовали в своем облике специфические черты выходцев из этих районов. При этом аборигенное население Хоккайдо можно признать одной из коренных популяций северо-восточной Евразии [Ibid.].

Что касается исходного места расселения отдаленных предков айнов (и дзёмонцев), то, согласно В. Д. Косареву, это широкий регион, включающий Прибайкалье, Алтай, Саяны, Внутреннюю Монголию вплоть до Тибета. По его мнению, современные айны представляют собой наиболее хорошо сохранившиеся «формы» первичного древнеевразийского (палеоазиатского) комплекса [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

На древнеевразийские истоки айнов, в частности, указывает и традиционная айнская система терминов родства. Так, значительное число терминов в айнском языке обнаруживает сходство по фонетике и значению с алтайскими языками (наиболее отчетливо с тунгусо-маньчжурскими) и лишь единицы — с австронезийскими [Спеваковский 1986: 56].

Носители культуры дзёмон занимались собирательством, рыболовством и охотой. В зависимости от времени года преобладал тот или иной вид хозяйственной деятельности. Собирали, как правило, раковины моллюсков, а также растительную пищу: каштаны, орехи, желуди. Сбор раковин осуществлялся весной и летом, растительной

пищи — осенью и ранней зимой. Осенью и в начале зимы дзёмонцы сосредоточивались в основном на рыбном промысле, ловле перелетных птиц, а зиму всецело посвящали охоте [Источники пищи URL: <http://neolitica.ru>].

В рыбном промысле наиболее ценились лосось, окунь, тунец, макрель. Активным был морской зверобойный промысел. Рыбу добывали, используя снасти из растительного волокна и костяные крюки, а для добычи морзверя применяли гарпуны. В охоте важное место отводилось оленям. Оленье мясо шло в пищу, из шкур делали одежду, из кости — рыболовные орудия. Охотились также на кабана, бурого медведя, енота, лисицу, зайца, различных птиц. Основным охотничьим орудием являлся лук со стрелами.

В целом, жизненный уклад дзёмонцев носил общинный характер. По-видимому, среди населения существовал простой товарообмен — орудия из различных материалов археологи обнаруживают в районах, где соответствующее сырье отсутствовало.

Со временем в эпоху Дзёмон на юге Хоккайдо и северо-востоке Хонсю возникло подсечно-переложное земледелие. Здесь стали выращивать гречиху (в Акита обнаружены зерна этой культуры, возраст которых составляет 4500 лет), просо, рис, завезенный из Китая, тыкву, горох. Начало перехода от присваивающих форм хозяйства к присваивающе-производящим ознаменовало важный рубеж японского неолита.

О хозяйстве прилегающих к Японскому архипелагу северных регионов можно составить представление по находкам конца неолита (II — начало I тыс. до н.э.). На Курилах первостепенное значение имели прибрежное собирательство и рыболовство, которые дополнялись охотой на сухопутных и морских животных, а также на водоплавающих птиц [Васильевский 1973: 175]. На Сахалине основными видами хозяйственной деятельности были морской зверобойный и охотничий промыслы.

Переходя к анализу погребений эпохи Дзёмон, следует сказать об их разнородности и отсутствии унификации. Это объясняется тем, что «единой культуры» не было и, надо полагать, каждое племя имело специфические представления о загробной жизни.

На Японских островах встречаются коллективные захоронения, в которых костяки находятся как в согнутом положении (на спине, боку или животе) с ориентацией головы на юго-восток, так и в распрямленном (на спине, боку, животе) без определенной ори-

ентировки¹⁰. Есть могилы в раковинных кучах и ямах, с костяками, обращенными головой на запад, восток, юго-восток, северо-восток и север. Кроме того, зафиксированы погребения в керамических сосудах [Мешеряков, Грачев 2003: 54]. Вне зависимости от формы погребения этой эпохи могли располагаться и около поселений, и на их территории.

В целом прослеживается тенденция постепенного усложнения внешнего устройства могил. Если на начальной стадии Дзёмона умерших хоронили в раковинных кучах или ямах, без каких-либо насыпей над ними и других знаков, то со временем получили распространение могилы с наземными сооружениями различной формы [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 136; Воробьев 1958: 53].

Раковинные кучи (яп. *кайдзука*) — древнейшие неолитические памятники Японии. Обычно их истолковывают как места свалки остатков съеденных моллюсков, однако для населения Японских островов они в первую очередь были священными местами, связанными с религиозно-бытовыми воззрениями. Видимо, поэтому дзёмонцы нередко хоронили покойников в кучах, образованных раковинами [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41].

Известно около 2,5 тыс. скоплений раковин, большинство из которых находится на побережье, обращенном в сторону Тихого океана. На Хоккайдо раковинные кучи продолжали создаваться айнами приблизительно до XVIII в.

Обращают на себя внимание погребения в керамических сосудах (яп. *камэканбо*), получившие повсеместное распространение в период позднего Дзёмона. Наибольшая их часть локализована на севере Кюсю. Фиксируются два способа размещения усопших: в одном сосуде, закрывавшемся каменной или деревянной крышкой, и в двух сосудах, соединявшихся вместе и образующих подобие яйца. Костяки располагались в скорченном положении. Погребальный инвентарь, включавший предметы континентального происхождения, поме-

¹⁰ Согласно одной из гипотез, скорченное положение покойника означало его уподобление человеческому эмбриону. Покойник, по представлениям древних, должен был вновь родиться в виде тотемного животного, поэтому во время похорон его готовили к посмертному возрождению [Каменный век URL: history.gin.ru]. Со временем аборигены тех районов Хоккайдо, которые были близко расположены к Хонсю, стали хоронить усопших в вытянутом положении и ориентировать головой на восток [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41].

щался внутрь. Тип захоронений *камэканбо* находит свое продолжение в эпоху Яёй [O-haka-no rekishi URL: <http://www5f.biglobe.ne.jp>].

На северо-востоке Хонсю, в префектуре Аомори, в погребениях позднего Дзёмона обнаружены костяки красного цвета, что свидетельствует о появлении обряда засыпки тел умерших красной охрой. Как правило, костяки располагались на спине в скорченном положении. Окрашивались лишь некоторые из них, в том числе детские. Возможно, обряд окрашивания совершался в отношении жрецов, старейшин и их детей [Воробьев 1958: 32].

В раковинной куче Ёсиго (префектура Айти), кроме окрашенных костяков, содержались кости скелетов, выложенные в виде четырехугольников, а также перегоревшие и обожженные кости. В первом случае, очевидно, было произведено перезахоронение, выполненное по непонятному обряду, а во втором — частичная кремация [Там же: 35].

На Хоккайдо в период позднего Дзёмона стали возводиться погребения с оградами круглой или овальной формы (диаметром от 10 до 2–3 м) из расставленных с небольшим интервалом камней. Установлено, что каменные круги-ограды получили распространение от Хоккайдо до префектуры Сига на Хонсю, а в более южных районах они не встречаются [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 137]. Примерно в то же время появляются могильники, окруженные земляными насыпями. Внутри насыпей также могли находиться каменные круги, как, например, в памятнике Сюэн (юго-западная часть Охотского побережья Хоккайдо на п-ве Сирэтоко). В каждом круге памятника Сюэн (диаметром 2–6,9 м) был сооружен курган с засыпкой камнями, включавший могильные ямы продолговатой или круглой формы. Они содержали один или несколько костяков, которые располагались в скорченном положении, головой на запад. В одном случае зафиксированы следы кремации¹¹.

Каменные круги известны и на памятнике Готэньяма (находится в 4–5 км к северо-востоку от устья р. Сидзунай на Хоккайдо).

¹¹ Кольцевые ограды и каменные курганы были характерны для памятников афанасьевского (III–II тыс. до н.э.) и андроновского (XVII–IX вв. до н.э.) времени в Сибири, хронологически предшествующих или одновременных позднему Дзёмону [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 184]. Кроме того, различные каменные сооружения фиксируются в приамурских курганах польцевской культуры (V в. до н.э. — IV в. н.э.) [Медведев 1991: 13].

Сопроводительный инвентарь в могилах данного комплекса чаще всего размещался в головах покойных [Там же: 141].

Иногда на Хоккайдо встречаются земляные насыпи без каменных оград (памятники Касиваги (близ Энива), Киусу (близ Титосэ), Отоэ (южная часть Фукагава)). Погребения могли находиться в пределах кольцевой насыпи, непосредственно в самой насыпи, а также у края насыпи с внешней стороны (памятник Касиваги). Они засыпались камнями и имели вид небольших курганов. По форме могильные ямы напоминали вытянутые эллипсы, реже квадраты со сглаженными углами. Ориентировались они главным образом на запад [Там же: 145].

Примечательно, что поверх скорченного костяка дзёмонцы нередко водружали камень. Возможно, в то время полагали, что покойник мог выбраться из могилы, если его душа не достигнет «верхнего мира», а камень должен был воспрепятствовать этому.

В финальном Дзёмоне похороны проводились как по древнему обряду, включая захоронения в раковинных кучах и в керамических сосудах, так и по-новому. Появляются могилы с деревянными гробами или каменными саркофагами, распространяется тип погребений *сисэкибо*, видимо, континентального происхождения: в могилу помещалось тело (иногда в каменном саркофаге либо в керамическом сосуде), яма засыпалась землей, а на поверхности, на земле или на небольших подпорках, устанавливался большой плоский камень (плоскостью к земле). На Хоккайдо сооружаются могильники, аналогичные курганным захоронениям с кольцевыми насыпями позднего Дзёмона.

Хорошо сохранившееся погребение эпохи Дзёмон открыто на Итурупе (стоянка Танковое). Оно расположено на западном склоне 15-метровой дюны, на левом берегу протоки у озера Куйбышево. Могильная яма небольшого размера, 0,94×0,5 м, обильно посыпана красной охрой. В заполнении ямы присутствуют угли [Прокофьев 1986: 19]. Примечательно, что в окрестностях археологи обнаружили культовые сооружения в виде каменных куч и кругов из расставленных по периметру камней, аналогичные хоккайдским, но без погребений [Прокофьев 2000: 59].

Отдельного описания заслуживают дзёмонские жилища. В эпоху Дзёмон население Японского архипелага строило различные типы жилищ, но в основном это были полуземлянки (яп. *татэана*) (рис. 3, 4).

Рис. 3. Поселение эпохи Дзёмон с остатками полуподземных жилищ. Памятник Биби-5 (Хоккайдо). Источник: [Oshima 2001: 116]

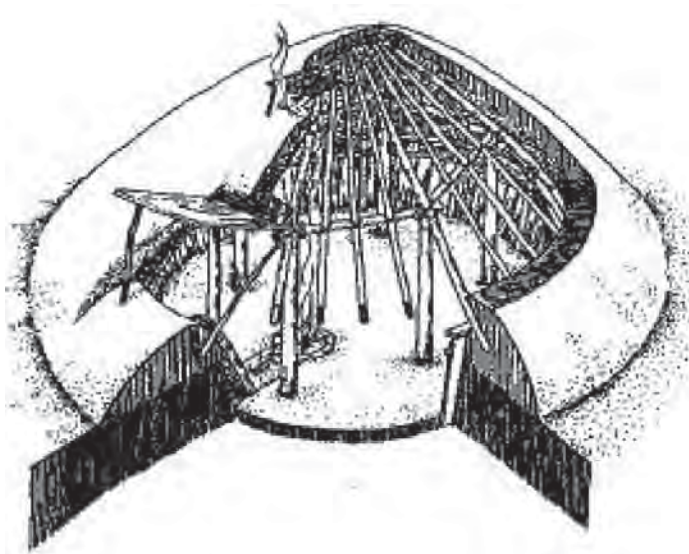

Рис. 4. Реконструкция полуподземного жилища эпохи Дзёмон. Источник: [Jyo:mon jidai URL: <http://www.hi-it.net>]

В целом распространение получили полуземлянки диаметром в среднем 4–7 м и глубиной 30–70 см. Пол мог быть с покрытием (глиняная обмазка, камень, тростниковые циновки). Каркас состоял из четырех или более опорных столбов, предположительно соединенных сверху прогонами, на которые под наклоном укладывались боковые жерди. Жерди упирались в землю, а наверху скрещивались, выполняя таким образом функцию стен и крыши (яп. *фусэясики*). Поверх скрещенных концов помещалась коньковая перекладина. К боковым жердям могли крепиться поперечные жерди, охватывавшие всю конструкцию по периметру снизу доверху. Жерди и балки связывались между собой, а каркас покрывался корой, листьями, камышом, иногда и землей. Вход в дом представлял собой лаз, в более поздних полуземлянках — дверной проем, состоявший из двух жердей и выступавшего над ними небольшого навеса. Очаг вначале выносился за пределы жилища, но потом его стали делать внутри — в центре или ближе к стене. В некоторых жилищах было несколько очагов. Снаружи постройка окружалась водоотводной канавой [Киддер 2003: 38, 40, 41; Мещеряков, Грачев 2003: 48; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88, 89].

Кроме жилищ типа *фусэясики*, дзёмонцы создавали полуземлянки, у которых стены и крыша разделялись (яп. *кабэтатисики дзюкё*), а также сооружения наземного типа *хоттатэбасира*, включая дома с разделявшимися стенами и крышей, свайные постройки, приподнятые над землей (яп. *такаюка*), и различного рода вышки (яп. *мономиягура*) [Oshima 2001: 110]. Следы этих сооружений, в частности, прослеживаются в известном археологическом памятнике эпохи раннего и среднего Дзёмона Саннай-маруяма (префектура Аомори).

Среди сохранившихся остатков полуземлянок начального Дзёмона южной Японии встречаются квадратные ямы со скругленными углами, размером около 2 м, без очагов (памятник Уэнохара (Кюсю)). Ямки от столбов располагались снаружи котлована по кругу [Matsumoto 2005: 6]. Предполагается, что каркас состоял из опорных столбов и жердей, сходящихся в центре, а также горизонтальных жердей. Все это обкладывалось сухой травой.

В восточных и северных регионах Японского архипелага обнаруживаются разнообразные по форме котлованы, некоторые со следами очагов. Устройство каркаса здесь, по всей видимости, принципиально не отличалось от котлованов, распространенных в южных регионах.

В раннем Дзёмоне на юге Хоккайдо появились необычные жилища в виде округлой ямы, внутри которой помещался котлован пятиугольной формы (поселение Хаманасуно). Некоторые из таких сооружений достигали значительных размеров — диаметром около 7 м и глубиной до 2 м. По четырем углам пятиугольного котлована располагались опорные столбы от каркаса, пятый служил культовым целям. Внутри размещался очаг [Abe 2001: 92, 102]. В целом же для этого периода характерны прямоугольные полуземлянки, иногда с округлыми углами, размерами 4×5–5×6 м, с каркасом из опорных столбов, поперечных балок, боковых жердей и овальными очагами в центре, которые могли обкладываться камнями.

Иногда очаги из камня встречаются вне жилищ (памятник Сакаэура-1 (Хоккайдо)). Предполагается, что такие устройства использовались для различных хозяйственных нужд.

В некоторых районах Японии стали возводиться прямоугольные каркасные полуземлянки, достигавшие в длину 10 м (раковинные кучи Сэкияма, Кодэ (Канто)) [Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88]. Жилища крупных размеров строились в большом количестве с раннего по средний Дзёмон, широко распространившись в областях Тохоку и Хокурику [Киддер 2003: 40; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 37].

Среди крупных построек среднего Дзёмона обнаружено здание размером 32×10 м и глубиной 1,2 м (стоянка Саннай-маруяма (Тохоку)). Каркас состоял из опорных столбов по периметру, столба в центре, поперечных балок, жердей. Думается, что стена и крыша были разделены. Внутри находился очаг, выложенный камнями. Как отмечалось выше, в Саннай-маруяма обнаружены также следы обычных полуземлянок небольшого размера, зданий, приподнятых над землей, и вышек [Sannaimaruyama iseki URL: <http://bekkan.web.infoseek.co.jp>].

В числе нововведений среднего Дзёмона следует назвать появление в юго-западной части Хоккайдо полуземлянок яйцевидной формы (памятник Титосэ-6 (Хоккайдо)), а на Хонсю в районах Канто и Тюбу — полуземлянок, напоминающих японские зеркала с рукоятью (яп. *экагамигатасики дзю:кё*) (стоянка Маэхара (Канто))¹²

¹² Котлованы зеркалообразных жилищ имели округлую либо квадратную с округлыми углами форму, небольшой коридорообразный отвод в сторону, предположительно служивший входом. Пол часто мостился камнями, в центральной части располагался каменный очаг.

[Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 88; Oshima 2001: 113; Saishin nihon ko:kogaku 1999: 33]. Кроме этого, широко распространились очаги с каменными кладками, очаги, выложенные черепками и очаги в керамических сосудах, вкопанных в землю (поселение Йосуконэ (Тюбу)). Иногда каменные кладки и черепки соединялись вместе (памятник Атагохара (Тохоку)) [Киддер 2003: 41, 42; Jo:mon jidai kenkyu: 2001: 89].

В позднем и финальном Дзёмоне «зеркалообразные» жилища типа *экагамигатасики дзю:кё* появляются в северо-восточной части Хоккайдо (стоянка Тосамупоро (Хоккайдо))¹³ [Sugiura 2001: 223]. Повсюду в Японии также строились небольшие жилища без коридоров — прямоугольные, квадратные, округлые, овальные. Археологические находки указывают на то, что полы во многих из них покрывались циновками.

Наряду с полуземлянками все больше создавалось построек с полом на уровне земли или на небольшой насыпи и свайных амбаров. Амбары стали особенно востребованными с эпохи Яёй, когда получило распространение земледелие. Они считаются прототипом современных свайных жилищ японцев.

На Сахалине ранненеолитические жилища представляли собой каркасные сооружения средних размеров с котлованами круглой, овальной и подчетырёхугольной форм. По мнению А. А. Васильевского, их форма различалась не регионально, а локально — определенного стандарта, видимо, не было [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>]. Примером может служить овальная полуземлянка, раскопанная на Южном Сахалине, длиной около 5 м и глубиной 25 см (поселение Славная-4) [Грищенко, Можяев 2009: 548].

О жилищах среднего и позднего неолита можно сказать, что очаги в них были ямного типа без каменных кладок (на Южном Сахалине среди памятников культуры сони встечались очаги кострового типа). Отсутствие ограждений из камней отличало их от дзёмонских [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 22].

Некоторые постройки того времени реконструируются по находкам из памятника Чайво-6 (Северный Сахалин, начальный период среднего неолита). Одна из исследованных здесь полуземля-

¹³ С наступлением Дзокудзёмон они обнаруживаются также на севере Хоккайдо (со стороны побережья Охотского моря), на востоке (со стороны Тихого океана), кроме этого, на Камчатке и Курильских островах.

нок имела квадратную форму размером 6×6 м и глубиной около 50–70 см. С небольшим смещением от центра находился овальный очаг. Каркас состоял из столбов и стропил, поддерживающих (предположительно) четырехскатную кровлю. Сохранившиеся в полу ямы свидетельствуют о том, что внутри помещения, у очага и вдоль стен, были какие-то конструкции [Грищенко 2008: 37].

Обращают на себя внимание поздненеолитические землянки южной (группа памятников седыхинской культуры) и северной (стоянка Ноглики-1) территорий острова. Если первые обнаруживают сходные элементы с приамурскими жилищами, то вторые — еще и с приморскими¹⁴. Поскольку на стоянках Северного Сахалина встечаются керамика и каменный инвентарь, аналогичный изделиям низовьев Амура, становится очевидной связь между этими двумя областями [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Козырева 1967: 65].

Ряд памятников приблизительно II — начала I тыс. до н.э. археологи исследовали на Курильских островах — Кунашире (стоянки Алехино, Серноводск) и Итурупе (стоянка Курильск). Котлованы, обнаруженные здесь, содержали округлые и прямоугольные очаги с каменными выкладками — свидетельство влияния культуры Дзёмон [Васильевский 1973: 172].

Важное место в производственных занятиях дзёмонцев занимало изготовление керамики, а также изделий из камня, кости, дерева и растительных волокон.

Керамические сосуды использовались для хранения продуктов и приготовления пищи. Их изготавливали из грубой глиняной массы с примесью растительных волокон, песка или слюды, обжигали при низкой температуре — 600–800 градусов, поэтому керамическая утварь была довольно хрупкой и имела красноватый оттенок. Можно выделить несколько основных способов производства: методом обмазки основы (предполагается, но пока не доказано); ручной лепки; послойного налёпа глиняного жгута; при помощи поворотной подставки. Метод ручной лепки, вероятно, наиболее древний.

¹⁴ Особенностью жилищ Ноглики-1 было то, что над полом поднимались плоские уступы высотой 32–35 см. Сохранились также следы двух выходов, обращенных к югу. Они были узкие, короткие, без надстроек и, по видимому, не являлись основными [Козырева 1967: 50; Шубина 1986: 23].

По форме дзёмонская керамика представлена широкогорлыми вазами, напоминающими воронку, вазами цилиндрическими, сферическими (с короткой или длинной, широкой или узкой шейкой), а также горшками, котелками, мисками, тарелками, сосудами с носиком, сосудами на поддоне. Впрочем, перечень посуды не ограничивается лишь этими видами, поскольку постепенно происходило развитие и усложнение форм керамических изделий.

Основу художественного оформления керамики составляли орнамент в виде оттисков, наносившихся крученым шнуром (вдавления, накаты), резными деревянными палками-стеками, которые прокатывали по поверхности изделия, или раковинами (прочесы), прямые и искривленные резные линии, выполнявшиеся бамбуковыми палками или краем раковины, ряды отверстий или круглых углублений, наклепных шнуров, «жемчужин», наконец, лощение и окраска. Методы орнаментирования различались в зависимости как от времени, так и от региона.

Для эпохи Дзёмон наиболее характерна техника веревочных оттисков. Какое она имеет происхождение на Японских островах — местное или континентальное, установить сложно [Левин 1958: 262; Киддер 2003: 68; Мешеряков, Грачев 2003: 40]. В пользу континентальных истоков может свидетельствовать то, что веревочная керамика фиксируется в финально-плейстоценовых культурах Южного Китая, а также Приамурья, около 13–10 тыс. л.н. В Приамурье, например, фрагменты сосудов с веревочными оттисками-вдавлениями были найдены на стоянках граматухинской культуры, которые локализуются на Среднем Амуре, а также осиповской культуры низовьев Амура (поселения Хумми-1) [Яншина, Лапшина 2008: 154].

Керамика начального Дзёмона состояла преимущественно из высоких широкогорлых ваз с округлым или заостренным дном и прямым венчиком, реже — с плоским дном и волнистым венчиком (рис. 5). Состав теста был неоднородным. Он содержал множество примесей, включая песок, мелкие камешки, слюду, растительное волокно. Декор отличался разнообразием и варьировал в зависимости от региона. Так, украшением на сосудах служили веревочные оттиски в виде горизонтальных или вертикальных полос, наносившихся по всей поверхности или верхней части сосуда (стоянка Нацусима (Канто)), оттиски от стека (памятник Сэнбагатани (Кюсю)), раковин (памятники типа Тадо (Канто)), прорезные ли-

Рис. 5. Керамические сосуды начального периода Дзёмон.
Памятник Накано-В (Хоккайдо).

Источник: [Nakodate ku:ko URL: <http://isikari.genin.jp>]

нии (раковинные кучи Сибогути, Каяма, Кайгараяма (Канто)), наlepные жгуты (памятники Мисава-2, Такаока-1 (Хоккайдо)), а также округлые вдавления (памятник Накано-А (Хоккайдо)) и отверстия (памятники Касивара (Кюсю), Нумадзири (Хоккайдо)), располагавшиеся вдоль венчика [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 100; Воробьев 1958: 19; Киддер 2003: 68; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 55, 58; Kumagai 2001: 138, 142]. Примечательно, что веревочные оттиски не получили распространения в южных районах — на Кюсю.

Следует отметить, что на Хоккайдо уже в начальном Дзёмоне в керамике юго-западных и северо-восточных районов проявляется специфика, развитие которой в этих регионах шло по-разному. Остродонные гончарные изделия с веревочными оттисками юго-западной области Хоккайдо (поселение Сумиёситё) в форме и орнаментации обнаруживают сходство с сосудами Хонсю (поселения Нацусима и Кайгараяма) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 102, 110, 115; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 55]. А в посуде северо-вос-

Рис. 6. Керамические сосуды раннего периода Дзёмон.
Памятник Гифу (Хоккайдо).

Источник: [Jyo:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>]

точных областей с плоским дном и гребенчатым орнаментом заметно влияние материковых неолитических культур Приамурья, Приморья и Кореи. Различия в керамике юго-запада и северо-востока Хоккайдо прослеживаются с самого начала и до конца эпохи Дзёмон [Арутюнов, Щебеньков 1992: 36; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Васильевский 1981: 44].

В целом, к концу начального Дзёмона остродонные сосуды начали сменяться плоскодонными (рис. 6). Форма стала более разнообразной. Дополнительное развитие получили налестной декор и веревочные отпечатки [Жушиховская 2012: 14].

На Хонсю в Кинки, Канто и некоторых других районах в раннем Дзёмоне появилась керамика нового типа — Мороисо. Она сопровождалась различного рода отпечатками, налестными жгутами, раскраской. В то же время памятники Тохоку отмечены зарождением стиля Энто — сосуды в виде глубоких горшков с веревочными отпечатками и штампами [Там же: 11]. Традиции Мороисо и Энто найдут продолжение в последующее время.

В среднем Дзёмоне керамическая продукция отличалась особым разнообразием. В обиход дзёмонцев вошли высокие цилиндрические вазы с расширенным венчиком, узкогорлые кувшины, сосуды с округлым туловом, небольшие чаши с ручками. Венчики у них украшались вычурными ручками или ушками, в качестве декора ис-

Рис. 7. Керамические сосуды среднего периода Дзёмон. Памятники Иванаохара и Уматака (префектура Ниигата). Муниципальный музей науки г. Нагаока. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 11]

пользовался накладной и лепной орнамент, сочетавшийся с резными линиями и покрывавший большую часть тулова (рис. 7) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 150; Воробьев 1958: 25; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 60; Kumagai 2001: 155].

Наиболее значительные стили среднего периода — Кацудзака (Тюбу (Хонсю)) и Атамадай (Канто (Хонсю)). Они отличаются значительным разнообразием форм и орнаментов, при этом отражают стилистические особенности памятников предшествующей эпохи.

В позднем Дзёмоне получили распространение небольшие сосуды с расширенным туловом (тонкостенные пиаловидные чаши, горшки, выпуклые кувшины с шейкой перехватом, сосуды с носиком, сосуды на поддоне) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 150, 151, 156]. Появились неорнаментированная гладкостенная керамика и такие техники, как лощение, нанесение налипных шишечек, «жемчужин», тогда как сложные фигурные венчики сосудов среднего периода стали исчезать.

Среди необычных находок есть вазы с изображениями личин и фигурок *догу* (могильники Касиваги, Мохэдзи (Хоккайдо); стоянка Банбаомурояма (Канто)) (рис. 8). Очевидно, эти предметы использовались дзёмонцами в культовых целях [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147; Juo:mon jidai kenkyu: 2001: 587]. Примечательно,

Рис. 8. Керамический сосуд позднего периода Дзёмон с изображением личины. Памятник Мохэдзи (Хоккайдо). Государственный токийский музей. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 20]

что в позднем Дзёмоне на Хоккайдо появляются сосуды со спиральным узором, аналогичным амурскому типу (памятник Нисэко) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

В финальном Дзёмоне по декору и форме керамики на территории Японского архипелага выделяются две крупные области: западная (Кюсю, Сикоку, юг Хонсю) и восточная (Хонсю (южная часть Канто, Тохoku), Хоккайдо). Южные районы Канто характеризует локальная культура ангё, районы Тохoku и юг Хоккайдо (п-в Осима) — культура камэгаока, Хоккайдо в целом — культура нусамай.

В это время обнаруживается культурообмен между различными областями [Мещеряков, Грачев 2003: 51; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 63]. Повсеместно начали преобладать тонкостенные

Рис. 9. Керамический сосуд финального периода Дзёмон с красочным покрытием. Памятник Камэгаока (префектура Аомори).
Префектуральный краеведческий музей г. Аомори.
Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 24]

сосуды небольших размеров: блюда, тарелки, чаши на поддонах, горшки (с носиками и без), вазы со сферическим туловом и короткой шейкой. Они украшались веревочными оттисками, резными линиями, налепными жгутами и рельефными изображениями с сочетанием рубчиков и желобков. Пара резных линий, расположенных на некотором расстоянии друг от друга, могла образовывать ленту, внутреннее поле которой заполнялось различными декоративными элементами (памятники Камэгаока (Тохоку), Ангё (Канто)), встречаются сосуды с окраской (памятники Камэгаока, Корэкава (Аомори), Сядай-1 (Хоккайдо)) (рис. 9). В целом, венчики утратили вычурность и стали проще [Васильевский 1981: 41; Киддер 2003: 74; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 65].

Постепенно в западных районах Японии все отчетливее проступает влияние континентальной культуры яёй. Форма и орнамент керамики видоизменились.

Одна из наиболее характерных находок, относящихся к эпохе Дзёмон, — фигурки *догу*. Они встречаются по всей территории Японских островов: от Кюсю на юге до Хоккайдо на севере, но наиболее широко и разнообразно представлены в Восточной Японии (рис. 10).

Рис. 10. Керамическая фигурка *догу* финального периода Дзёмон. Памятник Макумаэ (префектура Иватэ). Комитет по вопросам образования г. Итинохэ. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 35]

Древнейшие *догу* имели вид небольшой пластины с изображением женской груди. В среднем Дзёмоне появились более реалистичные фигурки с конечностями, их размер увеличился. Постепенно происходило усложнение формы, так что в позднем Дзёмоне стали изготавливаться даже сидящие фигурки со скрещенными на груди руками [Окладников, Бродянский, Чан 1980: 90].

Как правило, археологи находят поврежденные фигурки, что позволяет рассматривать их в качестве ритуальных предметов, умышленно сломанных с магическими целями. Есть *догу*, окрашенные охрой, а также полые фигурки с детскими костями внутри. На некоторых фигурках отмечен декор, имитирующий украшения.

Догу обнаруживают не только на поселениях, но и в могильниках. Особенно часто они связаны с погребальным обрядом в позднем и финальном Дзёмоне [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 160]. В некоторых районах Японии попадаются *догу* в погребениях с оградками из камней (могильник Такасаго (Хоккайдо), памятники Аматаки, Курохама, Сугисава (Тохоку), Касори, Гохара (Канто)), а также в специальных ямках (памятники Такасаго и Тэбонайно (Хоккайдо)). Возможно, традиция создания специальных ямок с фигурками предшествовала айнской похоронной практике¹⁵ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 160, 167; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 88].

Нередки находки и зооморфных *догу* (стоянка Сацукари (Хоккайдо)). Зооморфные скульптурки в виде медведей, обезьян, собак, кабанов и черепах встречаются в археологических памятниках Восточной, Центральной и Северной Японии. Они выступали символическими воплощениями духов животных и использовались в культовых целях [Киддер 2003: 85].

На Хонсю и Хоккайдо, кроме *догу*, иногда встречаются керамические маски. Фрагмент одной из них размером 13–15 см был обнаружен в памятнике Маваки, расположенном в окрестностях г. Ното (уезд Фугэси) префектуры Исикава (рис. 11). Этот археологический объект включает культурные слои с середины начального по середину позднего периода Дзёмон. Маска находилась в числе

¹⁵ По айнскому обычаю, когда человек погибал в море или на охоте и сородичи не могли найти его останки, из дерева делали статуэтку и погребали ее. Если позднее останки находили, то производили перезахоронение [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 167].

Рис. 11. Фрагмент керамической маски среднего периода Дзёмон. Памятник Маваки (префектура Исикава) (слева). Реконструкция маски из Маваки (в центре) и маска кокусёкуи театра но: (справа).
Источник: [Ueno 2004: 41, 42]

предметов, датируемых средним периодом¹⁶ [Ueno 2004: 161]. Еще одна небольшая керамическая маска, относящаяся к позднему Дзёмону, была найдена в памятнике Ассо, в г. Таканосу (уезд Китааки-та) префектуры Акита. Ее форма довольно точно повторяет внешние черты лица (моделировку глаз, носа и пр.). Возможно, обе находки представляют собой имитации масок из кожи, использовавшиеся прежде в обрядовых практиках¹⁷.

Примечательно, что предмет из Маваки был обнаружен вблизи деревянного столба. На Хоккайдо, в районе г. Титосэ, в памятнике Мамати АР-310, археологи также нашли керамическую маску Дзёмон позднего периода вместе со следом от столба (рис. 12)¹⁸.

¹⁶ Предмет по декору напоминает японскую маску кокусёкуи, использующуюся в театре Но: (рис. 11) [Ueno 2004: 161].

¹⁷ Для примера К. Уэно обратился к японскому празднику с масками *намахэгэ*, который по сей день проводится на территории от Хокуруку до Тохоку (рис. 13). В день праздника молодые люди надевают на себя большие маски демонов, соломенные плащи (яп. *мино*), берут бутафорное оружие и в таком облачении посещают дома. Там их угощают едой и сакэ, а они, в свою очередь, произносят поздравления [Ozawa 1999: 87]. Анализируя смысл названий праздников и истоки их происхождения, К. Уэно пришел к выводу, что праздник *намахэгэ* в древности был связан с обрядом сдирания кожи [Ueno 2004: 156].

¹⁸ Маска располагалась в 50 см от предполагаемого столба, на краю ямы. Можно предположить, что маска некогда была закреплена на столбе, но с течением времени столб сгнил и маска свалилась [Ueno 2004: 94].

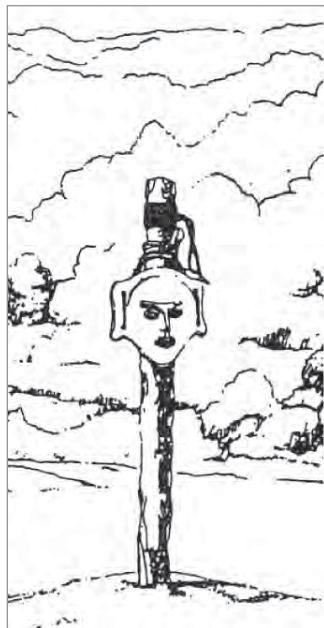

Рис. 12. Керамическая маска позднего периода Дзёмон. Памятник Мамати АР-310 (Хоккайдо) (слева). Реконструкция приспособления для крепления маски (справа). Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 35; Ueno 2004: 94, 95]

Рис. 13. Праздник с масками *намахагэ* (префектура Акита).
Источник: [Ozawa 1999: 87]

По мнению К. Уэно, оба предмета (и столб, и маска) представляли собой один культовый комплекс. Обряд с таким комплексом распространён в настоящее время в некоторых районах Тохоку и связан с почитанием божества очага¹⁹. В древности маска и столб также могли иметь отношение к божеству очага [Ibid.: 94].

Некоторые маски эпохи Дзёмон, по всей видимости, использовали шаманы. В подтверждение этой гипотезы К. Уэно приводит примеры масок с асимметричными чертами, напоминающими лицо человека, находящегося в транс²⁰ (рис. 14) [Ibid.: 214]. О связи масок с шаманством свидетельствуют и размеры. Дзёмонские изделия, как правило, небольшие и похожи на маскоиды («ложные маски» без отверстий для глаз и рта) народов Сибири²¹.

Тории Рюдзо также обратил внимание на керамические куклы эпохи Дзёмон и маски, которыми эти куклы накрывались (рис. 15). Не исключено, что небольшой размер дзёмонских масок объясняется их использованием для кукол.

Интересный фрагмент керамической маски (нижняя часть) археологи обнаружили в префектуре Мияги. находка относится к среднему периоду Дзёмона и имеет сходство с деревянной маской айнов Курильских островов (рис. 16).

Важной в свете изучения древних культур Хонсю и Хоккайдо является их связь с Сахалином. В неолите Сахалина, как отмечалось выше, выделяются три этапа: ранний, средний и поздний, а также несколько локальных культур с характерной керамикой — южно-сахалинская (включая культуру сони), имчинская, седыхинская и анивская. Южно-сахалинская, имчинская и седыхинская куль-

¹⁹ В области Тохоку столб с безобразной маской (либо рисунком), почитаемой как божество очага, устанавливают вблизи очага и называют *камаотоко*, *хиотоко*, *камадзин* или *камаботокэ*. В области Одзикамати (Одзикамати гун) префектуры Мияги маски называют также *камагамисама*, а шест — *иваи-бо*.

²⁰ Традиция изготовления масок с искажёнными чертами лица с эпохи Дзёмон дошла до Средних веков. Яркий пример — маска старухи из храма Тюсон-дзи, которая используется во время ежегодного праздника *эннэн*. Маска была изготовлена в эпоху Камакура и, по преданиям, отображала жрицу-шаманку.

²¹ Манси использовали в культах деревянную скульптуру с масками или маскоидами из бересты, эвенки — с металлическими масками. Величина некоторых маскоидов эвенков не превышала 2—4 см [Иванов 1975: 25].

Рис. 14. Керамическая маска финального периода Дзёмон с асимметричными чертами лица. Памятник Макумаэ (префектура Иватэ). Комитет по вопросам образования г. Итинохэ. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 36]

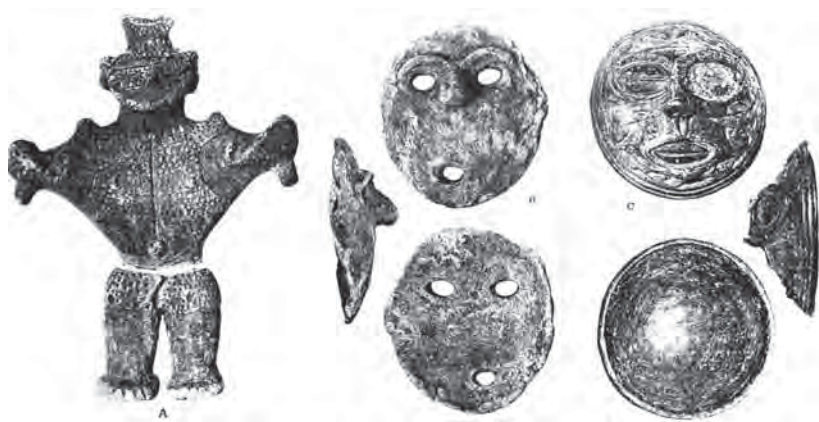

Рис. 15. Керамические изделия эпохи Дзёмон: антропоморфная фигурка (префектура Акита) и маски (префектуры Акита и Нагано). Источник: [Тоrii 1919: pl. XVI]

Рис. 16. Деревянная маска и кукла айнов Курил (слева). Фрагмент керамической маски среднего периода Дзёмон. Раковинная куча Нумадзу (префектура Мияги) (справа). Источник: [Torii 1919: pl. XV; Ueno 2004: 97]

туры соотносятся со средним этапом неолита, а анивская — с эпохой перехода от позднего неолита к раннему железному веку [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76; Грищенко 2009: 18; Кузьмин 2005: 107].

Находки керамики периода раннего неолита отличает большое разнообразие, которое отчасти объясняют «волнообразным и дискретным характером миграционных процессов» [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 19]. Среди находок типичны фрагменты плоскодонных сосудов с органической и минеральной примесью, декором в виде заглаживания раковинной, на дне некоторых прослеживаются ребристые отпечатки, оставшиеся от формовки изделия на раковине моллюска (стоянка Славная-4 (Южный Сахалин)). Формовка на раковине — прием, известный по керамике начального Дзёмона Хоккайдо [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко 2009: 16]. Да и в целом гончарная продукция Сахалина обнаруживает заметное типологическое сходство с древнедзёмонской (стоянки Ятиё А, Акацука (Хоккайдо)), при

этом разделения на южный и северный ареалы пока не прослеживается [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 19].

Средний неолит Южного Сахалина характеризует локальная культура сони, южные границы которой очерчены областью п-ва Крильон и о-ва Монерон, а северные — поселками Пильво и Ноглики. По времени памятники культуры сони (стоянка Садовники-2, поселения Кузнецово-3, 4, Стародубское-3 и др.) соотносятся с начальным этапом среднего периода.

В керамике сони преобладали плоскодонные сосуды с открытым устьем, без выделенной горловины, изготавливавшиеся из глины с примесью мелкорубленной травы. Дно и резервуар имели четырехугольную форму, венчики оформлялись треугольными выступами или лепными валиками (рис. 17). Этот тип керамики отличался как от южной — дзёмонской, так и от северной — нижнеамурской и приморской.

Рис. 17. Керамический сосуд сони эпохи среднего неолита. Стоянка Стародубское (Южный Сахалин). Университет Тохоку. Источник: фото О. Яншиной

История происхождения культуры сони и причины ее исчезновения (рубеж VI и V тыс. до н.э.) не установлены. По всей видимости, она существовала не более тысячи лет и была вытеснена культурой выходцев из низовьев Амура [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21; Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко 2009: 16].

Синхронно сони на Сахалине существовало еще несколько культур с аналогичной по технологическим признакам керамикой, в том числе в долине р. Тымь и на северном побережье [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76]. Об этих культурах практически ничего не известно.

К южносахалинской керамике конца среднего неолита можно отнести сосуды с яйцевидным туловом, открытым устьем и поддоном, изготовлявшиеся из теста с примесью толченой раковины моллюска (поселение Седых-1, керамика типа тунайча). Последний тип, тунайча, по многим показателям сближается с имчинской традицией [Там же].

Имчинская культура получила распространение на Северном Сахалине в середине V тыс. до н.э. (поселения Имчин-2, 12, Северо-Сахалинск-1 и др.). Она включала два этапа и соответственно два типа керамики: плоскодонной и с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком²². Очевидно, смена гончарных традиций (от сони к типам тунайча и имчин) объясняется миграцией на остров населения из районов Восточного Приамурья [Там же].

Своеобразием гончарной продукции отличались районы северо-восточного (памятники Сабо, Кадыланы, Русса) и северо-западного побережья Сахалина (памятники Теньги, Погиби, Вяхту, Лангры) [Шубина, Жушиховская 1986: 17, 18]. Но эти региональные культуры пока мало изучены.

Среди поздненеолитической керамики Южного Сахалина выделяются плоскодонные сосуды усеченно-биконической формы,

²² На первом этапе имчинской культуры сосуды были с рельефным линейным орнаментом (горизонтальные каннелюры), без орнамента или с гребенчатыми оттисками. При их изготовлении использовались глина с большой примесью органики и слабый обжиг. На втором этапе (поздний неолит) технология изготовления и декор несколько изменились — распространился метод обмазки поверхности, улучшилось качество обжига, а орнамент стал более разнообразным [Шубина, Жушиховская 1986: 17].

с прямым, слабоогнутым или отогнутым наружу венчиком и пояском в верхней части (поселения Седых-1, Охотское-3)²³. Форма и декор сосудов седыхинского типа свидетельствуют о тесных связях с нижеамурскими культурами вознесенновского типа. Одно из характерных соответствий — окраска²⁴ [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Шубина 2002: 50, 55]. Северосахалинскую керамику, в свою очередь, с посудой низовьев Амура сближает орнамент в виде наклонных гребенчатых штампов (поселение Ноглики-1)²⁵ [Козырева 1967: 54, 64].

В целом же в период позднего неолита на всей территории Сахалина произошло развитие приамурских неолитических традиций, отличавшихся от дзёмонских. Для них характерны «примесь толченой раковины с моллюском, а не растительных волокон или песка; орнаментация гребенчатым штампом, а не лепными фризами и шнуром» [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Дерюгин 2009: 52].

На завершающем этапе позднего неолита, как отмечалось выше, на Сахалине получила распространение анивская культура. Она имела тесную связь с культурой сусуя (см. ниже).

Древние культуры Курильских островов изучены слабо. Памятники палеолита пока не найдены [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 76]. По результатам археологических исследова-

²³ Южносахалинская керамика изготавливалась из глины, содержащей толченую раковину или песок. Орнамент состоял из прямых, волнистых или спиралевидных резных линий, геометрических фигур с применением лощения и окраски (поселение Седых-1, керамика типа Седых). Встречаются сосуды без орнамента (поселение Охотское-3) и с волнистыми оттисками, нанесенными зубчатым краем раковины (Охотское-3).

²⁴ Окраска обнаруживается также на хоккайдской керамике позднего Дзёмона. На Хоккайдо, по мнению А. А. Василевского, крашенная посуда проникала с континента через Сахалин [Василевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

²⁵ Тесто керамики Северного Сахалина было без примеси или с небольшой долей песка и мелкого гравия. Венчики декорировались налепными жгутами, а также заглаженными, углубленными полосами, короткими наклонными оттисками гребенчатого штампа. У некоторых сосудов стенки украшались гребенчатым штампом (короткие наклонные оттиски, иногда перекрещивающиеся, а также вертикальный гребенчатый зигзаг), пересекающимися резными насечками [Козырева 1967: 47].

дований, проводившихся на Итурупе, Кунашире и Симушире, возраст древних неолитических поселений с жилищами восходит к рубежу среднего и позднего неолита (4200—2200 л.н.), хотя на Итурупе известны археологические стоянки более раннего времени (7000 л.н.) [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77; Шубин 1986: 13; Yanshina, Kuzmin, Burr 2009: 31].

Находки, сделанные на Итурупе, характеризует прежде всего керамика с веревочными оттисками-вдавлениями древностью около 7 тыс. л.н. (стоянки Янкито-1, 2). На Курилах она самая ранняя и сближается с керамикой Хоккайдо раннего Дзёмона [Yanshina, Kuzmin, Burr 2009: 31]. Кроме того, здесь найдено много сосудов, аналогичных охотским (поселение Куйбышевское), а на Кунашире — изделий, по многим показателям сближающихся с дзёмонскими среднего и позднего периодов (поселение Серноводское)²⁶ [Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 22; Васильевский 1973: 170—172; Прокофьев 1986: 19].

Наличие на Курилах охотской керамики, получившей распространение также на Сахалине и Северном Хоккайдо, свидетельствует, в частности, о появлении (приблизительно в конце I тыс. до н.э.) новой волны переселенцев — носителей охотской культуры [Васильевский 1973: 177; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77; Шубин 1986: 77].

В памятниках Дзёмона на Японских островах, кроме керамики, важен каменный инвентарь. Каменная индустрия развивалась постепенно, синхронно развитию керамики и достигла совершенства в позднем Дзёмоне.

Изделия из камня изготавливались известными способами: сколом, оббивкой, ретушированием и шлифовкой. Наиболее древняя из них — техника скола, которая характерна еще для докерамических культур. В эпоху Дзёмона чаще всего применялась оббивка в сочетании с ретушью и шлифовкой.

²⁶ Среди керамической продукции Итурупа — плоскодонные горшки, изготовленные из глины с примесью органических веществ. Украшением служили веревочные оттиски, пояски из коротких насечек, налепные жгуты, шишки, различные лепные фигуры. На Кунашире найдено множество фрагментов сосудов из теста с примесью песка, с веревочными оттисками, рельефными жгутами и круглыми вдавлениями [Васильевский 1973: 170—172].

Материалом в каменных технологиях служили как твердые породы (кремнистый сланец, андезит, кремьень, обсидиан, кварц), так и более мягкие (змеевик, известняк, песчаник). Применялись также яшма, жадеит, аргиллит, диорит, смоляной камень (разновидность вулканического стекла). Техника обработки во многом зависела от характера материала [Воробьев 1958: 45, 46; Киддер 2003: 56].

В начальном Дзёмоне бытовали топоры, наконечники стрел, скребковидные ножи. В распространении тех или иных видов инструментария выделяются устойчивые зоны. Так, скребковидные ножи, хотя и были распространены повсеместно, чаще применялись населением южной части Хоккайдо и северо-восточной области Хонсю — Тохоку. Материалом служили кремнистые породы, обсидиан.

По форме ножи делились на изделия с продольным и поперечным лезвием, черешок для рукояти оформлялся в виде своеобразного выступа, к которому крепилась рукоять (на черешках иногда встречаются следы смолы, асфальта, фрагменты шнура) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 170; Воробьев 1958: 19, 20; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 69]. Использовались ножевидные орудия для открывания створок раковин, разрезания шкур, разделки животных и резки овощей [Киддер 2003: 59].

Топоры были неправильной формы, реже овальные в сечении или плоские (стоянка Инаридай (Канто))²⁷. Их привязывали к палке в форме крюка таким образом, что готовое изделие напоминало мотыгу. Подобного рода предметы в более позднее время встречались у айнов.

Кроме вышеперечисленных орудий, археологи часто находят резцы, скребки, пластины, бифасы, проколки, долота.

Отметим, что на начальной стадии неолита фиксируется относительное технологическое единство каменных индустрий Хоккайдо и Южного Сахалина. Оно прослеживается по ножам типа *микосиба* и черешковым остриям *татакава* [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>]. Кроме того, в памятниках от XIII до VIII тыс. до н.э. обнаруживается влияние миграционной волны из

²⁷ При изготовлении топора каменную заготовку привязывали к палке в форме крюка. Таким образом, готовое орудие напоминало мотыгу. Это орудие могло использоваться не только для рубки деревьев и кустарников, но и для копки земли.

Восточной Сибири, Приамурья и отчасти Приморья, которая двигалась на Хоккайдо через Нижний Амур и Сахалин [Васильевский 1973: 160, 161].

В раннем Дзёмоне на островах Японского архипелага широко распространилась техника шлифовки — явление, достаточно редкое для синхронных культур каменного века других регионов Земли. Появились скрипкообразные топоры с лезвием, отшлифованным с обеих сторон, плоские овальные топоры (из расколотой вдоль гальки), отшлифованные по всей поверхности с одной стороны, а также плечиковые топоры (стоянки Кикуна и Сэкияма (Канто)). Известны находки рубящих орудий с отверстием для обуха, которые локализируются на стоянках северо-востока Хонсю и Хоккайдо типа Курохама [Воробьев 1958: 22].

Упомянем предметы, которые можно отнести к разряду украшений, — это серьги и бусы, изготовлявшиеся из змеевика, стеатита, изредка из нефрита (стоянка Мурухама (Тохоку))²⁸. Хотя залежи нефрита на Японском архипелаге дзёмонцам были известны и они вполне могли изготавливать нефритовые украшения самостоятельно, не исключено, что некоторые готовые изделия ввозились с материка Юго-Восточной Азии [Там же: 41].

На стоянках среднего Дзёмона каменный инвентарь отличался большим разнообразием. Существенным добавлением стали жезлы *сэкибо* (стоянки Ивао (Токай), Морисита (Канто), Китасава (Хокурику)) (рис. 18). *Сэкибо* изготавливались из андезита или хлоритового сланца, в поперечном сечении были круглые или овальные, оканчивались одним навершием или двумя, в длину достигали око-

Рис. 18. Дубинка *сэкибо* позднего периода Дзёмон. Титосэ (Хоккайдо). Собрание Судзуки Акихиро. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 40]

²⁸ Украшения в эпоху Дзёмон изготавливались не только из камня, но и из раковин, глины, зубов и клыков животных. В то время они могли играть роль оберегов или служить знаками социальной, групповой, возрастной и половой дифференциации [Мещеряков, Грачев 2003: 53]. Если для изготовления серег и бус подходил практически любой материал, то браслеты чаще всего делались из раковин. Такие украшения были распространены в южных районах Японии [Киддер 2003: 76].

ло 200 см. Для среднего Дзёмона характерны крупные дубинки, для позднего и финального Дзёмона — небольшие. Большинство исследователей считают, что *экибо* были связаны с фаллическим культом [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

В позднем Дзёмоне в Тохоку и на Хоккайдо распространились шлифованные четырехгранные топоры, которые редко встречаются в центральных районах Хонсю и вообще не обнаружены на Кюсю. На Хонсю стали использоваться цилиндрические топоры с круглыми краями и желобком посередине (стоянка Хориноути (Канто)). Эти предметы, а также ряд других находок свидетельствуют о значительной дифференциации локальных традиций в отмеченный период. Кроме этого, развивается техника обработки каменных орудий, а на стадии финального Дзёмона к изделиям из твердых пород камня добавились нефритовые рубящие орудия, видимо, использовавшиеся в особых случаях (стоянка Камэгаока (Тохоку)) [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 172, 173; Воробьев 1958: 25, 29].

Естественно, носители неолитических культур Сахалина и Курильских островов изготавливали каменный инвентарь преимущественно из местных пород — кремней и сланцев, реже — из фельзита и алеврита (памятник Имчин). Но заметное распространение получил и обсидиан, импортировавшийся с Хоккайдо. В целом, индустрия Южного Сахалина (вплоть до 9 тыс. л.н.) развивалась в русле восточноазиатских традиций, а Северного — континентальных [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

В раннеолитических памятниках Южного Сахалина следует обратить внимание на наконечники стрел: черешковые, с выемчатым и прямым основанием. Черешковые острия ярче всего отражают восточноазиатские связи [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>; Грищенко, Можаяев 2009: 549; Шубина 1986: 24].

Среди продукции северной части острова выделяются лодкообразные заготовки клиновидных нуклеусов, аналогичные находкам из памятников Приморья (Устиновка), двусторонне обработанные остроконечники, ромбовидные наконечники стрел и ножевидные пластины, похожие на изделия из Приамурья (памятники Осиповка, Кондон), клиновидные нуклеусы, микронуклеусы, бифасные острия, ножевидные пластины, резцы и скребки, напоминающие орудия из комплексов Северо-Восточного Хоккайдо (памятники Сиратаки-30, 32, Татикарусинаи, Окэдо, Саккоцу) и Юго-Западного Хоккайдо (памятники Татикава, Тогэсита). Кроме того,

многогранные резцы полиэдрического типа напоминают предметы из комплексов Прибайкалья на Ангаре [Васильевский 1973: 159, 160, 161].

Если в раннем неолите на Сахалине преобладала техника изготовления орудий на пластинах, то заключительный этап раннего периода ознаменовался появлением орудий на отщепах [Грищенко 2009: 15]. В среднем неолите они заняли доминирующее положение, хотя в некоторых районах продолжали использоваться и пластинчатые техники (поселение Ноглики-1 (Северный Сахалин), стоянка Старо-Русское (Южный Сахалин)) [Васильевский 1973: 162; Голубев, Кононенко 1987: 4].

В это время перестал играть существенную роль обсидиан. Наметилась отчетливая ориентация на местное сырье, что объясняют ведущей ролью мигрантов с севера, не участвовавших в обсидиановом обмене, с одной стороны, и упадком техники пластин и микропластин — с другой [Васильевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21].

Среди орудий на передний план вышли рукояточные ножи. Встречаются также ножи безрукояточные и с намечающейся рукоятью, концевые и боковые скребки, сверла, тесла, долота, наконечники копий (бесчерешковые, лавролистной или иволистной формы), наконечники стрел (черешковые, треугольные или лавролистные) (поселение Кузнецово-3). Изготавливались они методом скола или расщепления, обрабатывались одно-двусторонним ударным либо отжимным ретушированием, а также шлифовкой [Голубев, Кононенко 1987: 4, 6]. В целом, на всей территории Сахалина происходило распространение приамурских неолитических традиций [Васильевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2010: 21; Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

В поздний период на Сахалине стала преобладать техника двусторонней ударной и отжимной ретуши, а также шлифовка. Появились рубящие орудия с полной шлифовкой. На Хоккайдо полностью шлифованный инвентарь стал применяться гораздо раньше [Васильевский URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru>].

Что касается Курильских островов, на Итурупе в комплексе, датированном концом III — началом II тыс. до н.э., встречаются изделия, схожие с микропластинами, а также орудия на пластинчатых отщепах, напоминающие раннеолитическую продукцию (близ пос. Куйбышево). Сырьем для них здесь служили обсидиан, крем-

невые породы, базальт, кварцит, кремнистый сланец. Среди орудий найдены наконечники стрел (треугольные черешковые, с вогнутым или прямым основанием, листовидные), рукояточные скребки концевого типа, плечиковые проколки, резцы, ножи (в том числе с рукоятями). Предметы обработаны односторонней или двусторонней ретушью, на многих есть следы сколов. В развитом и позднем неолите распространяется шлифовка [Васильевский 1973: 163, 165].

Изделия, аналогичные курильским, попадают в разновременных памятниках Приморья, Приамурья, Камчатки и Японии [Там же]. Постепенно связи с соседними регионами (включая Сахалин) становятся более отчетливыми и даже достигают Алеутских островов [Васильевский 1973: 170, 173, 174; Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова 2009: 77]. Однако специфика Курил заключается в том, что каменные орудия — топоры, ножи, наконечники стрел — использовались населением очень долго. Объяснить это можно по-разному: периферийным положением гряды, относительной изолированностью местного населения и в связи с этим отсутствием навыков изготовления железа, а также дороговизной привозной продукции.

Особого внимания заслуживают костяные и роговые предметы периода Дзёмон — наконечники гарпунов, рыболовные крюки, шилья, иглы, наконечники стрел и копий, гребни, шпильки для волос. В основном они делались из костей кита и ластоногих, рогов и костей оленя, акульих зубов.

В памятнике начального периода Дзёмон археологам удалось найти костяную иглу с ушком (стоянка Сибогутти (Канто)). Эта находка дает повод предположить, что уже в то время дзёмонцам было известно примитивное шитье одежды [Воробьев 1958: 21]. В последующих памятниках раннего периода иглы с ушками встречаются чаще (стоянки Кикунэ, Курохама, Мороисо) [Там же: 22].

Наконечники стрел отличаются по форме в зависимости от материала. Предметы из зубов или клыков сохраняют треугольную форму и снабжены отверстием для древка. Костяные изделия имеют форму стержня и иногда на острие содержат небольшие отростки [Там же: 48].

Некоторые костяные предметы явно относятся к культовым. Археологи находят их в раковинных кучах и на стоянках. Это, на-

Рис. 19. Мечевидный предмет культа из китовой кости позднего периода Дзёмон. Раковинная куча Китакоганэ (Хоккайдо).
Собрание Осима Наююки. Источник: [Oshima 2001: 129]

пример, «мечи» из памятников позднего периода Китакоганэ и Тои (Хоккайдо) (рис. 19). Пока не удастся выяснить, для чего они использовались.

Среди типичной костяной продукции чаще всего попадают орудия рыбного промысла — поворотные и неповоротные гарпуны и рыболовные крюки — цельные или составные. В процентном соотношении цельных крюков значительно больше составных (двухсекционных). Их вырезали из оленьего рога в виде буквы «V», один край заостряли, а на другом делали несколько канавок для крепления лесы. Поскольку лесы не сохранились, сказать что-либо о материале и способе крепления невозможно.

Гарпуны неповоротного типа также изготавливались из оленьего рога или кости. В них есть боковое отверстие для веревки (с противоположного конца соединявшейся с древком) и гнездо для каменного наконечника. Наконечник в гнезде дополнительно крепился природным асфальтом. Сама костяная часть могла быть гладкой либо с зубцами, нижний конец чаще всего раздваивался. При попадании в животное костяная втулка с каменным наконечником слетала с древка, застревая в теле.

Поворотные гарпуны несколько отличаются формой: они снабжены открытым пазом для насаживания на соединительную муфту древка, а в центре несколько заужены — здесь привязывалась веревка. Когда гарпун попадал в цель, он соскакивал с муфты, но не просто застревал в жертве, а еще и поворачивался [Kodai-no morisaki URL: <http://kanesan.michikusa.jp>].

Считается, что поворотные гарпуны — изобретение более позднее. Оно стало «крупным прогрессивным шагом в развитии охотничьего вооружения приморского населения» [Васильевский 1981: 46]. Многочисленные находки поворотных гарпунов в период от начального до финального Дзёмона группируются на северо-востоке Хонсю и Хоккайдо. Скорее всего, здесь, на стыке теплых

и холодных течений, существовал промысел морских животных и крупных морских рыб. Интересно, что некоторые из поворотных гарпунов Хоккайдо аналогичны алеутским костяным изделиям, а некоторые — гарпунам янковской культуры²⁹ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 179; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 74].

По всей видимости, к среднему Дзёмону среди населения Японских островов уже получили широкое распространение лодки-долбленки, о чем свидетельствуют фрагменты одной из них (торфяник Камо (Канто)). Это были лодки с низкими бортами, округлыми носом и кормой, в длину они достигали 6–8 м. В некоторых устанавливались стационарные сидения, в некоторых — съемные. Лопатообразные весла имели короткую ручку³⁰. Не исключено, что был и другой тип лодок: с высоко поднятыми носом и кормой, с низкими бортами (по рисунку на игольнике из памятника Бэнтэндзима). Однако остатки таких лодок пока не найдены [Киддер 2003: 51, 62; Окладников, Бродянский, Чан 1980: 75].

Есть стоянки, на которых встречаются деревянные изделия, покрытые лаком. Древнейшие из таких находок относятся к раннему Дзёмону — 5 тыс. лет до н.э. (могильники Сюэн, Готэньяма (Хоккайдо), раковинные кучи Тёхэй (Тюбу), стоянки Дзюно (Канто), Корэкава (Тохоку))³¹ [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 140; Junko 2004: 215]. В Корэкава, в частности, археологи обнаружили лакированные гребни, браслеты, мечеобразный предмет и пять луков, в том числе более позднего времени (рис. 20). Один лук достигал в длину 173 см, остальные — 100–150 см. Хорошо сохранился малый лук, сделанный из двух узких полос криптомерии (японский кедр), обмотанных корой и, очевидно, склеенных друг с другом. Сверху он был покрыт слоем красного лака [Окладников 1946: 13; Киддер 2003: 49; Junko 2004: 215].

²⁹ В позднем Дзёмоне на Хоккайдо и в регионе Тохоку на Хонсю основания рыболовных крючков и иглы часто украшались резьбой, иногда шлифовались и полировались [Киддер 2003: 60].

³⁰ Судя по находке в торфе Камо, лодки могли снабжаться шестью парами весел, две из которых были большие, с широкими лопастями, а четыре — маленькие, с узкими лопастями.

³¹ Процесс производства лака включал сбор лакового сока, его очистку и придание цветовой окраски (красной или черной) [Junko 2004: 215].

Рис. 20. Фрагмент лакированного меча финального периода Дзёмон. Памятник Корэкава (префектура Аомори). Лаборатория по изучению Дзёмона г. Хатинохэ. Источник: [The 62nd special exhibition 2006: 27]

Интерес представляет лакированный гребень позднего Дзёмона (памятник Биби-4 (Хоккайдо)). На гребне был нанесен орнамент, аналогичный айнскому.

Таким образом, на всем протяжении Дзёмона (включая Дзюкудзёмон) на Японских островах широко применялась техника лакировки. Предполагается, что лаковая продукция была местного производства³² [Junko 2004: 215].

Что касается тканей, то их фрагменты с основой из скрученных нитей обнаруживаются на Хонсю на стоянках раннего Дзёмона (памятники Торихама (Тюбу), Саннай-Маруяма (Тохоку)), позднего (памятник (Сикоку)) и финального (памятники Исиго, Санно-Гакои (Тохоку)). Удалось установить, что в Санно-Гакои (префектура Мияги) текстиль был из крапивного волокна³³ [Ibid.: 216]. Особо важен фрагмент обгоревшей ткани из захоронения Сюэн (Хоккайдо). Он найден на костяке и напоминает айнскую одежду *аттуси* [Васильевский, Лавров, Чан 1982: 147].

Об особенностях одежды населения Японии в эпоху Дзёмон некоторое представление дают и глиняные фигурки *догу*. Многие из них облачены в кафтаны с зауженными рукавами и штаны. Насколько правдоподобно изображалась одежда, ответить пока нельзя.

Как уже отмечалось, в северной части Хоккайдо археологи обнаружили изделие из тростника, которое реконструируется как циновка (памятник Хигасикусиро). Плетеные из растительного волокна предметы, включая сетки из виноградной лозы, были найдены

³² Одним из источников распространения лаковой утвари на Японском архипелаге мог быть импорт китайских товаров через Корею [Новикова 2000: 12].

³³ Аналогичные изделия (также из волокна крапивы) до сих пор производят в префектуре Ниигата. Они называются *ангин*.

в Тохоку (памятник Корэкава). Установлено, что для плетения в то время использовались также береста, луб вишни, кедра и кипариса. Дополнительным подтверждением того, что население Японских островов эпохи Дзёмон занималось плетением циновок и корзин, служат керамические сосуды позднего периода с отпечатками циновок на донцах: «...некоторые отпечатки четки и глубоки: возможно, они получились тогда, когда перед обжигом сырые сосуды вкладывали один в другой, перестилая их кусками циновки» [Киддер 2003: 64].

Особое внимание привлекают текстильные изделия, покрытые лаком. Самая ранняя находка, с основой из скрученных нитей, относится к начальному периоду (памятник Какиносима В (Хоккайдо)). По мнению археологов, это могло быть погребальное одеяние [Junko 2004: 216]. Ранним периодом датированы и скрученные нити из растительных волокон с двумя слоями лакового покрытия (памятник Дайбу (Тюбу)), а финальным периодом — еще 25 лакированных связок нитей (памятник Аота (Тюбу)). Установлено, что лакировались не только тканые изделия, но и плетеные, например корзины (памятник Корэкава (Тохоку)).

Хотя в производстве инвентаря и хозяйственном укладе на протяжении неолита прослеживаются последовательное развитие и преемственность традиций, в финальном Дзёмоне очевидно влияние энеолитической культуры яёй, проявившееся на Кюсю и в юго-западной части Хонсю. В то же время на Хоккайдо намечилось влияние северных континентальных культур.

Становление японской народности. Культуры яёй, кофун, дзокудзёмон, сацумон

Процесс этногенеза японцев охватывает значительный отрезок времени. Важным этапом стало проникновение на Японские острова в конце I тыс. до н.э. переселенцев с материковой Азии — представителей культуры яёй (III в. до н.э. — III в. н.э.). Мигранты являлись носителями традиций поливного рисосеяния и металлургии³⁴.

³⁴ Согласно данным антропологии, скелетные останки периода Яёй, найденные в разных частях Японии, демонстрируют значительное многообразие морфологических признаков населения. При этом на главных островах (исключая Окинаву и Хоккайдо) отмечены два основных типа:

По-видимому, основная масса переселенцев была тесно связана с выходцами как из Северо-Восточной, так и из Юго-Восточной Азии, в частности из Южного Китая, Северного Вьетнама (*донгшон*), Индонезии. В Японию они попадали через Корейский полуостров [Воробьев 1980: 58; Лаптев 2007: 31]. Одновременно с группами культуры яей на Хоккайдо проникали тунгусские группы, продвигавшиеся через Курильские острова и Сахалин.

Ко II в. н.э. из разнородных элементов яёй сложились два культурных комплекса: один — на севере о-ва Кюсю (культура бронзовых мечей), второй — на Хонсю, в районе Кинай (культура бронзовых колоколов *дотаку*). Известно, что население *ва* (под таким названием японские племена фигурируют в китайской летописи «Вэй Чжи (История царства Вэй)» III в. н.э.) севера Кюсю поддерживало тесные культурные и торговые связи с материком. Здесь получили распространение ритуальные бронзовые мечи. В районе Кинай, в отличие от Кюсю, широко использовались колокола *дотаку*, а также сельскохозяйственные орудия. Причинами послужили более пригодные для развития сельского хозяйства условия и относительная удаленность от материка. Удельный вес местных традиций здесь был выше, чем на Кюсю [Иофан 1974: 24].

Несмотря на распространение в Японии поливного рисосеяния, жители горных районов еще долгое время практиковали сухопольное подсечное земледелие, охоту и собирательство. Одновременно население прибрежных районов активно занималось рыболовством и морским собирательством. Между обитателями внутренних и прибрежных районов происходил продуктообмен.

Все устройство древнего общества было пронизано культовой практикой. Присущие населению архипелага анимистические верования, судя по археологическим находкам, имели синкретический характер, впитав, помимо местных религиозных представлений, также и привнесенные с сопредельных территорий (включая разные части материка)³⁵. Постепенно важнейшее место в культах

первый — напоминающий по остеологическим характеристикам дзёмонцев, то есть коренных жителей, а второй — азиатских монголоидов, очевидно, иммигрантов с континента [Dodo, Ishida 1990: 280].

³⁵ Некоторые обряды, связанные с урожаем, находят параллели в сельскохозяйственных праздниках Юго-Восточной Азии и Индонезии [Ермакова 2002: 18].

заняло почитание семейно-родовых и племенных духов, а также божеств-покровителей, связанных с природными объектами и естественной средой — *ками*.

Обращают на себя внимание особенности и видоизменения погребального культа. В период Яёй, как и в предшествующую эпоху, погребения не отличались единообразием. Встречаются простые захоронения в земле, а также в деревянных гробах, каменных саркофагах, керамических сосудах. Костяки располагались и в вытянутом, и в скорченном положении. Практиковались повторные захоронения. Некоторые типы погребений наследуют традиции предшествующих эпох, другие представляются инновациями. Развитию погребальных традиций способствовали активные межкультурные контакты с Китаем и Кореей.

Грунтовые захоронения несколько отличались от аналогичных погребений эпохи Дзёмон. Основным различием было широкое использование (особенно в Западной Японии) могил вытянутой формы, что отражает отход от традиции хоронить покойников в скорченном положении. Тогда же получили распространение и погребения в керамических сосудах. Правда, их центр переместился с севера Кюсю в западные районы Хонсю.

Обычными для эпохи Яёй стали керамические сосуды-саркофаги, состоящие из двух сосудов, соединенных вместе. Покойник помещался внутрь в скорченном положении, после чего сосуд закрывался и закапывался в землю. Среди погребального инвентаря кувшинных захоронений встречается множество китайских изделий: стеклянные бусины и браслеты; железные топоры, ножи, наконечники алебард и копий; бронзовые зеркала и украшения.

Деревянные гробы имели форму длинного ящика с крышкой. Они собирались из досок, без гвоздей и помещались в могилу, размеры которой в целом составляли 1,5–2 м в длину, 0,5–1 м в ширину и около 30 см в глубину. Каменные саркофаги (яп. *сэканбо*) могли быть двух видов: либо из прямоугольных плит, либо из больших камней, складывавшихся в могильной яме наподобие ящика, при этом дно отсутствовало. Закрывались саркофаги четырьмя-пятью камнями, положенными сверху. Покойника и сопроводительный инвентарь помещали в саркофаг, после чего его закрывали и засыпали землей³⁶.

³⁶ В деревянных гробах и каменных саркофагах тела размещались как в скорченном положении, так и в вытянутом.

Могилы с сосудами, гробами и саркофагами могли иметь различные формы. Для эпохи Яёй типичны погребения *сисэкибо* (грунтовое захоронение с большим камнем на поверхности).

Приблизительно с III в. до н.э. получил распространение новый для Японии способ погребения *хо:кэйсю:ко:бо*, охвативший территории от Кюсю до южной части области Тохоку на Хонсю. Квадратный участок земли размером от 5 до 20 м окружался рвом, внутри, прямо в земле, сооружалась могила — в деревянном гробу, каменном саркофаге либо в керамическом сосуде. Могил на одном участке могло быть несколько; в этом случае, видимо, хоронили членов одной семьи.

В эпоху Яёй часто строились и погребения типа *функю:бо*, следы которых обнаруживаются еще в эпохе Дзёмон. Отличительной особенностью их было то, что могилы сооружались на холме, причем со временем появились искусственные насыпи. Способ захоронения также был различным (в деревянных гробах, керамических сосудах и пр.). Иногда для саркофагов устраивались деревянные камеры³⁷.

Также обнаруживаются могилы с деревянными погребальными камерами *моккакубо*, какие создавались в Китае уже в эпоху Инь. Они встречаются также в Корее и, скорее всего, попали в Японию под влиянием китайской или корейской культуры.

Переходя к описанию жилищ, следует отметить, что в эпоху Яёй продолжали сооружаться крытые тростником полуземлянки *татэана*. Они имели овальную или круглую форму размером примерно 5–7 м и глубиной 60–90 см.

Возводились жилища над углублением в земле. Края котлована укреплялись деревянными кольями. Каркас состоял из четырех опорных столбов и боковых жердей, расположенных под наклоном. Над крышей делалась специальная надстройка, служившая и для вентиляции помещения, и для защиты жилища от солнца. Пол покрывался галькой или циновками, в центре сооружался очаг. С распространением земледелия, помимо жилищ, в большом количестве начали строиться амбары *такаюка*, приподнятые над землей на четырех или восьми столбах. Стены амбаров были деревянными,

³⁷ Считается, что захоронения *функю:бо* оказали значительное влияние на становление курганных погребений кофун, в частности курганов типа *дзэнпо:ко:энфун*.

а крыша — тростниковая или соломенная. Лестницей служило наклонно прислоненное бревно с зарубками [Киддер 2003: 116, 117].

Начиная с III в. до н.э. необходимость в амбарах возрастала. При этом свайная конструкция *такаюка*, как уже отмечалось, стала прототипом традиционных японских жилищ и святилищ.

С наступлением Яёй в Японии получили развитие навыки шелководства и ткачества на местной основе. Заметное место в быту заняли керамическая утварь, металлические орудия, а также изделия из дерева, листьев, растительных волокон и коры. Однако каменные орудия не вышли из обихода. Продолжали использоваться и большие, грубо обработанные изделия, и шлифованные (наконечники стрел, топоры, ножи, долото, шила, иглы, диски для веретен).

Технология изготовления сосудов Яёй почти не отличалась от дзёмонской: при низкой температуре и без гончарного круга получались красноватые, довольно непрочные тонкостенные сосуды. Но глина была уже достаточно чистой, а форма и орнаментика претерпели значительные изменения. Типичными стали кувшины с широким округлым туловом, узким горлышком и расширяющимся кверху венчиком. Распространились также круглые плоские тарелки, глубокие плоскодонные сосуды с крышками, шаровидные горшки, чаши на высоком поддоне [Александров, Арутюнов, Бродянский 1982; Ксенофонтова 1980: 27; Лаптев 2007: 35]. В целом, в отличие от предшествующей эпохи, керамика стала более унифицированной [Киддер 2003: 156]. В орнаментике наметилось постепенное исчезновение налепного декора. Теперь сосуды начали украшать своеобразными гребенчатыми и значительно меньше — шнуровыми оттисками, процарапанными линиями, насечками, надколами или узором, нарисованным красной краской. Многие изделия вообще не орнаментировались³⁸.

³⁸ В зависимости от региона преобладали те или иные типы декора. На Кюсю и Хонсю в области Тюгоку, например, получил распространение декор из полуколец, напоминающих волны, прямых горизонтальных и перекрученных линий, зубьев, гребенчатых оттисков, сеток (памятники Хонмэ, Итадзукэ (Кюсю)). Для таких областей Хонсю, как Кинай и Канто, стал типичен декор в виде спиралей, горизонтальных и вертикальных линий, зубьев, гребенчатых оттисков, тонких отверстий по венчику, геометрических фигур и сеток (памятники Танокутияма (Кинай), Кугахара (Канто)) [Лаптев 2007: 41].

В формах и орнаментах сосудов эпохи Яёй прослеживается влияние керамических традиций Южной Кореи, Индокитая, Вьетнама, а некоторые изделия аналогичны китайской керамике ряда областей: бассейна рек Янцзы и Хуанхэ, Шаньдунского п-ва, Маньчжурии. В целом район Кинай больше тяготеет к культурным традициям Индокитая, а Кюсю — Корейского п-ва [Лаптев 2007: 52, 53, 73].

С самого начала носители культуры яёй были знакомы с металлическими орудиями (бронзовыми и железными). Распространение металла шло постепенно. Вначале использовались предметы континентального происхождения, а некоторое время спустя — собственные, изготавливавшиеся методомковки³⁹.

Если железная продукция в основном предназначалась для хозяйственных и военных целей, то бронзовая — для культовых. Это объясняется как особыми свойствами металлов, так и континентальной традицией.

С распространением металлических орудий быстро развилось искусство обработки дерева. Стало возможным изготавливать из дерева ткацкие станки, сельскохозяйственный инвентарь, ступы, а также всевозможную кухонную утварь: миски, чаши, ложки, черпаки. Однако посуда делалась и из других растительных материалов. Известно, например, что функцию тарелки выполняли сосуды *хиратэ*, состоявшие из скрепленных между собой листьев. Наследием эпохи Дзёмон стали плетеные сосуды из лозы и растительных волокон, коры березы, вишни, кедра и кипариса. В качестве утвари использовались также кости рыб и раковины [Киддер 2003: 123; Ксенофонта 1980: 26].

В конце III — начале IV в. н.э. племена острова Кюсю, объединившись, переместились на Хонсю, подчинили племена области Кинай — *куну* — и обосновались там. Они положили начало образованию царства Ямато.

Поскольку в ходе завоевания не было поголовного истребления населения, Ямато стало наследницей культуры и Северного

³⁹ Центром чернометаллургического производства являлись древнекитайские государства. Находки металлических изделий из погребений в Лундунпо, Шицзылине (близ Чанша) и Чэнцяо (близ Люхэ) датируются VI в. [Александров, Арутюнов, Бродянский 1982].

Кюсю, и Кинай⁴⁰. Традиции этих культур наложились на существовавшую здесь издавна сильную протоайнскую основу.

На ранней стадии Ямато представляло собой межплеменной союз — по сути, лишь одно из княжеств среди множества других, подобных ему общинно-родовых объединений, владевших сравнительно небольшими землями. В IV в. они включали так называемые «пять внутренних земель» — область, примерно ограничивающуюся современными городами Нара, Киото и Осака. Управлять владениями, в сущности, можно было путем «либо прямого военного насилия, либо временных договоренностей...» [Косарев В. Д. 2010: 140, 143]. Северо-восточные земли Хонсю и Эдзо (Хоккайдо) долгое время оставались вне досягаемости.

Глава Ямато, а также старейшины прочих кланов выполняли функции жрецов. В течение V–VI вв. они вели борьбу за власть. На этом фоне происходило становление и усиление служилой знати. Складывалась сложная общественная организация, характеризовавшаяся усилением социальной и имущественной дифференциации.

Процесс перехода от межплеменного союза к раннефеодальной государственности происходил довольно медленно и оформился лишь в VII–VIII вв., после так называемых реформ Тайка [Там же: 140].

Реформы Тайка осуществлялись при правителе Котоку (596–645 г., правил с 645 по 654 г.). Они послужили началом значительных социально-политических преобразований и становления централизованного монархического государства. Было введено новое административное деление, реорганизована система распределения земли, приняты унифицированные налоги и повинности, появилось множество других важных нововведений. За основу при этом бралась китайская модель.

Согласно данным антропологии, именно в период культуры ямато, получивший в японской историографии название «эпоха Кофун (курган)», активно формировался физический облик современного японца [Dodo, Ishida 1990: 279].

⁴⁰ В ходе завоевания региона Кинай племенами ва Кюсю местная обрядовая традиция была уничтожена в связи с истреблением жреческой верхушки, но сохранилось сельское хозяйство. Поэтому историко-религиозно-мифологическая сфера средневековой Японии восходит, по преимуществу, к племенам северного Кюсю, а традиционные японские предметы быта и тип жилища — к культурам Кинай [Арутюнов 1962: 8].

Большую часть населения в эпоху Кофун составляли свободные члены общины, занимавшиеся в основном земледелием, охотой и рыболовством, а также гончарством, солеварением, кузнечным ремеслом. Активно поддерживались дипломатические и торговые отношения с Кореей и Китаем, откуда, в частности, ввозилось сырье для изготовления металлических изделий. По мере распространения металла деревянные орудия начали вытесняться железными, что способствовало развитию земледелия. Площадь обрабатываемой земли расширялась, количество же выращиваемого риса возрастало.

Поселения эпохи Кофун также стали значительно шире, несколько изменилось устройство жилищ: кроме полуземлянок, распространяются наземные жилища.

Конструкция сельского наземного дома состояла из опорных столбов и шестов, стены штукатурились жидкой глинистой массой, двускатные крыши покрывались соломой. Для знати со временем стали возводиться большие усадьбы с изгородью. Они отличались сложным устройством — в качестве строительного материала использовались пиломатериалы и обрешетка под штукатурку [Киддер 2003: 175, 179].

Важным нововведением стало то, что приблизительно в V–VI вв. под влиянием корейской культуры во внутреннем устройстве жилищ получили распространение печи *камадо*⁴¹. Они сооружались возле стены (с северной или восточной стороны) из камней и глины и снабжались дымоотводным каналом. Такие печи использовали в основном для приготовления пищи.

Правителей Ямато, местных вождей и влиятельных особ хоронили в монументальных усыпальницах *кофун*. Наиболее типичной формой *кофун* Хонсю стали насыпные сооружения типа «замочной скважины» — *дзэмпо:ко:энфун*. Эти курганы впервые появились в области Нара в начале IV в. н.э., а затем распространились и на другие районы⁴² [Мещеряков, Грачев 2003: 84].

⁴¹ Самая ранняя находка *камадо* в Японии датируется III в. Она была обнаружена на Кюсю в префектуре Фукуока (памятник Нисидзин мати) [Shoda 2013: 585].

⁴² Территория проживания японцев в IX в. ограничивалась на севере префектурами Мияги и Иватэ. В VII–VIII вв. курганные захоронения *кофун* получили распространение до этих же границ (далее встречаются довольно редко).

Классический *кофун* (III–VI вв.) представлял собой насыпной холм со входом. Холм насыпался ярус за ярусом. Внутри соорудилась камера вертикального или горизонтального типа. Камеры были срубные, каменные или кирпичные. Саркофаг устанавливался внутри прямо на полу либо на глиняной платформе⁴³. Тела помещались в саркофаги как в скорченном, так и в вытянутом положении. Погребальная утварь включала бронзовые зеркала, металлическое оружие, доспехи, колчаны, орудия труда, подвески магатама, украшения (бусы и браслеты). Лишь некоторые из них помещались внутрь саркофагов.

Важную ритуально-символическую роль при захоронениях эпохи Кофун играли керамические скульптурные изображения *ханива*, которые археологи во множестве находят на курганах. Сначала они выполнялись в виде полых цилиндров с отверстиями в стенках, позднее — в форме человеческих фигурок, а еще позже — как миниатюры животных, лодок, повозок, строений. Предполагается, что эти предметы должны были сопровождать душу покойного в загробный мир, а также выполнять охранительную функцию.

Погребения кофун на территории Тохоку несколько отличались от классических курганов и были представлены тремя типами. Они назывались *мацуки-кофун* (*кофун* заключительного периода). Самый ранний тип относится к середине VII–VIII вв. Он представлял собой глубокую яму, в которую помещался саркофаг. Сверху возводилась насыпь, окружавшаяся рвом с водой. В конце VII–VIII вв. ямы для саркофага (с дном, выложенным камнем) стали менее глубокими, а с середины VIII в. вообще исчезли. Саркофаги начали обкладывать камнями, сверху помещать плиту и сооружать холм. В отличие от «классических» *кофун*, в *мацуки-кофун* вход отсутствовал. На юге Тохоку изредка встречаются и классические *кофун*, но сказать о них что-либо определенное нельзя. В VIII в. культура кофун проникла на юг Хоккайдо.

⁴³ Вначале саркофаги изготавливались из цельного ствола дерева и представляли собой колоды. Позднее возобладал обычай хоронить в деревянных гробах, обмазанных глиной (в курганах без каменной камеры), деревянных составных гробах, а также в каменных саркофагах, напоминавших по форме лодку, расщепленный бамбук или домик. К концу Кофуна появились деревянные гробы, покрытые лаком, и гробы, сделанные из склеенных при помощи лака полотен ткани.

На позднем этапе эпохи Кофун расширился круг людей, которых хоронили в курганах. В одной камере могли хоронить двух и более покойных. Тем не менее на большую часть населения такая форма погребения не распространилась [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>]. Население предпочитало простые погребения в земле — *доко:бо* и захоронения в могилах, выложенных каменными плитами или камнями, — *сэкканбо*.

К этому этапу относится появление горизонтальных могильных ям *ёкоана*. Особенно много их на Кюсю и Хонсю, частично включая область Тохоку. Севернее префектур Акита и Иватэ погребений *ёкоана* не обнаружено [Matsumoto 2006: 63].

Горизонтальные погребения строились в основном на склонах гор и холмов (на одном месте могло находиться от нескольких десятков до нескольких сотен ям). В горе выкапывались пещеры, в каждую из них помещался усопший с принадлежавшей ему утварью, после чего вход закрывался камнем. Но известны и ямы, сделанные на равнине. Для этого рыли шахту глубиной около 3 м и диаметром 1 м, а затем на уровне дна копали небольшой туннель высотой около 1–1,5 м и длиной 2–3 м. Такие захоронения получили распространение на Кюсю [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>]. На северо-востоке Хонсю, как и на Хоккайдо, долгое время могилами служили погребальные ямы *доко:бо* без насыпей.

Следует отметить, что, по мнению ряда авторов, новшества, которые наблюдались в строительстве погребений курганного типа, пришли в Японию с материка. Тогда же наблюдалось заимствование конфуцианских и даосских идей, а также буддизма махаяна. Привнесенные обряды нередко принимали форму народных верований⁴⁴ [Игнатович 1987: 163; Мещеряков 2002: 34].

Предпосылки для распространения буддизма возникли, когда Ямато стало утрачивать черты родоплеменного союза. Появление

⁴⁴ Мифологии эпохи Кофун было присуще трехчленное деление мироздания, характерное для многих мифологических систем (в том числе и айнской). Она включала верхний (небесный) мир, земной и нижний (подземный). Верхний мир являлся обиталищем богини Аматэрасу и божеств, связанных с ней родством. В среднем мире обитали земные (местные) божества и духи, произведенные высшими богами, а также люди. Нижний мир — «страна мрака» — рассматривался как символ абсолютной темноты, место обитания божеств мрака. На позднейшем этапе появился еще один мир — «страна бессмертных» [Игнатович 1987: 52].

на Японских островах этого учения относится приблизительно к середине VI в. Важнейшими факторами, обусловившими его проникновение, были особые социально-политические условия, подготовка и проведение реформ земельной системы и административного управления. В тот период к культурному классу в Японии принадлежали выходцы с континента корейско-китайского происхождения — именно они способствовали внедрению новой доктрины. Со временем буддизм приобрел черты государственной идеологии [Игнатович 1987: 43; Мещеряков 2002: 136].

Возвращаясь к материальной культуре, отметим, что в быту представители Ямато продолжали изготавливать керамическую утварь, изделия из металла, дерева и растительных волокон. Небольшие керамические тарелки, различного рода миски и чаши (на поддонах, с крышками и без крышек) назывались хадзика⁴⁵. Они производились без гончарного круга, обжигались при низкой температуре, были красноватого цвета и, как правило, не орнаментировались. Использовались хадзика как повседневная, а также как церемониальная посуда.

С середины V в. на Хонсю в области Синсю (префектура Нагано) фиксируется необычная техника обработки хадзика: на внутреннюю поверхность раскаленного изделия наносили органику и таким образом покрывали углеродом. Поскольку сосуды изнутри приобретали черный цвет, в научной литературе их принято называть утигурохадзика [Matsumoto 2006: 122]. Кроме этого, в V в. появилась новая разновидность керамики пепельного цвета суэки (рис. 21). Это были прочные сосуды континентального происхождения, изготавливавшиеся на гончарном круге и в гончарной печи при температуре 1200 градусов. Ассортимент продукции включал большие кувшины с широким или узким коротким горлышком, кувшины с узким и высоким горлышком, небольшие кувшины с отверстием на тулове, горшки, блюда с крышкой, чаши на высоком поддоне, пиалы. Такой посудой пользовалось главным образом привилегированное сословие [Чан Су Бу 1988 URL: <http://kronk.narod.ru>].

Кроме керамики, особую роль играл металл, в основном железо. Из железа производились сельскохозяйственные инструменты, рыболовные и ремесленные орудия. Среди военного сословия по-

⁴⁵ Сосуды хадзика просуществовали в Японии вплоть до X–XI вв., времени, когда посуду стали изготавливать из дерева.

Рис. 21. Керамический сосуд суэки эпохи Сацумон.
Памятник ТК-67 (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования
г. Китами. Источник: [Kodai horro: 2008: 37]

лучила распространение и железная защитная амуниция, включая шлемы с кирасами (из горизонтальных полос), а также длинные однолезвийные мечи (с кольцевидным навершием рукояти). Основным способом производства железных изделий продолжала оставатьсяковка.

Индустрия металлообработки не ограничивалась лишь железом. Для изготовления стрел, зеркал, украшений, деталей конской сбруи часто применялась бронза [Киддер 2003: 222]. С VII в. предпринимались попытки делать посуду из меди и серебра [Ксенофонта 1980: 26].

Постепенно расширялся ассортимент деревянной утвари. Миски и чаши японцы выдалбливали, подносы собирали из дощечек, а бочкообразные сосуды — из деревянных полос, соединенных

в кольца [Ксенофонтова 1980: 26]. В то время утварь не лакировалась, хотя лаковая продукция китайского производства ввозилась⁴⁶. Из растительных волокон плели корзины.

Что касается одежды, то в эпоху Кофун большинство населения носило изделия из конопли, тогда как представители родовой аристократии — из шелка. Мужской костюм состоял из длинного, перехваченного поясом кафтана с узкими рукавами, подвязываемыми у локтей и запястий (яп. *кину*), и свободных штанов, подвязываемых под коленями (яп. *хакама*). Кафтаны шились с глубоким запахом, без вставки. Женщины носили аналогичные кафтаны и распашные юбки (яп. *мо*). В дальнейшем одежда претерпела значительные изменения.

После образования государства Ямато японцы начали продвигаться на север, осваивая новые территории и включая их в зону культурного влияния⁴⁷. При этом обитатели северных областей Хонсю не представляли однородного целого. В японских хрониках упоминаются туземные племена *эбису*, *цугумо*, *кудзу* и другие, которые порой противопоставляются друг другу, а иногда рассматриваются как одно целое [Арутюнов 1957: 4; Иофан 1974: 36]. Так или иначе, осваивать новые земли приходилось с огромным трудом — требовалось налаживать отношения с местной родоплеменной знатью и подвластным ей населением. В результате «на просторах Канто и Тохоку происходила “эмисизация” удельной аристократии», зачастую становившейся независимой от центральной власти [Косарев В. Д. 2010: 146].

⁴⁶ Самыми ранними образцами японской лаковой продукции считаются меч с ножами, изготовленный с применением черного лака и золота, который датируется 756 г., а также две стрелы из собраний Национального музея Токио, относящиеся к той же эпохе [Новикова 2000: 12]. В период Нара (645–794) из лака стали изготавливать буддийскую скульптуру и украшения государственных построек, а в IX–X вв. — храмовую и светскую утварь [Там же].

⁴⁷ Начиная с эпохи Кофун вплоть до эпохи Хэйан (794–1185) японцы подразделяли окружающий мир на несколько зон, включавших центр (яп. *кинаи*), где располагалась столица и жила аристократия, близлежащие к центру земли (яп. *кигаи*), принадлежавшие кланам удельных правителей, более отдаленные земли (яп. *сэбан*), на которых селились и японцы, и иммигранты с континента, а также периферию (яп. *итэки*), населенную независимыми «варварами» [Косарев 2010: 142].

История Хоккайдо не знала периода Яёй. Приблизительно в конце I тыс. до н.э. здесь началась эпоха Дзокудзёмон (Эпидзёмон) (III в. до н.э. — V–VI вв. н.э.). Как и до этого, сохранились две культурные области — северо-восточная и юго-западная [Kumamoto 2003: 50].

Хотя туземцы южной части Хоккайдо уже в III–I тыс. до н.э. занимались земледелием, культура возделывания риса в северных землях отсутствовала. Только с конца XVII в. японцы начали выращивать здесь рис [Арутюнов, Щебеньков 1992: 41]. Хозяйственную основу культуры дзокудзёмон составляли охота, рыболовство и собирательство.

На протяжении Дзокудзёмона получили распространение погребения в форме округлых ям диаметром 1–2 м и глубиной до 1 м (памятники Бодзуяма, Кютоёхирагавакахан, Момидзияма, Ваккаой (Хоккайдо)) [Takahashi 2003: 47]. Встречаются также ямы овальные и прямоугольные со скругленными углами (памятник Такубосита (Тохоку)). Скопления могил иногда образовывали кладбища (памятник Кю:тоёхирагавакахан) [Ibid.].

Костяки в могилах располагались в скорченном положении, нередко с ориентацией головы на восток (стоянка Токорогавакако, погребение № 988a). Поскольку в некоторых культурных зонах ориентация значительно различалась, следует полагать, что религиозные воззрения и обычаи жителей этих зон были разными⁴⁸.

Среди погребального инвентаря встречаются янтарные бусы, железные ножи, каменные наконечники стрел, фрагменты керамических сосудов. В некоторых погребениях археологи находят ямки от небольших столбов неизвестного назначения [Zokujuou:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>].

Если говорить о строительстве жилья, то наследием предшествующих традиций можно считать полуземлянки, имевшие каркас из опорных столбов внутри котлована и боковых жердей, располагавшихся по периметру (рис. 22). Котлованы были округлые, реже овальные или в форме неровного квадрата. В центре или чуть в стороне находился очаг, выложенный камнями (стоянка Токорогавакако) [Kumamoto 2003: 62]. Помимо этого, продолжали созда-

⁴⁸ Носители культуры эсан хоронили умерших, ориентируя их головой на северо-запад, а носители культуры эбэцу — на юго-восток (о культурах эсан и эбэцу см. далее).

Рис. 22. Реконструкция полуподземного жилища эпохи Дзюкудзёмон.
Источник: [Zokujuyo:mon bunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>]

ваться жилища, по форме напоминающие зеркала, то есть округлые, с боковым коридорообразным входом. Как уже отмечалось, жилища такого типа начали строиться в юго-западной части Хоккайдо в финальном Дзёмоне (стоянки Саказура-2, Тосамупоро). В Дзюкудзёмоне они еще более распространились, в том числе в центральной части Хоккайдо и других областях (стоянки Усакумай, Кьютоёхирагавакахан, Минамигава) [Аоно 2003: 14].

Зеркаловидные земляные дома, как правило, имели диаметр 6–10 м. Интересно, что иногда рядом с ними встречаются округлые котлованы поменьше, размером 3–5 м, без коридора [Takahashi 2003: 45]. В этой связи привлекают внимание остатки древнекорякских землянок с материкового побережья Охотского моря, датирующиеся X–XIII вв. н.э. (поселение Атарган)⁴⁹. К внешним стенам

⁴⁹ Это были округлые ямы размером 16–20 м. Каркас состоял из опорных столбов, поперечных балок и наклонных жердей. Ближе к северо-западной стене располагался очаг, составленный из крупных вертикально поставленных плит. Против очага, почти посередине западной стены жилища, находился коридор шириной 85 см и длиной около 2 м. По всей видимости, это был не вход, а вентиляционный туннель [Васильевский 1971: 50, 52].

некоторых добавлено по несколько мелких пристроек (с круглыми очагами из валунов). Предполагается, что это были летние жилища, которые соединялись с главной постройкой коридором [Васильевский 1971: 52]. Вероятно, и на поселениях Дзокудзёмона крупные сооружения могли быть зимними домами, а мелкие, создававшиеся поблизости, — летними.

Кроме Хоккайдо, культура дзокудзёмон получила распространение в некоторых южных районах Сахалина и отчасти на Курильских островах.

На Сахалине ранний этап Дзокудзёмона представлен анивской культурой (V—II вв. до н.э.), памятники которой фиксируются в области Тонино-Анивского и Крильонского полуостровов. Эти памятники можно считать «прямым свидетельством экспансии части хоккайдского населения на юго-восточный Сахалин в первой половине I тыс. до н.э.» [Василевский 2002а: 10, 13].

Для анивской культуры были характерны округлые или четырехугольные в плане жилища, слабо углубленные, с глиняной обмазкой стен. Очаги сооружались с каменной кладкой, вход в жилище имел вид пандуса. Каркас состоял из вертикальных опорных столбов, располагавшихся по периметру котлована, и наклонных стоек. Внутри больших землянок, судя по археологическим изысканиям, могли находиться центральные столбы, поддерживающие потолочные перекрытия, а стены, видимо, не только обмазывали глиной, но укрепляли камнями и дополняли плетнем по периметру. Очаги сооружались как внутри жилищ, так и снаружи (поселения Южная-2, Кедринка)⁵⁰ [Там же: 4, 7].

Следует отметить, что, кроме анивской культуры, на юге Сахалина бытовала так называемая сусуйская культура. В V—II вв. до н.э. они существовали одновременно⁵¹.

Область распространения сусуя не ограничивалась лишь южным Сахалином, но включала также северную часть Хоккайдо, острова Рэбун, Рисири, некоторые районы на побережье юго-западного Сахалина и о. Монерон. Здесь она стала известна под названием онкороманай. Если сусуя приходится примерно на период

⁵⁰ Одно из жилищ Южная-2 удалось датировать 700—300 гг. до н.э.

⁵¹ По мнению А. А. Василевского, радиоуглеродный возраст комплексов раннего Дзокудзёмона и ранней Сусуи на Сахалине почти совпадает и составляет 600—300 гг. до н.э. [Василевский 2002б: 92].

600 г. до н.э. — 500 г. н.э., то онкороманай — на I–V вв. н. э. [Там же: 90].

Постепенно сусуйская культура, несущая традиции Севера, вытеснила либо поглотила анивскую [Василевский 1995а: 104].

Интересные находки удалось сделать на Урупe (бухта Алеутка). Здесь археологи обнаружили не только котлован (овальный, с глиняной обмазкой пола и очагом в центре без ограждения), но еще остатки крыши и стен, сложенных из стеблей и листьев курильского бамбука. Датируется жилище рубежом эр [Шубин 1987: 13]. Еще два котлована найдено в центральной части бухты; они оказались с очагами, выложенными камнем [Там же: 14]. К сожалению, материала по Курильским островам недостаточно для того, чтобы составить целостное представление о форме жилищ того времени. Требуется провести значительные археологические раскопки и исследовать большое количество нового материала.

Переходя к рассмотрению керамики, необходимо отметить, что в период Дзокудзёмон на Хоккайдо происходило формирование двух региональных культур — эсан и эбэцу. Региональные отличия этих, как и более мелких локальных культур, прослеживаются именно в керамическом производстве.

Известно, что культура эсан получила распространение в юго-западной части Хоккайдо (включая Хакодатэ), испытав значительное влияние культуры финального периода дзёмон камэгаока (префектура Аомори) и, по-видимому, некоторое влияние культуры яёй [Аопо 2003: 14]. Одновременно с эсан в восточной части Хоккайдо существовала культура симоданосава (со стороны Тихого океана), а в северной — уцунай (со стороны побережья Охотского моря). Они обе находились под влиянием материковых традиций. Постепенно на основе слияния эсан, уцунай и симоданосава в низменности Исикари сложилась культура эбэцу, которая довольно быстро распространилась по всему Хоккайдо, вплоть до северных районов Тохоку на Хонсю [Jyo:monjin-no URL: www.hokkaido-jin.jp].

К основным формам керамики эсан можно отнести высокие вазы с расширенным венчиком, глубокие и мелкие миски, кувшины с округлым туловом, узким или широким горлышком, кувшины с носиком, чаши на поддоне. Венчики были прямые или волнистые, орнамент — в виде веревочных оттисков и прореченных линий.

Рис. 23. Керамические сосуды эсан эпохи Дзокудзёмон. Памятник Аёро (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Сираой. Источник: [Аono 2003: 11]

По видоизменению орнамента в культуре эсан выделяется несколько типов⁵² (рис. 23).

Гончарные изделия культур уцунай (памятники Абасири, Сяри, Китами, Токоро) и симоданосава (памятники Мицуура (Кусиро), Симоданосава (Ацукэси)) — глубокие широкогорлые горшки, которые, как и сосуды эсан, делятся на несколько групп⁵³ (рис. 24, 25). Область их распространения не ограничивалась Хок-

⁵² Вначале сосуды эсан украшались веревочными оттисками, короткими черточками у венчика и горизонтальными прочерченными линиями, образующими (в верхней части тулова) широкий сектор без орнамента. На следующей стадии свободный от орнамента сектор начал заполняться оттисками, при этом форма и ширина сектора с оттисками стали более разнообразными. В конце концов распространился орнамент из сплошных оттисков и прочерченных линий, нередко выполнявшихся поверх оттисков (памятники Минамигава (Сэтана), Момидзияма (Исикари), Аёро (Сираой)) [Utawaga 1992:186].

⁵³ У сосудов уцунай и симоданосава декором служили продавленные изнутри жемчужнообразные выступы, располагавшиеся вдоль венчика (яп. *цукикобумон*), веревочные оттиски, наносившиеся методом проката в разных направлениях, веревочные оттиски-вдавления (яп. *о:ацудзё:мон*), а также налепные жгуты с оттисками, имитирующими веревку (яп. *гид-зё:рю:кисэнмон*) (памятник Мицуура (Кусиро)). Одним из характерных признаков трансформации можно считать изменение формы венчика и исчезновение жемчужнообразных вдавлений [Utawaga 1992: 196].

Рис. 24. Керамический сосуд уцунай второй группы эпохи Дзокудзёмон. Памятник Токорокавакако: (Хоккайдо). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Токоро. Источник: [Kumamoto 2003: 52]

Рис. 25. Керамические сосуды симоданосава эпохи Дзокудзёмон. Памятники Мицуура и Симоданосава (Хоккайдо). Источник: [Utagawa 1992: 194]

кайдо, но и включала Курильские острова и Сахалин. Так, на Итуруп в памятнике Касатка обнаружена керамика уцунай и симоданосава, на Кунашире — симоданосава, на Сахалине (в Невельске и других районах) — уцунай [Utagawa 1992: 196, 198].

Следует отметить, что, кроме эсан, симоданосава и уцунай, на Хоккайдо в первой половине эпохи Дзокудзёмон существовали и другие керамические традиции. Так, в восточной части острова распространилась керамика окоцу, сменившая бытовавшие до этого нусамай и мидоригаока, а между восточными и западными районами (главным образом в области Исикари) — керамика дзё:сэнмон (памятники Тоника (Момбэцу), Сиоми (Мукава), Бо:дзуяма, Эбэ:цубуто (Эбэцу), Этомо (Муроран), Сиомидай (Уракава), «№ 295» (Саппоро))⁵⁴ (рис. 26).

Сегодня трудно соотнести сосуды дзё:сэнмон с посудой какой-либо культуры. Очевидны, например, связи дзё:сэнмон с эсан и некоторыми другими керамическими традициями [Ibid.: 190]. Обнаруживаются также параллели между окоцу и уцунай, уцунай и симоданосава.

Интересно, что в период распространения культуры эсан на Хоккайдо стали появляться костяные, каменные и керамические предметы с декором, включавшим образы животных. Примером служит круглодонная керамическая миска с ручкой в виде стилизованной фигуры медведя и изображением медвежьей головы (раковинная куча Эсан (Эсан)). Были найдены и другие сосуды с медвежьими головами (памятник Мобэцу (Хокуто)) [Inui 2003: 101]. Забегая вперед, можно отметить, что керамика с образами животных, а также рыб и птиц получит распространение в более поздних памятниках — охотской культуры и культуры сацумон [Inui 2003: 103; Ushiro 2003: 145, 147].

⁵⁴ Керамика окоцу представлена горшками с небольшим поддоном или без него, а также вазами с расширенным в центре туловом и зауженной горловиной, иногда с выступами на венчике. Характерным орнаментом были налепы в виде жгутов и круглых элементов с надколами в центре (надколы могли размещаться также на тулове и налепных жгутах), веревочные оттиски, изготовлявшиеся методами проката и вдавления, прочерченные линии [Takahashi 2003: 31]. Сосуды дзё:сэнмон нередко имели усеченно-коническое или выпуклое в центре тулово, орнамент выполнялся методом продавливания верхней части тулова крученой нитью или веревкой, иногда в сочетании с резными линиями.

Рис. 26. Керамический сосуд сусуя (группа дзё:сенмон) эпохи Дзокудзёмон. Памятник Якуба (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Рисирифудзи. Источник: [Kumamoto 2003: 53]

Местом зарождения эбэцу, как уже отмечалось, считается область Исикари и центральные районы Хоккайдо. Она формировалась в тесной связи с керамикой соседних регионов и представлена глубокими горшками с широким горлом и чуть отогнутым наружу венчиком.

Иногда эбэцу называют ко:хоку — дословно «керамика Хоккайдо позднего периода» (рис. 27). Если исходить из названий археологических памятников, то применительно к ранним типам эбэцу используют также слова эбэцубуто (памятник Эбэцубуто (Эбэцу)), а к более поздним — бо:дзюяма (памятник Бодзюяма (Эбэцу)) [Takahashi 2003: 31].

Рис. 27. Керамический сосуд ко:хоку эпохи Дзокудзёмон. Пещеры Фугоппэ (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Источник: [Kodai horro: 2008: 10]

Сосуды эбэцубуто по декору делятся на три типа, бо:дзюама — на четыре⁵⁵. По мере того как один тип сменял другой, происходило

⁵⁵ Орнамент сосудов эбэцубуто 1 состоял из прочерченных линий (яп. *тинсэнмон*), что отражает влияние группы эсан, косых коротких черт, ряда надколов и веревочных оттисков. На сосудах эбэцубуто 2 на венчике прибавился налепной жгут. Постепенно он получил развитие и стал выполняться в верхней части тулова в виде горизонтальных или волнистых полос, как правило, в несколько рядов, а также в виде несложных узлов. Это отличительная черта сосудов эбэцубуто 3 (иногда их называют эбэцу А или ко:хоку А) [Takahashi 2003: 38; Utagawa 1992: 38]. Далее у изделий бо:дзюама 1 (эбэцу В; ко:хоку В «архаичный») в верхней половине тулова появились налепные жгуты, расположенные в разных направлениях. Переплетаясь, они образуют различные геометрические фигуры. Орнамент из прорезанных линий (яп. *тинсэнмон*), типичный для керамики эсан, окончательно исчез, но веревочные оттиски сохранились. На керамике бо:дзюама 2 (эбэцу В; ко:хоку В «новый») налепные жгуты с оттисками сузились (яп. *гидзё:рю:кисэнмон*), стали преобладать ромбы и круги. Несколько видоизменившись, они перешли на изделия бо:дзюама 3 (эбэцу С1; ко:хоку С1), а затем — в бо:дзюама 4 (эбэцу С2,D; ко:хоку С2,D). На сосудах бо:дзюама 4 орнамент заметно сокращается, налепная тесьма исчезает. Появляются сосуды, близкие к неорнаментированным образцам [Takahashi 2003: 39–41; Utagawa 1992: 201, 204].

расширение зоны бытования эбэцу и упадок других керамических традиций, таких как эсан и уцунай.

Примечательно, что на стадии бо:дзюэма 3 распространение получил налестной декор, напоминающий айнский. Керамика с похожим декором бо:дзюэма 4, характеризующая заключительную стадию развития Эбэцу, распространилась не только по всему Хоккайдо, но и в районе Тохоку, на Сахалине и Курильских островах [Takahashi 2003: 39–41; Utagawa 1992: 201, 204].

На смену керамике эбэцу пришла посуда хокудай (иногда ее называют эбэцу Е или ко:хоку Е). Она развилась из формы бо:дзюэма 4 (эбэцу D; ко:хоку D) и включает глубокие вазы, горшки, низкие чаши, а также сравнительно небольшие сосуды с носиком или ручками. Можно выделить две большие группы — хокудай 1 и хокудай 2 (рис. 28). Если первая отражает в орнаменте традиции эбэцу, то вторая — отход от этих традиций⁵⁶ [Utagawa 1992: 206].

На стадии хокудай 2 распространяются неорнаментированные изделия, декор при этом сохранился на одежде и утвари⁵⁷.

К концу Дзокудзёмона на юг Хоккайдо начали ввозиться сосуды хадзики и суэки. Около VII в. здесь распространяются элементы курганной культуры кофун [Василевский 2002б: 93; Utagawa 1992: 224]. Под влиянием хадзики и суэки традиции Дзокудзёмона утрачиваются, на смену им приходит культура сацумон⁵⁸.

⁵⁶ Орнамент керамики хокудай 1 включает налестные жгуты (яп. *рю:кисэнмон*) — наследие эбэцу, промежутки между которыми заполнены веревочными оттисками. С наружной стороны внутрь делались проколы, опоясывающие венчик. В керамике хокудай 2 вместо налестных жгутов появился декор, сочетавший веревочные оттиски и прочерченные резцом линии (яп. *тинсэнмон*) (памятник Ваккаой (Исикари)). Стали встречаться изделия с одними надколами вдоль венчика или же вообще без орнамента [Utagawa 1992: 206].

⁵⁷ Разновидность айнского декора прослеживается на лакированном гребне эпохи Дзёмон, о котором уже упоминалось, и лакированном луке эпохи Дзокудзёмон, найденном в памятнике Момидзияма 33 в районе Исикари [Utagawa 1992: 205].

⁵⁸ Носители культуры сацумон стали изготавливать керамику, которую заглаживали деревянной гребенкой или щепкой. По названию орнамента (яп. *саккон*) сосуды, как и культура в целом, получили название «сацумон». Способ орнаментации типа саккон был заимствован с Хонсю, где он применялся носителями культур яёй и кофун [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 8].

Рис. 28. Керамический сосуд хокудай эпохи Дзокудзёмон. Пещеры Фугоппэ (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Источник: [Kodai hoppo: 2008: 10]

Приблизительно в VI–VIII вв. некоторые элементы культуры южных и западных областей Хоккайдо проникли на северо-восток острова Хонсю, оказав влияние на формирование специфических памятников этих районов. На северном же Хоккайдо существовали связи с локальными культурами Южного Сахалина (сусуя и анива).

В целом для сусуя была характерна керамическая и каменная индустрия. В меньшей степени использовались изделия из кости и рога, еще реже — из металла [Василевский 2002б: 90].

Сусуйская керамика представлена остро-, кругло- и плоскодонными горшками с толстым дном, без горловины, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Найдены также изделия оригинальной полужайцевидной формы, с прямым верхним краем или зауженной шейкой и отогнутым венчиком (многослойная стоянка Стародубское-2 (Долинский район)), но встречаются они нечасто. Для производства сосудов использовалось тесто с примесью крупного песка и гравия [Козырева 1967: 31, 63].

Если для культуры сусуя северных областей был характерен гребенчатый орнамент, то для южных — шнуровой. На поздних стадиях сусуйской культуры последний занял доминирующее положение⁵⁹ [Василевский 2002б: 91]. Общая тенденция такова, что связи с гончарными традициями Приамурья и Приморья не прослеживаются, хотя есть ряд находок, сделанных в юго-западной части Сахалина (стоянка Стародубское-2), которые по орнаменту напоминают черепки из раковинных куч Приморья [Козырева 1967: 38].

Среди анивской керамики выделяются плоскодонные тонкостенные сосуды с выпуклым туловом без горловины. Примесь для теста служил мелкий песок.

По орнаменту керамика делится на несколько типов — анива А, В и С⁶⁰. Характерное украшение — веревочные оттиски, к которым позднее добавились жемчужные вдавления. Если оттиски представляют собой наследие эпохи Дзокудзёмон, то вдавления — результат влияния северных традиций [Василевский 2002а: 4, 5, 8].

Многочисленные находки на Сахалине изделий с веревочными оттисками (на поселениях Кузнецово-1 (Сони Кайдзука), Тонин, Стародубское-3 (Отанагаока), Усть Айнское-1, близ поселений Баклан и Охотское, на восточном побережье полуострова Крильон в районе поселения Атласово, на острове Монерон — на стоянках Усовка и Телеграфная станция) доказывают, что распространение

⁵⁹ Украшением сусуйских сосудов служили гребенчатые, веревочные, штампованные отпечатки (многослойная стоянка Стародубское-2 (Долинский район)), горизонтальные или криволинейные резные линии, наклонные или прямые насечки вдоль венчика, а также зашпыли валиком, налелы в виде шишечек и ямочные вдавления (многослойная стоянка Чиркова-1 (Корсаковский район)) [Козырева 1967: 38; Самарин 2002: 28, 29].

⁶⁰ Керамика анива типа А украшалась тонкими косыми веревочными оттисками в сочетании со сквозными проколами, располагавшимися параллельно венчику. На керамике типа В параллельно венчику наносились одна или несколько горизонтальных шнуровых линий. Отличительной чертой типа С стали прибавившиеся к орнаменту «жемчужины» (округлые выступы на венчике, образованные методом выдавливания круглой палочкой из внутренней стороны сосуда) [Василевский 2002а: 4, 5, 8]. Все типы посуды встречаются в памятниках Южная-2 (юго-восток Сахалина), Кедринка (на побережье Тонино-Анивского полуострова, крайний юго-восток Сахалина), Баклан (на берегу Охотского моря). В некоторых из них дополнением служили сосуды без орнамента и с гребенчатыми оттисками.

здесь культуры дзокудзёмон не было случайным и эпизодическим [Там же: 12].

Надо заметить, что в VII–IV вв. до н.э. на территории Северного, Центрального и частично Южного Сахалина широко распространилась керамика большебухтинской культуры Северо-Восточного Приамурья — круглодонные сосуды с шаровидным туловом и жемчужным орнаментом в виде несквозных вдавлений, наносившихся изнутри (памятники Озеро Сладкое, Кашкалебаш-2, Богатая-3, Бердянские озера-1, Стародубское) [Дерюгин 2009: 52]. Таким образом, все больше проявлялось влияние северных континентальных традиций, получивших развитие на острове в среднем и позднем неолите.

Следы дзокудзёмона, как отмечалось, фиксируются не только на Сахалине, но и на Курильских островах: на Урупe — в бухте Алеутка; на Итурупе — в памятниках Танковое, Пионер-2, М. Куйбышево, Оля-1; на Шикотане — в Бухте Дельфин; на Кунашире — в Алёхино [Василевский, Горбунов, Кузьмин URL: <http://journal.sakhgu.ru>]. Здесь встречаются горшковидные плоскодонные сосуды с узким поддоном и плавно расширяющимися кверху стенками (Бухта Алеутка (Уруп)). Венчики на сосудах из Алеутки прямые или слегка отогнутые наружу, с парными треугольными выступами. Тесто хорошо промешено, с незначительными примесями песка и мелкой гальки. Декор состоял из сплошных веревочных оттисков, а также полусквозных проколов на венчике [Шубин 1987: 13].

Среди каменного инвентаря Хоккайдо обычны предметы из обсидиана, кварца и сланца. При их изготовлении часто применялись двусторонняя обивка и шлифовка. Ассортимент орудий был довольно широкий и включал сверла, ножи, топоры, тесла, скребки, наконечники стрел и копий. На Сахалине исходным сырьем также служили кремни и андезиты (обсидиан ввозился с Хоккайдо), техника же дополнялась отжимной ретушью (памятники анивской и сусуйской культуры) [Василевский 2002б: 91; Козырева 1967: 33].

Некоторые находки с сусуйской стоянки Стародубское-2, такие как топоры, ножи, скребки и стамески, обнаруживают сходство с аналогичными предметами со стоянок Приморья, Приамурья, а также северной части материка Азии и островов севера Тихого океана [Козырева 1967: 41–43]. Впрочем, это сходство пока не дает оснований говорить о значительном влиянии на Сахалин названных регионов.

Наряду с каменными орудиями в памятниках периода Дзокудзёмон археологи нередко находят украшения: кольца из нефрита (стоянка Стародубское-2 (Сахалин)), трубчатые бусины из яшмы (памятник Момидзияма № 33 (Хоккайдо)), грушевидные подвески и бусины из сланца (памятник Южная-2 (Сахалин)), бусы из раковин (памятник Усумосири (Хоккайдо)) и красного янтаря (памятники Такисато-33 (Хоккайдо), Южная-2 (Сахалин)) [Василевский 2002а: 5; Аоно 2003: 19]. Не исключено, что на Хоккайдо янтарь ввозился с Сахалина.

Обращают на себя внимание трубчатые бусы — они найдены в 14 памятниках, включая погребения. Поскольку находки локализируются главным образом в пределах области от низменности Исикари до юго-западной части Хоккайдо — п-ва Осима, можно предположить, что особую роль они играли в жизни носителей культуры эсан [Аоно 2003: 19]. В последующее время среди айнов такие изделия распространения не получили — место трубчатых бус из яшмы у них заняла круглая стеклянная продукция.

Если говорить о костяных изделиях, то в археологических памятниках культуры эсан встречаются ложки с навершиями в виде медвежьих голов (стоянка Усумосири (Хоккайдо)). Как отмечалось выше, в то время изображения животных стали появляться довольно часто. Кроме ложек, из кости производились иглы, рыболовные крюки, гарпуны. На гарпунах нередко выполнялись резные рисунки (памятник Усумосири (Датэ)) [Inui 2003: 101].

К ценным костяным находкам, сделанным на Сахалине, относятся наконечник стрелы с двумя асимметричными бородами, четырехгранным насадом и канавкой для яда (поселение Чиркова-1 (Корсаковский район)). Он был обнаружен в сусуйских слоях (V в. до н.э. — IV–V вв. н.э.) [Самарин 2002: 28]. По всей видимости, в те отдаленные времена туземцы Сахалина уже применяли на охоте яд.

Хотя деревянных предметов до настоящего времени сохранилось немного, полученный материал позволяет сделать заключение об их значимости. На Хоккайдо в районе Исикари археологами найден фрагмент лакированного лука, а в Эбэцубуто — множество деревянных изделий без лака. Поражает ассортимент находок, среди которых — шпильки для волос, столики для еды, ложки, миски, палочки, чашки, ручки от различных сосудов, наконечники гарпунов, дубинки, шести для ловли рыбы, рукояти сетей, топоров и ножей, луки, шампуры, весла и клинья [Utagawa 1992: 192, 205].

Особый интерес представляет железная продукция. Проблема распространения в эпоху Дзокудзёмон железа — один из наиболее важных вопросов для изучения начал айнской культуры [Ibid.: 185].

С одной стороны, ввоз железных орудий на Хоккайдо осуществлялся с Хонсю. Об этом свидетельствуют находки на древних стоянках и погребениях топоров, ножей, различного рода обломков неизвестного назначения (памятник Токорогавакако:) [Kumamoto 2003: 65]. С другой стороны, металл ввозился и из северных областей через Сахалин. Наглядным свидетельством служит находка серебряного изделия, аналогов которому на Хонсю нет (памятник Уэбэцугава) [Aono 2003: 19]. Постепенно каменные орудия на Хоккайдо, а также на Сахалине стали уступать место железным.

Во второй половине VIII — середине IX в. на Хоккайдо распространяется культура сацумон (VIII—XIII вв.), имевшая местные (дзокудзёмонские) корни. Постепенно она охватила территорию Хоккайдо и север области Тохоку на Хонсю, южные районы Сахалина и Курил⁶¹ [Прокофьев 1995: 136; 2000: 63; Utagawa 1992: 269].

Важным видом хозяйственной деятельности сацумонцев было земледелие. Известно, что выращивались гречиха, рис, ячмень, пшеница, чумиза, просо, физалис, красная фасоль, конопля, бахчевые культуры. Рис, вероятно, был завезен с Хонсю, а гречиха — с низовьев Амура [Utagawa 1992: 254]. Предполагается, что охота и рыболовство у сацумонцев по сравнению с охотской культурой были менее развиты. Тем не менее при раскопках встречаются останки моллюсков, морских ежей, кеты, лосося, сивучей, нерп, дельфинов, енотовидных собак, бурых медведей, оленей, альбатросов, бакланов. Находки указывают на широкий ассортимент зверей, птиц и рыб, мясо которых использовали в пищу, а шкуры и кость — для одежды и других нужд.

По-видимому, носители культуры сацумон не жили устойчивыми коллективами. У них обнаруживаются как малые, в 2–3 дома, поселения, так и большие — до 100 домов. Надо полагать, крупные коллективы создавались главным образом с осени по зиму для совместного промысла лососевых. В остальное время, разделившись на небольшие группы, сацумонцы обитали раздельно [Sasaki Kaoru 2001: 134; Kikuchi 1999: 56].

⁶¹ Следы полуподземных жилищ сацумонского типа открыты на Итуруп (памятник Оля-4) [Прокофьев 2000: 63].

На начало Сацумона (VIII в.) приходится распространение на юге Хоккайдо захоронений курганного типа Кофун. Здесь стали возводиться курганы первого и второго типов (памятники Эбэцухэйсон, Матимуранодзэ: (Эбэцу), Моидзари (Энива)) [Utagawa 1992: 263]. Они имели форму овала, кольца или подковы⁶². Внутри помещались медные портупейные принадлежности и утварь, аналогичные инвентарю из курганов кофун района Тохоку. Но этот тип курганных погребений исчез на Хоккайдо довольно быстро [Kikuchi 1999: 56].

Существенные изменения произошли в устройстве грунтовых захоронений. Хотя в эпоху Сацумон продолжали создаваться небольшие круглые и овальные могильные ямы (наследие Дзокудзёмона — погребения в скорченном положении), широко распространились девятиугольные, прямоугольные и вытянутые овальные могилы⁶³. Это отражает расширение в погребальном обряде традиции укладывать тела в вытянутом положении (данная традиция отчетливее всего обозначилась во второй половине Сацумона). Обычай же захоронения костяков в скорченном положении под влиянием кофун начал забываться [Hirakawa 1999: 16].

Среди грунтовых погребений Хоккайдо археологи обнаруживают необычные детали. Так, в одной из могил девятиугольной формы найдены черепа, по обеим сторонам которых располагались камни (погребения Усакумай А (Хоккайдо)). Аналогичные атрибуты выявлены в районах Ёити и Эбэцу (погребения Тэнноутидзан и Хагигаока (Хоккайдо)). В восточной части острова археологи открыли погребения внутри полуподземных жилищ (памятники Хаясиги № 5 (г. Кусиро), Итяни — В (г. Сибэцу)). Они относятся ко второй половине эпохи Сацумон [Ibid.]. Причину их появления установить трудно.

Привлекают внимание памятники эпохи Сацумон, связанные с культурами различных животных, в том числе медведей (памятник

⁶² Относительно того, кто был захоронен в этих курганах кофун, высказываются разные точки зрения. Очевидно, что это была небольшая группа, которая оказывала значительное влияние на широкие массы населения эпохи Сацумон [Utagawa 1992: 267].

⁶³ Предположительно, захоронение тел в скорченном положении было характерно для ранних погребений в айнском обществе, когда умершего укладывали в направлении между востоком и юго-востоком с поджатыми коленями и руками, а сверху нередко устанавливали камень, чтобы покойник не смог «выйти».

Отафуку-ивадокуцу (г. Раусу)). В одной из могильных ям вместе с керамикой конца Сацумона были обнаружены шесть медвежьих черепов, располагавшихся в восточном направлении. Еще один медвежий череп находился чуть в стороне. При этом у двух черепов на затылке (сбоку) оказались пробоины. Кроме этого, найдены семь черепов сивучей, затылки которых также были пробиты с боков (памятник Аонаэ (г. Окусири)). Эти находки свидетельствуют о том, что уже в то время на Хоккайдо совершались культовые действия в отношении медведей и других животных. Вполне вероятно, что они оказали влияние на становление ритуала «проводов» животных у айнов [Ibid.: 16, 17].

Эпоха Сацумон характеризовалась изменением не только погребений, но и жилищ. Вместо прежних землянок округлой формы стали создаваться четырехугольные, чаще всего квадратные. Каркасная конструкция могла принимать различный облик — пирамиды и многогранника (рис. 29). В первом случае каркас состоял из четырех опорных столбов с прогонами. По периметру под наклоном располагались жерди, сходящиеся в верхней части постройки и образующие крышу. Длина стены составляла от 4 до 8 м, но иногда строились жилища крупнее — с восемью опорными столбами. Другой разновидностью стала конструкция, у которой стены и кры-

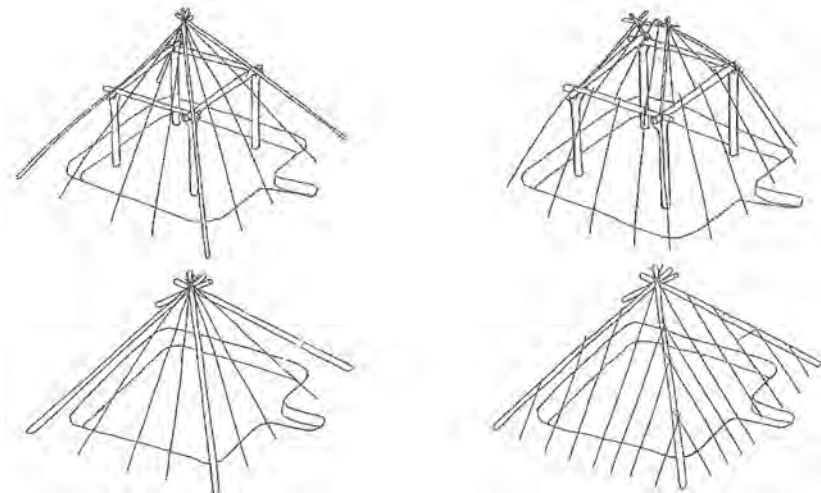

Рис. 29. Реконструкция полуподземных жилищ эпохи Сацумон.

Источник: [Hirakawa 1999: 14]

ша были разделены (встречается уже в Дзёмоне). Такое устройство напоминало наземные дома, получившие распространение в айнской культуре [Ibid.: 14].

Вход в полуподземные жилища у сацумонцев оформлялся в виде небольших сеней. Вся верхняя часть здания обкладывалась травой. Жилищное пространство, судя по оставшимся от вспомогательных столбов следам, могло разделяться. В некоторых домах у стены располагалась печь *камадо*, в других в центре находился очаг *ро*. Иногда печи и очаги сооружались вместе [Utagawa 1992: 232, 326; Kojima 2004: 18].

Следует отметить, что полуподземные жилища с печами *камадо* стали часто создаваться на Хоккайдо и в северных районах Тохоку на Хонсю примерно в одно и то же время — в VII в.⁶⁴ На Хоккайдо наиболее древние постройки такого типа обнаружены в Титосэ (памятник Марукояма). Они были квадратные, печи находились у стены с северной стороны и снабжались коротким дымоходом или длинным (туннельного типа) [Matsumoto 2006: 48].

Как уже отмечалось, в южных районах Японии печи в землянках получили распространение в V–VI вв. под влиянием Кореи. Не удивительно, что спустя некоторое время они были привнесены в Тохоку и на Хоккайдо.

В юго-западной части Хоккайдо в эпоху Сацумон появились еще прямоугольные дома с полом, устраивавшимся на уровне земли, опорными столбами, вкапывавшимися в землю и располагавшимися по периметру, печами и очагами (яп. *хоттатибасира*) (стоянка Сацумаэ) [Ibid.: 54]. Появление наземных жилищ можно объяснить влиянием северного Хонсю, где со второй половины IX в. в некоторых районах строились похожие сооружения.

В одном из жилищ (*матэана* № 16) в районе Урахоро (памятник Вакацуки (Хоккайдо)) археологи нашли 17 керамических сосудов большого и частично среднего размеров, стоявших вдоль стены у печи *камадо* или на самой печи [Utagawa 1992: 229]. Аналогичные изделия встречаются и в других жилищах — в повседневной жизни они занимали важное место.

В керамической индустрии сацумонцы перестали использовать веревки и веревочный декор для орнаментирования. Они положили начало производству широкого ассортимента тонко-

⁶⁴ Единичные находки в Тохоку датируются концом V — началом VI в.

Рис. 30. Керамика сацумон. Памятник К-39 (Хоккайдо). Музей истории освоения Хоккайдо. Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Саппоро. Источник: [Kodai hopro: 2008: 37]

стенных сосудов — горшков, мелких мисок, кувшинов, чаш, чаш с высоким поддоном, небольших «чайников» с носиком (рис. 30) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 11]. Значительное влияние здесь оказала посуда хадзики. Так, ставший характерным для сацумонской керамики орнамент в виде прочерченных гребенкой линий обнаруживается на хадзики VII–VIII вв., бытовавших и в северных районах Тохоку, и на юге Хоккайдо [Matsumoto 2006: 137].

В целом, при изготовлении новой посуды применялись метод ленточного налепа и обжиг при низкой температуре. По размеру сосуды делились на крупные (свыше 20 см), средние (от 10 до 20 см) и низкие (менее 10 см). Их украшали гребенчатым заглаживанием, резным орнаментом, круглыми вдавлениями. Встречаются также изделия без орнамента [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 9; Utagawa 1992: 228].

Эпоха Сацумон по критерию типологического изменения керамики подразделяется на пять этапов: начальный (VIII в.), ранний (конец VIII — начало IX в.), средний (IX–X вв.), поздний (XI–XII вв.) и финальный (XII–XIII вв.). Видоизменение форм и орнаментов хорошо прослеживается на примере глубоких горшков.

На начальном этапе распространились глубокие горшки с зауженным в нижней части туловом и широко открытым венчиком, который опоясывался наколами; ниже наносился декор в виде резных линий — горизонтальных, зигзагообразных или перекрещивающихся (памятник Усакумай С (район Титосэ))⁶⁵.

В ранний период стали появляться сосуды небольшого размера. При этом глубокие горшки сохранили форму, характерную для горшков предшествующего этапа, но в орнаменте произошли изменения. Все больше начали применяться горизонтальные линии, которые дополнялись перпендикулярными, наклонными, зигзагообразными. Они могли пересекаться или накладываться друг на друга, иногда образуя ромбическую сетку. Кроме того, на венчике появился ряд вертикальных насечек. На некоторых горшках декоративная полоса насечек размещалась под орнаментальным сектором (памятник Суэхиро (района Титосэ))⁶⁶.

На среднем этапе венчики горшков украшались «перьевым» орнаментом в виде нескольких рядов насечек, хотя главенствовали по-прежнему горизонтальные резные линии. Декор из таких линий часто служил фоном для разных композиций (одной или двух вертикальных линий и нескольких ломаных черт, образующих подобие ветвей дерева), зигзагообразных горизонтальных или вертикальных фигур. Некоторые сосуды дополнительно покрывались сетчатым узором (памятник Такасу (район Обира)). В обиход вошли небольшие чаши с поддоном.

В поздний период изгиб венчика на горшках уменьшился, а орнамент из горизонтальных параллельных линий и «ветвей деревьев» начал исчезать. Зона нанесения орнамента условно разделилась на несколько секторов, на передний план вышли наклонные пересекающиеся линии (памятник Кусу (район Бифука)). Отличительной особенностью чаш стал высокий поддон. Вместе с тем появились кувшины.

С наступлением финального периода размер сосудов, по сравнению с предшествующими периодами, уменьшился, а орнамент

⁶⁵ На сосудах начальной стадии прослеживается влияние керамики хокудай, а также хадзики — так называемой сакураи-1 [Utagawa 1992: 225].

⁶⁶ В это время получила распространение керамика хадзики сакураи-2. Небольшие сосуды, думается, сформировались под влиянием именно хадзики.

значительно упростился. Получил распространение узор из наклонных и пересекающихся линий, нередко — в сопровождении ряда точек (памятник Вакка (район Токоро)). Таким образом, развитие глубоких горшков эпохи Сацумон шло от простого к сложному и затем вновь к простому [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 12–14; Utagawa 1992: 228].

Иногда на посуде, в частности на небольших мисках *асабати*, мисках с поддонами *дайцукиасабати*, чашах *цуки* и чашах с поддонами *такацуки*, встречаются знаки, аналогичные айнским тамгам (точнее сакральным общинно-родовым и семейным знакам) *экаси итокна* (знаки предков), вырезавшимся на деревянных предметах. Сацумонские метки наносились на дно сосудов перед обжигом (рис. 31).

Рис. 31. Клейма на керамике сацумон (Хоккайдо).

Источник: [Utagawa 1992: 246]

Обнаружены разные начертания знаков, в основе которых — элементы «+» (подавляющее большинство), «—» и дискообразные фигуры, а также простейшие пиктографические картинки. В их сочетании выявлены некоторые региональные отличия. По мнению Х. Утагава, эти знаки служили маркерами, отмечавшими особые сосуды, использовавшиеся для проведения обрядов. Исследователь мотивирует этот вывод тем, что знаками помечены только определенные типы керамики⁶⁷ [Utagawa 1992: 246].

⁶⁷ Х. Утагава отмечает, что в айнской культуре чашки *итанки* со знаками имели непосредственное отношение к культам. Если предположить, что сацумонцы помечали знаками именно культовую посуду, то между сосудами *асабати* эпохи Сацумон и айнскими *итанки* обнаруживается преемственность [Utagawa 1992: 246].

Кроме клейм, на посуде эпохи Сацумон иногда находят прореченные рисунки. Показательный пример — чаша с небольшим поддоном со стилизованным изображением четвероногого животного и существа, похожего на птицу (раковинная куча Аонаэ (Окусири)) [Inui 2003: 103].

В окрестностях памятника Сакусю-Котони, включающего слои Сацумон (IX в.), был найден сосуд хадзики с вырезанным иероглифом «и» (夷) [Takahashi 2001: 28]. Изображение данного знака, который в японском языке имеет прочтение *эбису*, представляет большой интерес. Скорее всего, сосуд с таким знаком попал на Хоккайдо неслучайно. Ведь, в представлении японцев, население отдаленных районов Японии являлось *эимси* или *эбису*.

Как отмечалось, зона распространения культуры сацумон, помимо Хоккайдо, включала северо-восточные земли Хонсю — область Тохоку. В Тохоку находки сацумонской керамики концентрируются в районах полуостровов Симокита и Цугару (рис. 32) [Sasaki Kaoru 2001: 133]. В префектуре Аомори (самая северная оконечность

Рис. 32. Фрагмент керамики сацумон с изображением лошади. Памятник Нодзири (префектура Аомори). Комитет по вопросам образования г. Аомори. Источник: [Kodai hoppo: 2008: 37]

Хонсю) открыто около 50 памятников, сохранивших характерные сосуды (стоянки Икаригасэкимурафурадэтэ, Ёмогитамурадэтэ, Моцусисёгидатэ, Ёмогитамуракодэтэ, Саннай и пр.). Все они относятся к X–XI вв.

В целом, упрощение форм и декора керамических сосудов на заключительном этапе Сацумон произошло из-за распространения железных котелков с ушками внутри [Utagawa 1992: 321; Takahashi 2001: 31]. На территории Японии эти котелки (яп. *найdzитэцунабэ*) бытовали в XII–XIII вв., а в эпоху Сацумон стали экспортироваться на Хоккайдо (рис. 33). Сначала сацумонцы пользовались импортной продукцией, но сравнительно быстро научились копировать ее в глине (яп. *найdzидо:набэ*) [Utagawa 1992: 321; Sasaki Kaoru 2001: 133]. Думается, это происходило в XIII–XV вв., возможно, вплоть до XVI в. В соседних с Хоккайдо регионах, в южной части Камчатки и на Курилах, *найdzидо:набэ* производились с середины XVII по XVIII в., а на Сахалине — почти до середины XIX в.

Обращает на себя внимание керамический котелок из собрания Муниципального музея Хакодэтэ. Верхний край тулова сосуда опоясывает ряд вырезанных линий, сверху и снизу — криволинейный узор, напоминающий «зубья пилы», и ряд точек. Точно так же орнаментирован сосуд, обнаруженный в Сэтана, в районе устья реки Тосибэцу. Декор на обоих котелках типичен для позднего периода Сацумон⁶⁸. Имеются находки и неорнаментированных *найdzидо:набэ* этого времени, например котелок из остатков жилища № 7 района Нисицукигаока города Нэмуру.

Надо заметить, что распространение на Хоккайдо котелков с ушками указывает на переход от печей к очагам со специальным приспособлением для подвешивания этих котелков (приблизительно конец XIII в.). Тогда же, вероятно, проходило формирование специфического культа огня, ставшего типичным для айнов в более позднее время [Utagawa 1992: 326; Kojima 2004: 18].

Кроме самобытной керамической продукции, носители культуры сацумон использовали фарфор японского и корейского происхождения [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 6]. Но по количеству импортные фарфоровые изделия значительно уступают местным глиняным.

⁶⁸ Место обнаружения сосуда из Муниципального музея Хакодэтэ не установлено; вероятно, он происходит с Хоккайдо.

Рис. 33. Керамический котелок эпохи Сацумон.
Памятник Ёндзаваясики (Хоккайдо) (вверху).
Комитет по вопросам образования г. Каминокун.
Керамический котелок периода айнской культуры.
Памятник Райтокоро (Хоккайдо) (внизу).
Лаборатория археологии Токийского государственного университета.
Источник: [Kobayashi 1999: 22; Takahashi 2001: 31]

На Сахалине находки сацумонской керамики группируются главным образом на юго-западном побережье. Как правило, это фрагменты тонкостенных сосудов, с наличием в тесте песка, по цвету серые, черные, темно- или светло-коричневые⁶⁹. Некоторые из них относятся к X в. (стоянки Северный Крильон и Кузнецово 1), некоторые — к XI в. (стоянка Чайкино), а иные — к XII–XIII вв. (стоянки Невельск II б, Третья Падь и Орлово). Отдельные мотивы сахалинской керамики сходны с орнаментом керамики Хоккайдо (стоянки Хаманасу, Котони-синорогава).

Помимо Сахалина, следы культуры сацумон фиксируются на Курильских островах — на Кунашире и Итурупе. На Кунашире обнаружен археологически целый сосуд X–XI вв. с выпуклым, зауженным к шейке туловом, незначительно расширяющимся венчиком и поддоном⁷⁰ (стоянка Алёхино) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 25]. Посуда Итурупа представлена чашеобразным сосудом с поддоном, горшковидным сосудом с широкой горловиной (поселение Рейдово-1), а также фрагментами керамики, форму которой установить сложно (стоянки Оля-1, 4, поселение Танковое)⁷¹ [Там же: 27, 29, 30, 32].

⁶⁹ Декором посуды Сацумон служили гребенчатые прочесы, горизонтальные, вертикальные или наклонные резные линии, часто сдвоенные и наносившиеся поверх прочесов (поселение Кузнецово-1; стоянки Северный Крильон (Кита Сирануси) (Невельский р-н); Орлово (Усиро) (Углегорский район); Чайкино (Уни) (Невельский р-н)), насечки, шишечные налеты (стоянка Северный Крильон), лощение, выполнявшееся как на внутренней, так и на внешней поверхности сосудов (поселения Кзнецово-1; Невельск II (Хоито Минами II)). Гребенчатые прочесы делались мелкозубой или широкозубой гребенкой в вертикальном, наклонном положении или пучкообразно (стоянка Третья Падь). Наклонные длинные линии, пересекаясь, создавали ромбическую сетку (стоянка Северный Крильон), а короткие линии и насечки — подобие елочки (стоянка Чайкино) [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 17–20, 23, 24, 28].

⁷⁰ Поддон оказался с овально вогнутым основанием. Внутренняя часть сосуда была залощена, верхняя половина тулова с внешней стороны украшена сплошными зигзагообразными линиями, ограниченными внизу горизонтальной линией.

⁷¹ В качестве декора использовались комбинации из резных линий (поселение Рейдово-1; стоянки Оля-1, 4), ряды вдавненных каплевидных насечек, наносившихся по краю венчика, гребенчатые прочесы (поселение Танковое).

Особого внимания заслуживает орнамент на горшке с поселения Рейдово-1: вдоль края венчика нанесены резные насечки в виде елочки, ниже — геометрический декор, состоящий из ромбов и треугольников. Фигуры располагаются в секторах, разделенных между собой рядом вертикальных линий, кроме этого, ряд прерывистых линий прочерчен снизу. Линии окружены многочисленными насечками. Предполагается, что этот узор представляет собой «счетную систему — календарь сацумонцев с определенным числовым семантическим рядом» [Прокофьев 1995: 135]. Фрагменты сосудов с аналогичным декором были найдены в некоторых других археологических памятниках южных Курил (стоянки Китовое-1, Танковое I и II) [Там же]. Горшок с Рейдово-1 датируется XII–XIII вв., чаша — XI в., а предметы из других памятников — XI–XII вв.

Поскольку керамика сацумон на Сахалине и Курильских островах встречается в основном на стоянках охотской культуры, можно предположить, что охотцы и сацумонцы некоторое время проживали вместе. На Хоккайдо и Кунашире это, в частности, нашло отражение в появлении керамики типа тобинитай, соединившей обе традиции [Прокофьев, Дерюгин, Горбунов 1990: 34; Прокофьев 2000: 63, 64].

Не только керамическая, но и деревянная посуда широко употреблялась в эпоху Сацумон. Найдено несколько десятков предметов утвари, среди которых — фрагменты сосудов, выдолбленных из обрубка древесного ствола, согнутых из сколов бревна, изготовленных из коры (памятники Вакацуки, Кусу, Хигасикусиро (Хоккайдо)). По мнению Х. Утагава, это типичная продукция того времени, причем большая ее часть обнаруживает сходство с утварью айнов [Utawaga 1992: 238].

Деревянные предметы сацумонцы, как правило, изготавливали сами. Однако в археологических памятниках встречаются изделия, заимствованные с Хонсю, например обломки долбленых сосудов, покрытых черным и красным лаком, напоминающие айнские чашки *итанки*. Их фрагменты были обнаружены в Кусиро в жилище *татэана* № 8 (памятник STV (Хоккайдо)) [Ibid.: 240].

Орудия рыболовства и средства передвижения по воде также указывают на связь с айнской культурой. Например, найдены остатки запорного устройства на реке в виде изгороди, которая препятствовала прохождению рыбы (памятник Сакусю-Котони (Хоккайдо)), и фрагменты долбленых лодок (памятники К 39, Биби 8,

Рис. 34. Остатки деревянной запруды эпохи Сацумон. Памятник Сакусю-Котони (Хоккайдо). Исследовательская лаборатория ископаемых культурных ценностей Университета Хоккайдо. Источник: [Takahashi 2001: 28]

Юканбоси С 15 (Хоккайдо)) (рис. 34)⁷² [Morioka 2001: 152; Takahashi 2001: 24].

В отличие от предшествующих эпох, каменные орудия сацумонцы почти не использовали, в то же время обнаружено множество кузниц: уже тогда было развито кузнечное дело на уровне вторичной обработки металла (памятники Аноаэ в Окусири, Фурукава в Урахоро, Суэхиро в Титосэ, Нисикитё в Асахикава (Хоккайдо)). Начало распространения кузниц приходится на IX–X вв. Со второй половины X в. они стали создаваться в большом количестве [Matsumoto 2006: 98].

Археологические раскопки позволяют очертить круг железных изделий, бытовавших на Хоккайдо. Они встречаются и в курганных захоронениях *кофун*, и в «классических» грунтовых погребениях

⁷² Конструкция изгороди чрезвычайно напоминает запруды *тэс*, которые айны использовали для ловли кеты и горбуши.

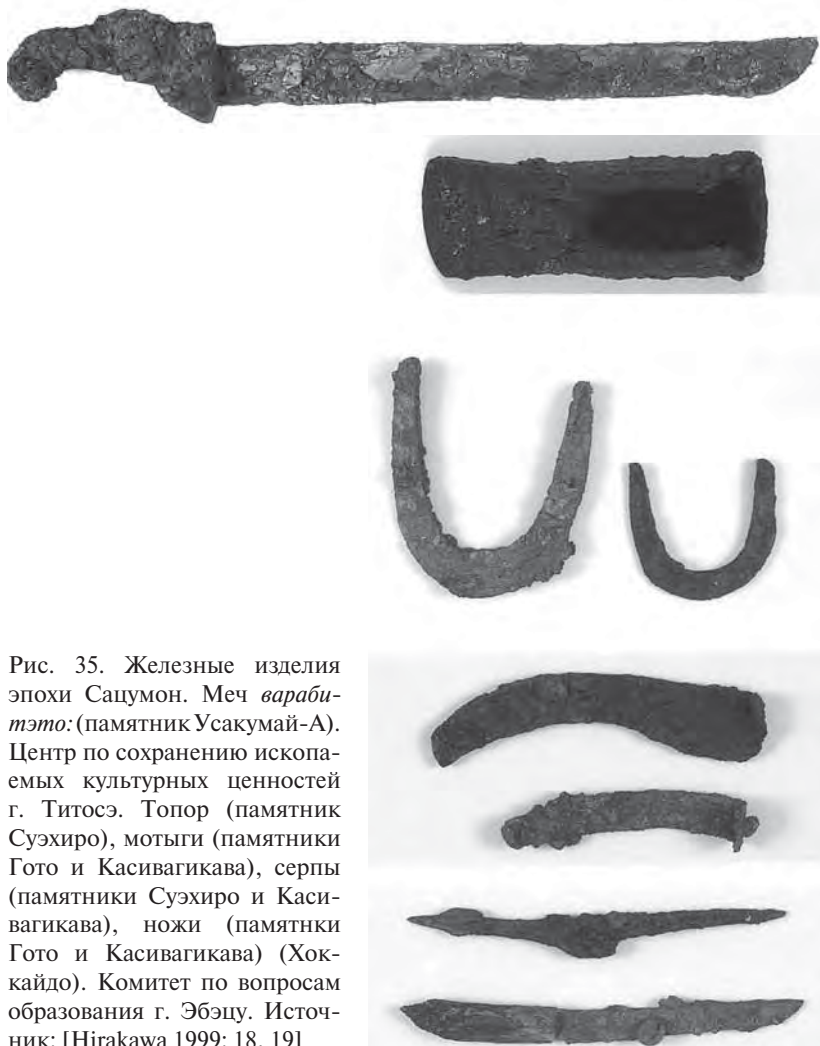

Рис. 35. Железные изделия эпохи Сацумон. Меч *варабитэто*: (памятник Усакумай-А). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей г. Титосэ. Топор (памятник Суэхиро), мотыги (памятники Гото и Касивагикава), серпы (памятники Суэхиро и Касивагикава), ножи (памятники Гото и Касивагикава) (Хоккайдо). Комитет по вопросам образования г. Эбэцу. Источник: [Hirakawa 1999: 18, 19]

(*доко:бо*) (рис. 35). В курганах Гото конца VIII — первой половины IX в., расположенных в районе Эбэцу-Хэйсон, найдено много привозных изделий с Хонсю: четыре меча с «папоротниковидной» рукоятью (яп. *варабитэто*:), «классические» мечи (яп. *тати*), ножи (яп. *то:су*), топоры, поясная фурнитура, серпы, наконечники стрел,

кольца, инструмент, напоминающий пинцет, иглы⁷³ [Utagawa 1992: 265]. Грунтовые погребения комплексов Усакумай А, Тэнноутидзан, а также Касивагикава и Касивагихигаси района Энива содержали, хотя и в меньших количествах, аналогичный инвентарь. Пока остается неразрешенным вопрос, кто именно использовал это железо [Ibid.: 269].

Металлические изделия встречаются не только в захоронениях, но иногда и на остатках древних жилищ. Например, в Урахоро из полуподземного жилища № 16 археологи извлекли малые клинки, предмет в форме трубки, железные наконечники стрел (памятник Вакацуки (Хоккайдо)). В Соя в одном из жилищ были найдены мечи типа *кэнуки* (мечи, у которых на рукояти есть прорезное ажурное отверстие), топоры, гарпуны, аналогичные айнским *марэк*, обломки железных сосудов и мотыга в форме U (памятник Тоёсато (Хоккайдо)).

Инвентарь, сопровождающий полуподземные жилища, по мнению Х. Утагава, не был собственностью отдельной семьи, а принадлежал всей общине. Однако предполагается, что по мере распространения железных орудий в обществе Сацумон происходило размежевание семей и выделение частной собственности [Ibid.: 249].

Следует отметить, что даже после развития кузнечного ремесла железная продукция местного производства выпускалась довольно ограниченно. В количественном отношении она уступала привозной. Нет ничего удивительного в том, что значительная часть обнаруженных археологами предметов происходит с Хонсю.

Импортная продукция из памятников Сацумон, в частности, представлена медными чашеобразными сосудами (яп. *сарё:ки*), которые использовались японцами в буддийском культе. Их обломки обнаруживаются на Хоккайдо на стоянках XII–XIII вв. Археологи также нашли железные шлемы с полусферическими заклепками (яп. *хосикабут*), изготовленные во второй половине эпохи Хэйан

⁷³ Железная арматура от поясов обнаруживается в кофуне как Хоккайдо, так и Тохоку (VIII в.). В эпоху Хэйан такие ремни полагались чиновникам ниже шестого ранга. Это натолкнуло на мысль о том, что в курганах могли быть захоронены японские чиновники. Однако металлических элементов поясов найдено сравнительно мало, тогда как на ремень они нашлись в большом количестве. Скорее всего, эти вещи получены жителями Хоккайдо в дар от японцев.

(794–1185) (Кусиро; Румоиси), и зеркало *ху-дзёу* эпохи Нансо: (1127–1279) (Кусиро, район Дзаймоку). Установлено, что зеркало было изготовлено в Южном Китае. Аналогичные изделия неоднократно встречались на востоке Хонсю, начиная с района Кинаи, и на побережье Японского моря [Ibid.: 261].

Из кухонной утвари привлекают внимание железные котелки с ушками внутри, которые уже упоминались. В XII–XIII вв. они встречаются в большом количестве в районе Тохоку: в Хираидзуми (префектура Иватэ), Икаригасэкимурафурудатэ, Ёмогитамураодатэ (префектура Аомори)⁷⁴. Приблизительно в конце XIII в. котелки стали ввозиться на Хоккайдо.

Японские ученые составили классификацию котелков, выделив среди них предметы с ушками внутри (с прямым литником, без ножек; с литником круглой формы (с ножками или без ножек)); с подвешенными над краем тулова ушками (с пояском; без пояса); с носиком; другие разновидности⁷⁵. Установлено, что котелки с ушками внутри и прямым литником распространились в южной, восточной и центральной частях Хоккайдо приблизительно в XV–XVII вв.; котелки с литником круглой формы — в период со второй половины XVI по XVII в.; котелки с подвешенными ушками, а также с носиками — с XVII в. (они использовались до сравнительно недавнего времени).

Среди археологических находок есть свидетельства того, что носители культуры Сацумон занимались ткачеством и плетением. Находки немногочисленны, но показательны: бёрдо (памятник Саказура № 2 в Токоро (Хоккайдо)), пряслицы, фрагменты плетеных и тканых изделий (памятник Тоёсато в Соя (Хоккайдо)), обуглившиеся веревки (памятник Вакацуки в Токати; близ Томамаэ в Когава (Хоккайдо)) [Hirakawa 1999: 16; Utagawa 1992: 235]. Обнаружены плетеные изделия, аналогичные айнским циновкам *тома* (рис. 36) [Utagawa 1992: 236].

Судя по ряду сохранившихся кусков ткани, одежду сацумонцы производили из растительных волокон, при этом нити скручивали [Yoshimoto 2006: 155]. Специалист по ткачеству С. Ёсинобу считает,

⁷⁴ Находки в Аомори сопровождалась такими же керамическими сосудами.

⁷⁵ Котелки с носиками часто использовались японцами для подогрева сакэ (яп. каннабэ).

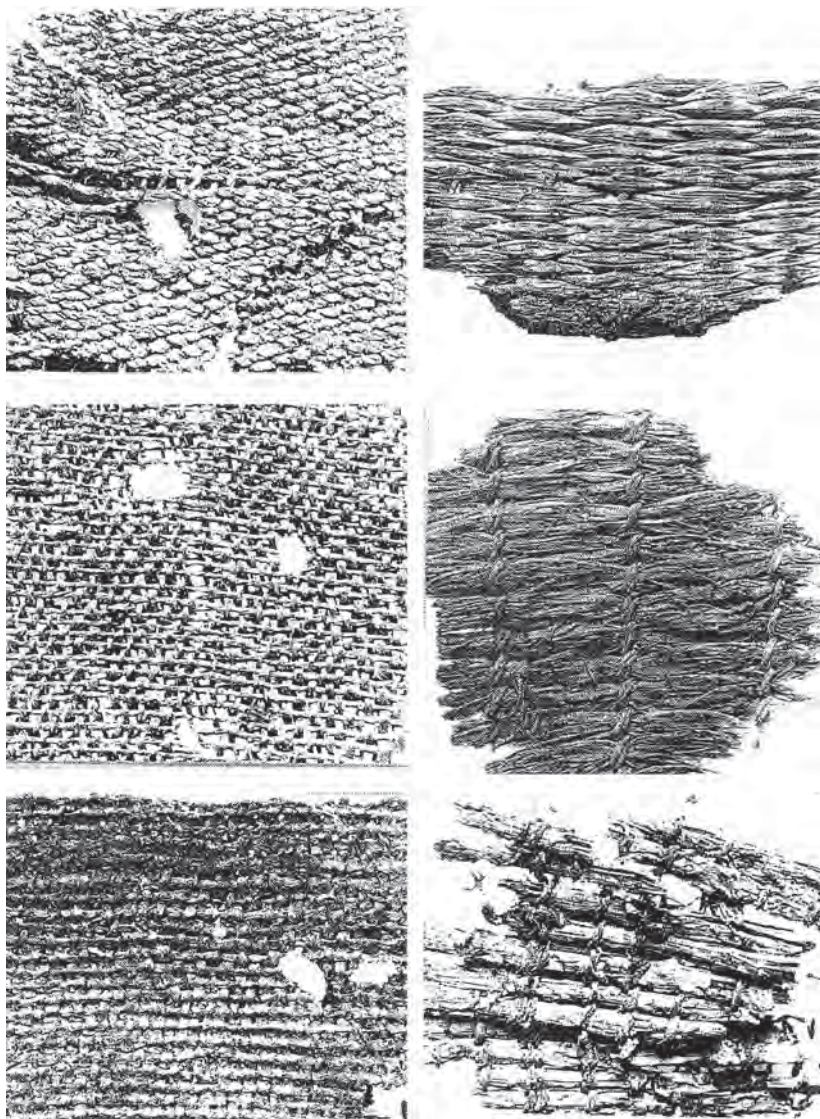

Рис. 36. Тканые (слева) и плетеные (справа) изделия эпохи Сацумон.
Памятник Тоёсато (Хоккайдо).
Источник: [Utawaga 1992: 237]

что уже на ранней стадии становления айнской культуры айны Хоккайдо, возможно под влиянием японцев, утратили этот исконный способ производства нитей [Ibid.: 156].

Приблизительно с V по XII в. на Хоккайдо (в основном на восточном и северном побережье), Сахалине и Курильских островах получила распространение охотская культура. Сацумон и охотская культура некоторое время существовали вместе, взаимно обогащая друг друга.

По мнению А. А. Василевского, единой охотской культуры как таковой не существовало, она — «секвенция родственных локальных археологических культур, соседствовавших друг с другом во времени и в пространстве» [Василевский 2002б: 90]. Эти культуры, среди которых наиболее отчетливо выделяются сусуйская, товада и собственно охотская, «кроме схожих принципов хозяйственности, обусловленных существованием в одной экологической нише, практически ничего общего между собой не имели» [Дерюгин 2008: 63].

Предполагается также, что охотская культура была прочно связана с культурами амурских народов (охотников) и происходила с Сахалина⁷⁶ [Васильевский 1981: 70, 90; Ицуки 1992: 125; Kikuchi 1999: 56, 52]. Вначале она получила распространение на Сахалине, а затем на Хоккайдо и Курильских островах, при этом на Курилах сразу в двух вариантах — южно- и северокурильском⁷⁷.

Археологи выделяют в охотской культуре два этапа: ранний (V–IX вв. н.э.) и поздний, который делится на два периода: развитый (середина VII–IX вв.) и поздний (конец IX–XII вв. н.э.) [Шубина 1999: 240]. Впрочем, нижние границы культуры могут несколько различаться в зависимости от региона.

⁷⁶ Керамика с короткими гребенчатыми оттисками, характерными для охотских сосудов, встречается в неолитических памятниках Сахалина (Имчин-2) и низовьев Амура (памятник Тэбах) (сосуды низовьев Амура украшались также орнаментом в виде резных горизонтальных линий, сочетающихся с гребенчатыми оттисками). Это свидетельствует о генетической связи охотской культуры с неолитическими поселениями Северного Сахалина, а через них и с культурами низовьев Амура [Васильевский 1981: 93].

⁷⁷ Следы охотской культуры обнаруживаются на Итурупе в памятниках Исис, Березовка, Оля-1, Курильск-1, Рейдово; на Шикотане — в Бухте Дельфин; на Кунашире — в Фурукамаппу; на Парамушире — в Савушкино [Василевский, Горбунов, Кузьмин URL: <http://journal.sakhgu.ru>].

По данным антропологии, охотцы занимают промежуточное положение между дзёмонцами и амурскими группами. Согласно краниологическим исследованиям, в становлении охотского типа принимали участие арктические популяции, сходные с эскимосами и чукчами, а также древние группы тунгусо-маньчжуров, проникших на Южный Сахалин с низовьев Амура в первых веках нашей эры [Моисеев 2008: 140]. У тунгусо-маньчжуров прослеживаются связи с сушенъско-бохайским культурным типом. С этой точки зрения охотцев можно считать выходцами из Приморья и Маньчжурии [Косарев В. Д. 2010: 154].

Если на Сахалине охотская культура продолжала существовать вплоть до XII–XIII вв., то на Хоккайдо под давлением носителей культуры Сацумон она стала исчезать уже к концу IX в. В это время охотцы сконцентрировались в восточной части острова, где в результате смешения двух традиций (охотской и сацумонской) возникла культура тобинитай, характеризовавшаяся своеобразной керамикой. Культура тобинитай существовала с IX по XIII в., после чего влилась в состав культуры сацумон [Ushiro 1999: 10]. Существует точка зрения, что дольше всего охотцы просуществовали на Курильских островах [Васильевский 1973: 196].

В отличие от Сацумон, главными видами хозяйственной деятельности охотцев были морское рыболовство и охота на морских млекопитающих [Дерюгин 2008: 61; Kikuchi 1999: 56]. На древних стоянках сохранились кости кита, сивуча, тюленя, дельфина, моржа, калана. Обнаружены также останки волка, лисицы, барсука, оленя, медведя, песца, что свидетельствует о важном значении охоты на наземных животных [Васильевский 1973: 179]. Кроме того, охотцы разводили собак и свиней [Ushiro 1999: 7].

На черепках собак в местообитаниях охотцев нередко встречаются рубцы и следы от ударов, нанесенных острым орудием (стоянка Мойоро (Хоккайдо)). По всей видимости, собаки служили охотцам и транспортным средством, и пищей. По останкам свиней определено, что они отличаются от животных, разводившихся в Японии. Очевидно, свиньи ввозились с материка. Известно, что в I тыс. до н.э. они были распространены в районе современного Владивостока [Васильевский 1973: 179].

Сохранились свидетельства того, что охотская культура имела тесные связи с айнской. Это касается обряда «проводов медведя».

Обряд «проводов», получивший широкое распространение на территориях Северо-Востока Евразии и Северной Америки, предполагал ритуальное убийство медведя с «проводами» его души в высший мир божеств.

У ряда народов, в частности, Сибири широко распространены устойчивые традиции, в соответствии с которыми использовали медведей, убитых на охоте. Айны же для этой цели выкармливали в клетке медвежонка, отнятого у медведицы или пойманного в лесу. Зона распространения обычая выкармливать животное в неволе ограничивалась районами расселения нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, ороков, негидальцев, айнов.

Среди памятников охотской культуры и культуры сацумон археологические находки, имеющие отношение к медвежьему празднику (скопление медвежьих костей и алтари), обнаруживаются преимущественно в первых. Более того, именно охотцы изготавливали миниатюрные фигурки медведей из кости и клыков (рис. 37). Можно предположить, что айнские культы формировались под сильным влиянием материковых охотничьих традиций [Kikuchi 1999: 58].

Рис. 37. Фигурка медведя из клыка охотской культуры. Памятник Каваниси (Хоккайдо). Муниципальный краеведческий музей г. Абасири. Источник: [Kodai horro: 2008: 22]

Примечательно, что на Сахалине носители охотской культуры строили укрепления, аналогичные айским *тяси*. В этой связи показателен хорошо изученный археологический памятник Белокаменная-тяси (яп. *хацукочама-тяси*). Он расположен на восточном побережье залива Анива, на небольшом мысе (длиной около 35 м и высотой 30–32 м над уровнем воды), и занимает площадь около 700 кв. м. Сохранились вал длиной 20 м и высотой 1–1,5 м, ров глубиной 2–2,7 м, а также следы двух жилищ полуземляночного типа. Из находок здесь наиболее массово представлена керамика. Культурный слой II (из трех) содержал позднеохотскую орнаментированную керамику типа минами-кайдзука, образцы керамики раннего периода охотской культуры — эноура и сусуя, каменный инвентарь (наконечники стрел, ножи, скребки, топоры). Культурный слой III включал керамику сусуйского типа (орнаментированные остродонные сосуды и посуду переходного типа от остродонной к плоскодонной), каменные и костяные изделия, в том числе наконечники гарпунов поворотного типа. Наконец, в обоих горизонтах культурного слоя обнаружены бусины (в том числе стеклянные) и металлические детали к поясу⁷⁸. Радиоуглеродные датировки позднеохотского слоя указывают на X–XIII вв. [Шубина 1999: 245].

Среди охотских памятников более всего выделяются полуподземные жилища, которые встречаются и на Сахалине (поселения Озёрск I, Анфельцево II, Свободное, Стародубское II), и на Хоккайдо (стоянки Токоро, Вакацуки) [Васильевский 1981: 119; Шубина 1999: 240; Utagawa 1992: 292]. На ранней стадии котлованы жилищ были прямоугольной формы, в VIII–IX вв. начали возводиться многоугольные (пяти–шестиугольной формы) (рис. 38). В глубину они достигали 0,5 м, а в длину и ширину — приблизительно 8–10 м. Встречаются также большие жилища — размером около 15 м и более⁷⁹. В небольших полуземлянках проживали две–три семьи, а в больших — четыре–шесть.

Деревянный каркас дома состоял из опорных столбов, которые располагались не только сбоку, но и вдоль центральной линии, конька, боковых жердей, сходящихся к коньку, а также попереч-

⁷⁸ К моменту исследования Белокаменная-тяси культурные слои оказались сильно перемешаны.

⁷⁹ По сравнению с дзёмонскими, дзокудзёмонскими и сацумонскими землянками, охотские были самыми крупными.

Рис. 38. Полуподземное жилище охотской культуры.
Памятник Токорокавакако: (Хоккайдо). Источник: [Amano 2003: 120]

ных жердей. Внутри жилища земляные стены укреплялись досками. Дощатые стены незначительно возвышались над землей. Вдоль стен иногда прослеживаются остатки пола с дощатым настилом. Пол мог быть обмазан глиной, крыша покрывалась берестой. Для крепления бересты использовались деревянные гвозди. Бересту и гвозди археологи обнаружили в одном из жилищ *татаэна* № 15 (памятник Токорокавакако (Хоккайдо)). Не исключено, что поверх бересты насыпалась земля [Takeda Osamu URL: http://www.um.u-tokyo.ac.jp/publish_db/2002Ohotsk/03/3500/html; Oho:tsukubunka ki URL: <http://www2.ttcn.ne.jp>; Ushiro 1999: 7].

Наземный вход предположительно делался в виде широкого проема или коридора. Внутри находился один четырехугольный очаг, выложенный из камня и располагавшийся по центру, или несколько очагов. Особенностью таких жилищ было то, что их пространство делилось на «внутренний» (центральный) и «внешний» сектора. Во «внешних» секторах с торцевых концов дома часто встречаются кости животных. Предполагается, что это были места для отправления культов. Впрочем, в некоторых жилищах такие сектора отсутствуют.

С боковых сторон, скорее всего, стояли нары, на которых обитатели дома спали, а также держали хозяйственный инвентарь. В частности, в одном из сохранившихся жилищ вся утварь, включая охотничье снаряжение, была обнаружена вдоль стен (памятник Кабукай (Рэбун)). Здесь же оказались и различного рода украшения [Васильевский 1981: 119].

Предполагается, что носители охотской культуры проживали в полуземлянках лишь в зимнее время, а с наступлением тепла перемещались в летние жилища сезонных стоянок. Летние жилища строились поблизости от мест промысла рыбы и морских млекопитающих (стоянки Мотои, Уэдомари, Найро (Рэбун)) [Там же].

Ранний период сусуйской культуры, как отмечалось, характеризует стоянка Стародубское-2. Она необычна для Сахалина своим масштабом — включала 53 землянки. Приблизительно число обитавших здесь составляло 400 человек [Козырева 1967: 38].

В среднем размеры землянок Стародубского-2 составляли 12–15×10 м, в глубину достигали 0,5–0,75 м. Сохранились следы более крупных строений — 18×12 м и глубиной до 80 см. Одно из них представляло собой удлинённо-прямоугольное жилище с каркасом из четырех центральных и пристенных столбов, крутым выходом и специальной канавкой для усиления тяги в очагах. Пять небольших очагов располагались слева у входа, рядом с ними находились хозяйственные ямы. Возможно, левая часть дома служила для кухонных нужд. В культурном слое обнаружено множество керамики и изделий из камня [Там же: 31, 43]. По конструкции эта землянка относится к типу жилищ Тихоокеанского региона и датируется II–I тыс до н.э. [Там же: 47].

На северном побережье залива Терпения (поселение Западное 10–12 (Сахалин)) археологи обнаружили следы жилищ необычной конструкции — постройки в виде концентрических насыпей, возвышающихся над поверхностью от 0,4 до 1 м, имевших в плане форму круга или овала диаметром по подножию от 7 до 19 м. На насыпях размещались котлованы почти вдвое меньшего диаметра, пол которых находился на уровне подножия насыпи или чуть выше. Среди находок, сделанных в пределах поселения, — раковинные кучи и необычная для этого района круглодонная керамика, орнаментированная жемчужинами (аналогичная найдена на поселениях Донское 2–3 и Бердянские озера-1). По керамике археологические памятники датируются первой половиной I тыс. н.э. [Федорчук 2002: 44].

Интересны остатки постнеолитических жилищ Южного Сахалина (поселение Охотское-3). У них прямоугольные котлованы со сглаженными углами и выпуклыми сторонами, а также котлованы 5–6-угольной формы, размером от 4 до 7 м и глубиной 15–20 см. Стенки подсыпались землей до 0,3–0,5 м. Сохранились небольшие коридорообразные выходы наземного типа (в некоторых жилищах в виде насыпного пандуса) в сторону водоема. Каркас состоял из вертикальных опорных столбов и наклонных стропил, опиравшихся на внутреннюю обвязку. Во всех жилищах размещались глинобитные либо выложенные из камня печи (с дымоходами, выходящими наружу), а у некоторых в центре были открытые кострища [Шубина 2002: 50, 55].

В жилище № 41 обнаружены «мелкие чешуйки светло-серого блестящего металла, крупный камень-наковальня, остатки корродированного железа» — свидетельства примитивной «домашней» металлургии [Там же: 57]. В жилище № 75 открыты фрагменты сосудов с внутренними ушками типа *найджи* и фрагмент вещества красного цвета — предположительно лак от деревянного сосуда [Там же: 58]. Отмечены следы ритуальных «захоронений» печей, делавшихся, очевидно, в случае, если хозяин и обитатели жилища покидали место⁸⁰. В целом, землянки Охотское-3 датируются XII–XVI вв. н.э. [Там же].

Аналоги глинобитных печей встречаются не только на Сахалине (поселения Стародубское-3 (жилища № 3, 4), Седых-1 (жилища № 1, 4)), но и на памятниках начального периода Сацумон (IX в. н.э.) на Хоккайдо⁸¹. Так, в Отару, Энива и Титосэ сохранились землянки с печами и каменными дымоходами, а также с открытыми очагами на полу [Там же: 59].

Несколько традиционных охотских жилищ исследовано на Шумшу и Парамушире. Для них характерны округлые или прямоугольные с закругленными углами котлованы диаметром 3–10 м и глубиной 0,4–1,2 м. В центре или с небольшим смещением к стене со входом размещался округлый, иногда прямоугольный очаг, сооружавшийся из валунных галек либо камней. Внутри находились опорные столбы для перекрытий, вход располагался чуть выше уровня

⁸⁰ Дымовое отверстие забивалось или покрывалось глиной.

⁸¹ Одно из жилищ с печью на памятнике Стародубское-3 датируется XV–XVI либо XVII в. и по ряду признаков отчетливо соотносится с айнской культурой [Василевский 1995а: 95].

пола и сооружался, по-видимому, со стороны, противоположной направлению морских ветров. Аналогичные постройки обнаружены на Кунашире и Итурупе. Они напоминают некоторые землянки Хоккайдо (стоянки Мойоро, Онкороманаи) [Васильевский 1973: 189].

С IX по XIII в. в восточной части Хоккайдо и на Кунашире существовала культура тобинитай, объединившая традиции охотцев и сацумонцев. Наиболее ярко отличительные черты тобинитай проявились в конструкции жилищ — квадратных землянок, по форме идентичных сацумонским, с очагом охотского типа в центре, выложенным из камня. Здесь не делались печи *камадо*, характерные для памятников Сацумон, а также глиняная обмазка пола, использовавшаяся на охотских стоянках [Utagawa URL: <http://www.um.u-tokyo.ac.jp>].

На Парамушире археологи исследовали сложный жилой комплекс, состоявший из четырех подпрямоугольных построек, соединившихся между собой узкими коридорообразными переходами. Там, где переход соединялся со входом, было перекрытие из костей кита. Судя по всему, это более поздний тип охотских жилищ. Аналогичные сооружения встречаются на древнекорякском поселении Атарган, относящемся к X–XIII в. [Васильевский 1973: 192].

Следует согласиться с Р. С. Васильевским в том, что постройки охотской культуры можно отнести к единому кругу жилищ племен Тихоокеанского севера [Там же].

Погребения охотской культуры представлены грунтовыми могилами *доко:бо*. Как правило, они находились вблизи поселений. Распространение получили захоронения костяков в скорченном положении с ориентировкой на северо-запад (раковинные кучи Моёро, Саказура-2 (Хоккайдо)), хотя иногда встречаются погребения с вытянутыми костяками (памятник Мэнасидомари (Хоккайдо)), а также погребения, ориентированные на запад, юго-запад, север⁸². В одной из могил поверх костяка (мужчины лет сорока), располагавшегося в скорченном положении на спине, лежало несколько больших плоских камней (раковинная куча бухты Дельфин (Шикотан))⁸³. Очевидно, что костяки с камнями — наследие древних нео-

⁸² Способ погребения в скорченном положении широко использовали гиляки, эскимосы, чукчи, алеуты [Васильевский 1973: 192].

⁸³ Рядом находились орудия морского зверобойного промысла из кости и фрагменты керамических сосудов охотского типа [Спеваковский 1989: 54].

литических традиций. Череп костяка покрывал керамический сосуд [Спеваковский 1989: 54].

Костяки с керамическими сосудами на голове — не редкость для охотских памятников. Однако японские исследователи выявили тенденцию более позднего возникновения такой формы. На ранней стадии развития охотской культуры фиксируются погребения без сосудов, затем развивается традиция захоронений с сосудами, а впоследствии появились аналогичные погребения, но с камнями на поверхности могилы (яп. *хайсэкибо*).

Сопроводительный инвентарь описанных выше могил представлен предметами вооружения, орудиями охоты и рыболовства, украшениями. Среди них встречаются изделия собственного производства (гарпуны, рыболовные крюки, наконечники стрел), континентального (ушные кольца, колокольчики, декоративные накладки, наконечники копий, ножи), а также с Хонсю (мечи *варабитэмо*:) [Oho:tsukubunka URL: <http://www.city.kitami.lg.jp>; Kumamoto URL: <http://www.um.u-tokyo.ac.jp>].

Переходя к рассмотрению охотской керамики, возникновение которой непосредственно связано с развитием керамических традиций сусуя, отметим, что условно здесь выделяются типы товада, эноура (В и А), минами-кайдзука и хигаси-тарайка. Они характеризуются своеобразием формы и орнаментального убранства (рис. 39). Среди орнамента встречаются резная, веревочная, штампованная (гребенчатая), а также накладная разновидности. Некоторые эле-

Рис. 39. Керамические сосуды охотской культуры. Раковинная куча Моёро (Хоккайдо). Муниципальный музей г. Хакодате. Источник: [Kodai horro: 2008: 21]

менты имели оригинальную форму [Ицуки 1992: 125]. Считается, что сравнительно древний веревочный и штампованный орнаменты развились на Сахалине, тогда как более поздний накладной декор — на Хоккайдо.

Керамика товада, по всей вероятности, имевшая отношение к самаргинской культуре северного Приморья, распространилась в V–VII вв. в юго-западных и северных районах Сахалина, а также на северо-востоке Хоккайдо. Это слабопрофилированные плоскодонные сосуды, декорированные проколами ниже венчика, резными линиями и наклепными валиками с насечкой [Васильевский 1981: 88; Дерюгин 2008: 59]. Иногда выполнялись оттиски штампа. Орнамент, состоявший из проколов, напоминает декор самаргинских и дзокудзёмонских (тип хокудай) сосудов, тогда как штампы сближают керамику товада с посудой сусуя⁸⁴ [Исао 2003: 79; Utagawa 1992: 279].

Тип эноура обнаруживается в археологических памятниках VII–IX вв., причем не только на Сахалине, Хоккайдо и северной части Курильских островов, но даже на севере Хонсю и в низовьях Амура. Для него характерны горшечные плоскодонные сосуды с горловиной, которые делятся на эноура-В и эноура-А. Первые украшались гребенчатыми оттисками, резными линиями и наклепными валиками, ко вторым добавился фигурный штамп. По одной точке зрения, стиль эноура базировался на традициях найфельдской группы мохэской культуры, по другой — берет начало от польцевской культуры.

Традиции эноура, а также керамики тэбахского типа легли в основу стиля минами-кайдзука, охватившего с середины IX по XIII в. весь Сахалин и устье Амура⁸⁵. Есть разные варианты этого

⁸⁴ Поскольку в сосудах товада и керамике сусуя обнаруживается преемственность культурных традиций, ряд исследователей относит период Сусуя к раннему этапу развития охотской культуры [Исао 2003: 78]. Существует также мнение, что охотская культура непосредственно была связана лишь с гончарными традициями эноура и минами-кайдзука.

⁸⁵ Памятники тэбахской культуры расположены на протяжении 100 км от устья Амура до р. Тыр, большинство — на береговых террасах. Датируется культура временем II–I вв. до н.э. — IV–V вв. н.э. Отличительная черта тэбахской керамики — сосуды с выделенной горловиной, плоскодонные или круглодонные, светло-коричневого цвета, с наклепным валиком под венчиком (иногда с насечками), зашипами, насечками, резными линиями, наколами, гребенчатыми оттисками и пр. [Исао 2003: 83].

стиля, характерным для которого стали слабопрофилированные горшки со штампами, резными линиями, насечками и незначительно углубленными полосами⁸⁶. На Хоккайдо керамика минами-кайдзука встречается лишь на стоянке Уэннай. Очевидно, на заключительной стадии охотской культуры произошло расхождение ранее родственных культур Южного Сахалина и Северной Японии [Дерюгин 2008: 62; Шубина 1999: 240].

Еще один тип охотской керамики — хигаси-тарайка — бытовал приблизительно в VIII–IX вв. в центральных и южных районах Сахалина. Он представлен плоскодонными сосудами с зашипами, лепным, штамповым и резным орнаментом. Орнамент во многом напоминал декор эноура-А и минами-кайдзука, кроме этого, просматривалось сходство с продукцией Сацумон [Исао 2003: 85].

В поздний период охотской культуры на северо-востоке Хоккайдо и на юге Курильских островов доминирующее положение заняла керамика тобинитай — горшечные сосуды двух видов: с горловиной и прямым отогнутым венчиком и без четко выраженной горловины с рельефным венчиком, как у керамики эпохи Сацумон. Для первого вида типичен охотский орнамент в виде наlepных волнистых полос, а для второго — то, что к наlepным полосам добавился сацумонский узор из наклонных и пересекающихся прочерченных линий. Культура тобинитай отличается своеобразием, поэтому может считаться самостоятельной [Дерюгин 2008: 63].

Интересно, что на охотской керамике иногда встречаются фаунистические изображения. Среди немногочисленных находок: кувшин с фигурной головой медведя, приподнимающейся над венчиком (Кунашир), горшок с рельефными птицами (раковинная куча Моёро (Хоккайдо)), сосуд со схематичным рисунком медведя, выполненным резными линиями (поселение Рубэцу (Итуруп)), фрагменты большого горшковидного изделия, украшенного композицией из плывущих друг за другом рыб (памятник Рэйдово (Итуруп))⁸⁷ [Голубев, Прокофьев 1976: 119; Ushiro 2003: 140, 145]. Как видно из описания, изображения выполнены в различной технике, нередко

⁸⁶ С керамикой эноура-А сосуды минами-кайдзука сближало наличие горизонтальных линий и штамповых оттисков.

⁸⁷ Костяные игольники с похожими рисунками обнаружены на стоянках Хоккайдо (Майоро) и Сахалина (Сусуйская) [Голубев, Прокофьев 1976: 119].

они дополняются наклепными линиями или насечками. Все сосуды происходят из разновременных памятников.

На некоторых стоянках Сахалина первой половины I тыс. н.э. есть необычная керамика — круглодонные горшки с отогнутыми наружу венчиками и жемчужными выступами, нанесенными продавливанием стенки изнутри. В иных случаях горловина, плечики и венчики орнаментировались оттисками (комплексы Западное 10–12, Донское 2–3, Бердянские озера-1 (северное побережье зал. Терпения)). Установлено, что круглодонные сосуды с жемчужным орнаментом характерны для неолита и эпохи бронзы Восточной Сибири и Якутии. Очевидно, на Сахалин они попали из этих районов [Федорчук 2002: 44].

В промысловой и хозяйственной деятельности охотцы использовали разнообразный инвентарь. На ранней стадии охотской культуры преобладали каменные изделия: наконечники гарпунов, стрел, ножи, скребки, топоры, тесла, грузила, шлифовальные плитки, отбойники, песты. Со временем камень стал отходить на второй план, но многие орудия из него не утратили значения вплоть до финального периода.

Для изготовления инвентаря, который обрабатывался в той же технике, что в Дзюкудзёмоне, применялись кварцит, базальт, агат, сланец, кремнистые породы, обсидиан. Обсидиан использовался редко, а базальт, сланец и агат получили широкое распространение. Но исходный материал не ограничивался перечисленными породами. На Хоккайдо в раковинной куче Моёро археологи нашли яшмовые украшения — кольца. Яшма пользовалась спросом у туземцев и в прошлые эпохи, поэтому находки колец свидетельствуют о продолжении давних традиций.

Из числа каменных орудий разнообразием форм отличались ножи и стрелы. Среди ножевидных предметов встречаются изделия с овально-удлинненным лезвием и прямой рукоятью, с шейкой-перехватом у основания подтреугольной формы. Наконечники стрел представлены черешковыми, листовидными или треугольными изделиями. Такие предметы служили туземцам важным подспорьем на охоте и в хозяйстве. Например, ножи использовались при разделке животных и обработке шкур.

Для таких предметов, как гарпуны или стрелы, наряду с камнем применялась кость. Она хорошо подходила также для рыболовных крючков, игл, игольников, украшений.

Гарпуны в хозяйстве охотцев, активно занимавшихся морской охотой, играли существенную роль. Они были зубчатые и поворотного типа, снабжались каменными или металлическими наконечниками, нередко орнаментировались. В целом охотские гарпуны обнаруживают сходные черты с орудиями древнего населения северной Японии, народов побережья Охотского, Берингова моря и эскимосов (инуитов).

По форме гарпунов можно провести границу между Сахалином и территорией Хоккайдо, Кунашира, Итурупа. На Сахалине, в отличие от названных районов, в ходу были изделия с симметрично расположенными зубцами, специальными отверстиями для штифта и пазами для лезвия. Некоторые поворотные гарпуны имели выемчатое основание⁸⁸ [Васильевский 1973: 179, 180].

Наряду с гарпунами незаменимым орудием рыбного промысла являлись крюки — простые и составные. Простые изготавливались из кости крупных животных (в форме U) или оленьего рога (в форме V). Составные собирались из нескольких элементов, в частности из двух стержней, срезанных под углом и смонтированных вместе [Там же: 182].

Кроме костяных орудий рыболовства и морского промысла, обычными были трубчатые игольники из птичьих костей. Они орнаментировались прямыми и волнистыми линиями, короткими насечками, геометрическими фигурами, изображениями морских животных, птиц и сцен охоты [Там же: 183]. Интересен игольник с рисунком охоты на кита, обнаруженный на о-ве Бэнтэндзима. На нем изображена лодка с охотниками и раненое животное. Лодка, по мнению некоторых японских ученых, обнаруживает сходство с айскими долбленками из археологического памятника Нуманохата (Хоккайдо) [Васильевский 1981: 73; Amano 2003: 118].

На охотских стоянках нередко встречаются высокохудожественные произведения мелкой пластики: женские фигурки, изображения морских животных и медведей. Большинство из них изготавливалось из кости или клыка морских животных.

Самая известная находка — женская фигурка из клыка сивуча (памятник Дзюбээдзава (Рэбун)), высотой 13,8 см, четко обозначен-

⁸⁸ Гарпуны туземцев Северных Курил напоминали продукцию Юго-Западной Аляски и Алеутских островов. Показательный пример — наконечники с односторонне расположенными зубцами [Васильевский 1973: 180].

ны голова, две руки, соединенные спереди, расширяющаяся книзу юбка. Такие предметы напоминают монгольские изображения VII–VIII вв. [Utawaga 1992: 285]. Среди других изделий выделяются фигурки медведей высотой 4,5–6 см (памятник Кабукай (Рэбун)). На всех фигурках — сквозные отверстия, по-видимому, для подвешивания. Похожие предметы встречаются в других памятниках (стоянка Онкороманай (Хоккайдо)) [Васильевский 1981: 124].

Одного из медведей охотцы изобразили стоящим на четырех лапах (памятник Хаманака (Рэбун)). Скульптура вырезана из клыка и благодаря умелому использованию резчиком материала хорошо воссоздает фактуру шерсти. По форме статуэтка напоминает деревянные фигурки айвов *инока*.

Сохранились такие скульптуры медведей, у которых посередине спины отчетливо просматриваются полосы с рядами точек, а на морде — серия точек в виде линии (памятники Момбэцу, Юбэцу (Хоккайдо)). Ученые склонны видеть в этих формах схематическое изображение ритуального медвежьего пояса [Васильевский 1981: 125; Ushiro 1999: 9]. Много фигурок с подобием пояса собрано на юго-западном побережье Сахалина (памятник Ивановка) [Gorbunov, Amano 2002: 169].

Вызывает интерес, что археологи часто находят скульптуры в дальнем от очага углу жилища — там, где обычно располагалось почетное место. В этом же углу нередко оказываются и черепа медведей⁸⁹. Более того, иногда при раскопках древних жилищ медвежьи фигурки обнаруживаются рядом с костяными женскими статуэтками, например в памятнике Хаманака (Рэбун). Можно предположить, что медвежьи и женские изображения символизировали мужское и женское начала в обрядах плодородия [Васильевский 1981: 127].

Ценным для охотской культуры материалом был металл — в археологических памятниках нередко попадаются металлические предметы континентального происхождения: бронзовые украшения к поясу, наконечники копий, ножи, наконечники стрел, серебряные ушные кольца, железные колокольчики⁹⁰. На хоккайдских поселени-

⁸⁹ Известны случаи, когда нивхи размещали медвежьи черепа не в амбарах, а прямо в домах на специально сооруженных помостах [Васильевский 1981: 129].

⁹⁰ Атрибуты наборных поясов указывают на связь охотцев с носителями мохэской и покровской культур Дальнего Востока [Шубина 1999: 240].

ях и в погребениях позднего времени также находят японские копья и мечи *варабитэто*: (памятник Моёро) [Там же: 85]. И все-таки по количеству металлические предметы значительно уступают костяным.

Кроме уже перечисленных находок, встречаются бусины из янтаря и стекла, разного рода деревянные изделия (памятники Белокаменная-тяси (Сахалин), Мацуноригавахокуган, Тобинитай (Хоккайдо)), фрагменты веревок, шнуров и тканей из растительных волокон (памятник Тобинитай (Хоккайдо)) [Шубина 1999: 236; Kikuchi 1999: 52, 280, 282; Utagawa 1992: 287, 288].

Большая часть деревянных предметов — это утварь, в том числе миски, чашки, тарелки, ложки (рис. 40). Сохранились даже обугленные сосуды из коры (памятник Мацуноригавахокуган (Хоккайдо)) [Utagawa 1992: 288]. Но наивысшее развитие деревянная индустрия получит в последующее время — у айнов.

Под сильным влиянием культуры сацумон охотская культура на Хоккайдо постепенно исчезла. Последние ее очаги прослеживаются в рамках тобинитай (IX—XIII вв.). На смену сацумон в свою очередь пришла айнская культура.

Эмиси

Приблизительно с момента основания государства Ямато и по мере формирования национального самосознания японцев, происходившего под сильным влиянием корейской и китайской культур (эпохи Нара (710—794) и Хэйан (794—1185)), население территорий, находившихся вне поля зрения Ямато, стало рассматриваться как варварское. «Варвары» различных земель Японского архипелага в летописях того времени назывались разными словами, в том числе *эмиси* или *эбису*. В этом отношении наименование *эмиси*, в отличие, например, от *айну*, не представляется чисто этническим.

Что реально представляли собой туземцы северо-востока Хонсю (именно за ними со временем и закрепилось название *эмиси*), до сих пор трудно ответить. Ведь в северном Тохоку, например, ранние следы поселений постдзёмонской эпохи, которые начинают отчетливо проявляться лишь в конце V — начале VI в., указывают преимущественно на носителей культуры кофун. Поселений же времени с конца III по V в. практически нет. А между тем еще в финальном дзёмоне в области современной префектуры Аомори процветала культура камэгаока (памятники Камэгаока, Корэкава), оказавшая

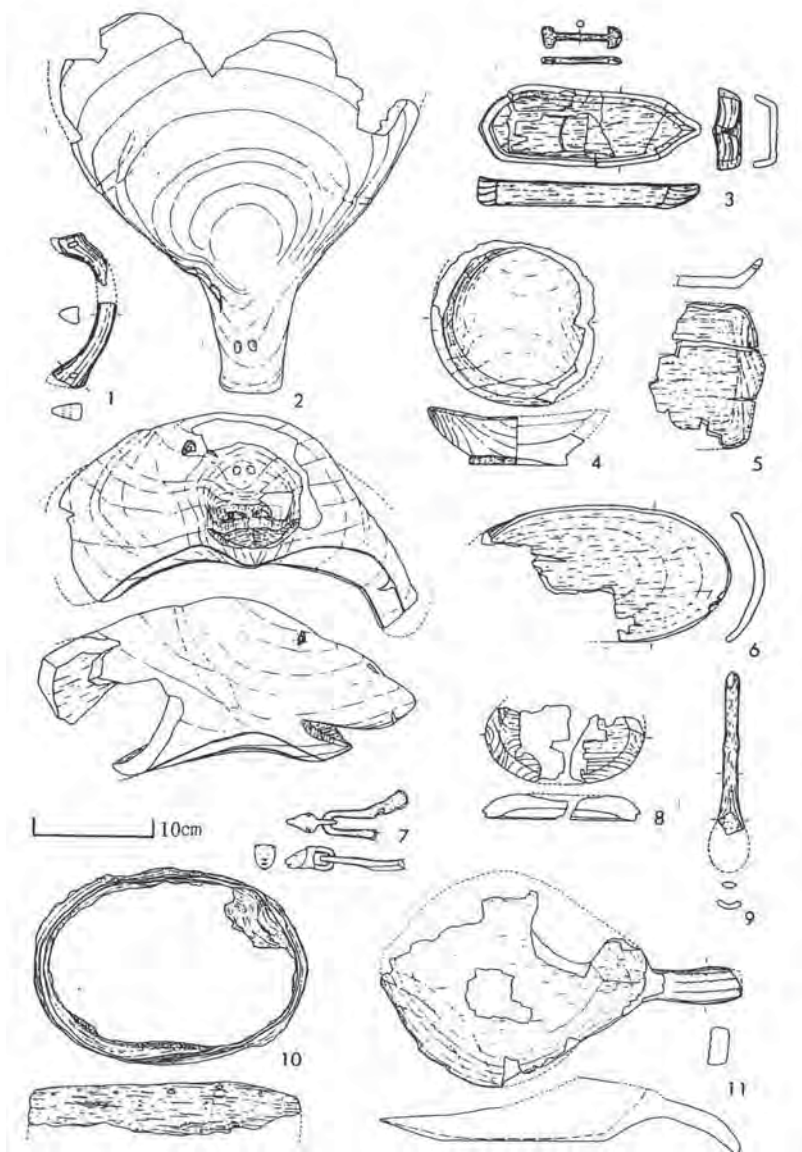

Рис. 40. Фрагменты деревянной утвари охотской культуры. Памятник Мацуноригавахокуган I (Хоккайдо). Источник: [Utagawa 1992: 288]

значительное влияние на соседние регионы, в том числе на юго-западные районы Хоккайдо (керамика эсан). Носители этой культуры занимались возделыванием зерновых, пользовались окрашенной керамикой, лакированными предметами из дерева. И сейчас в Аомори можно видеть остатки округлых полуподземных жилищ и грунтовых погребений *доко:бо* того времени. Впрочем, уже с наступлением периода дзокудзёмон культура камэгаока угасла.

Отметим, что в северных районах Тохоку и на Юге Хоккайдо в некоторых памятниках III–IV вв. встречаются однотипные керамические горшки ко:хоку С2 и ко:хоку D, сосуды с носиком, а также круглые скребки из обсидиана, что говорит об определенном сходстве материальной культуры жителей обоих регионов. Однако плотность населения на севере Хонсю тогда была низкой.

По археологическим данным, в V–XI в. прослеживаются три волны миграции, из которых наиболее крупными были вторая и третья [Matsumoto 2006: 191]. Это дает основание полагать, что значительную часть общества «северных» *эмиси* составили пришлые, постепенно смешавшиеся с немногочисленными исконными жителями и оказавшие на них большое влияние.

Следует сделать оговорку, что те, кого мы называем пришлыми, не обязательно являлись *вадзин*, то есть древними японцами. Это могли быть те же *эмиси*, которые в III–V вв. отошли к югу (например, из-за похолодания, наблюдавшегося в финальном дзёмоне), а затем, испытав влияние культуры кофун, снова выдвинулись на север. Вопрос идентификации осложняется отсутствием антропологических данных.

Более того, как справедливо считает В. Д. Косарев, понятие «эмиси» с течением времени претерпевало изменения. Выше указывалось, что изначально так обобщенно называли тех, кто не желал подчиняться двору, затем, по мере освоения южных областей, «эмиси» закрепилось за обитателями северо-восточной Японии, а потом появились группы, вобравшие элементы культур яёи и кофун, однако продолжавшие осознавать себя именно *эмиси* и воспринимающиеся соответственным образом японцами.

Итак, первая волна (не очень большая) носителей культуры кофун в северный Тохоку (конец V — начало VI в.) пришлась на область со стороны Тихого океана, с центром в Хатинохэ⁹¹. Результа-

⁹¹ Этническая принадлежность переселенцев не установлена.

том стало появление там полуподземных жилищ с печами *камадо*. Самый ранний пример жилища с печью (конец V в. — начало VI в.) археологи открыли на стоянке Тамукай хиямидзу в Хатинохэ (префектура Аомори). Это была полужемлянка квадратной формы, печь располагалась у стены с северной стороны. Собственно широкое распространение печи в Тохоку получили лишь с VII в. Тогда же они появились и на Хоккайдо [Ibid.: 29, 30]. Очевидно, что распространение печей на островах Японского архипелага происходило постепенно с юга на север.

В Хатинохэ и окрестностях археологи находят еще сосуды суэки (импортные) и хадзики (местного производства), также датирующиеся концом V — началом VI в. Хадзики из Тамукай хиямидзу включают миски с округлым или плоским дном, горшки с округлым туловом, котелки (яп. *косики*), покрывавшиеся изнутри лошением, а снаружи гребенчатыми прочесами. Кроме хадзики, здесь удалось обнаружить осколок глубокого горшка хокудай I культуры дзокудзёмон [Ibid.: 54]. Судя по тому, что в памятнике Тамукай хиямидзу находился дзокудзёмонский сосуд, в то время существовало влияние и с Хоккайдо, но значительно слабее, нежели из южных районов.

Вторая волна (VII—VIII вв.) характеризовалась более масштабным освоением примерно того же региона (количество поселений здесь резко возросло), а также южных районов Хоккайдо (вплоть до низменности Исикари).

Значительные изменения произошли в погребальном обряде — и в северном Тохоку, и на Хоккайдо (в области Исикари) наряду с грунтовыми погребениями распространение получили курганы *мацуки-кофун* (*кофун* заключительного периода), при этом в VII—VIII в. их было особенно много в Тохоку со стороны Тихого океана. В земле выкапывали яму, помещали туда деревянный саркофаг и сверху возводили земляную насыпь. В отделке погребальной камеры могли использовать камень, как, например, в памятнике Нэкояти в Китаками (префектура Иватэ).

Интересно, что в числе погребального инвентаря курганов Танготай в Хатинохэ (префектура Аомори) обнаружено навершие рукояти меча *канто-но тати* в виде трех сцепленных колец, а также удила, предположительно корейского производства⁹². Судя по

⁹² Примечательно, что если погребения по находкам керамики датируются VIII в., то время изготовления рукояти и удила определяется VI—VII в.

остаткам конской сбруи, среди усопших находились те, кто занимался разведением лошадей [Ibid.: 61, 64].

Уже в давние времена земли со стороны Тихого океана были непригодны для культивирования риса, но подходили для коневодства (зимой выпадало мало снега и пастбища оставались доступны), а также выращивания зерновых культур. Было ли привнесено коневодство на Хоккайдо, точно не известно (вещественных доказательств нет), но выращиванием зерновых местное население, несомненно, занималось [Ibid.: 18, 183].

Примечательно, что археологических памятников в области Тохоку с останками лошадей мало. Во-первых, это упоминавшийся некрополь Танготай (префектура Аомори), во-вторых, памятник Накаханню, расположенный в Мидзусава (префектура Иватэ), где обнаружены лошадиные зубы, датирующиеся V — началом VI в. (Накаханню) и серединой VII — первой половиной VIII в. (Танготай)⁹³ [Ibid.: 19, 28]. Кроме этого, в окрестностях Хатинохэ есть еще несколько курганов со сбруей. По археологическим отчетам, находки сопровождалась керамикой хадзики и суэки. Так или иначе памятники географически расположены со стороны Тихого океана и соотносятся с носителями культуры кофун [Ibid.: 18, 20].

С VII в. количество поселений стало возрастать не только на севере Тохоку, но и в более южных районах Хонсю (префектура Иватэ) и на юге Хоккайдо. Дома, как и до этого, были полуподземного типа, квадратные, печи располагались у стены с северной стороны, иногда сопровождалась очагами ро⁹⁴.

Находки керамики суэки из курганов в Хатинохэ свидетельствуют о том, что производилась она в южных районах и использовалась в погребальном культе [Ibid.: 153]. В быту же распространение получила посуда хадзики, ассортимент которой, помимо уже

⁹³ Некрополь Танготай, кроме курганов, включал ямы, предположительно грунтовые погребения; лошадиные зубы археологи нашли в одной из таких ям.

⁹⁴ В VII—VIII вв. печи в землянках Тохоку в зависимости от устройства дымохода, выведенного наружу, делились на два типа: с коротким дымоходом, направленным наискосок вверх, и с длинным — туннельного типа [Matsumoto 2006: 46]. При этом все жилища до середины VII в. снабжались короткими дымоотводными каналами, но с течением времени число их сократилось, а количество печей с длинными дымоходами возросло [Matsumoto 2006: 48].

перечислявшихся типов, включал вытянутые горшки и чаши, в том числе на высоком поддоне. Иногда в верхней части сосудов выполнялся самобытный орнамент из прочерченных линий в виде зубьев. Кроме этого, появилась техника (привнесенная из центральных районов Хонсю) обработки внутренней поверхности изделия углеродом, полученным из органических веществ, при которой она приобретала черный цвет (яп. утигурохадзики) [Ibid.: 122].

Приблизительно с конца VII в. сосуды хадзики, аналогичные тем, что производились в северном Тохоку, обнаруживаются на Хоккайдо (памятник Марукояма в Титосэ) [Ibid.: 115]. Если на севере Тохоку начало производства хадзики отмечено концом V — началом VI в., то на Хоккайдо (в южной части острова) несколько позднее — концом VII — началом VIII в.

С VII в. в северном Тохоку со стороны Тихого океана, по мере распространения там поселений, значительно увеличивается количество не только керамики, но и металлической продукции. Много находок сделано в курганах кофун — это железные наконечники стрел, мечи, предметы защитной амуниции. В качестве примера можно назвать мечи *тати* и *варабитэто*: из Наганэ и шлем *сёкакуцуки-кабудо* из Эдзомори (префектура Иватэ) [Sasaki Kaoru 2001: 133]. Имеются также остатки орудий с железными деталями, такие как топоры и мотыги.

По всей видимости, металлическая продукция была привозная, хотя следы кузнечного дела в Аомори прослеживаются еще в конце VII—VIII вв. Например, в памятнике Асэиси обнаружен кузнечный патрубок для подачи воздуха. В то же время на VII—X вв. в южных районах Тохоку и на VIII в. в центральной области приходятся археологические памятники со следами выплавки железа [Ibid.: 75].

Здесь уместно сослаться на письменные источники и отметить, что середина VII в. ознаменовалась завоевательными походами против *эмиси* японского полководца Абэ Хирафу, а VIII — начало IX в. — строительством в Ямагата, Мияги, Иватэ и Акита японских укреплений и утверждением там контроля центральных властей. Кроме этого, в 802 г. произошло крупнейшее сражение между *эмиси* и правительственными войсками (во главе с Саканоуэ Тамурамаро), окончившееся поражением первых. Вполне вероятно, что продвижение носителей культуры кофун в северные районы непосредственно связано с этими событиями. Более того, время победо-

носной войны Саканоуэ Тамурамаро совпадает с началом наиболее значительной по размаху в освоении северного Тохоку третьей волны.

Третья волна переселенцев (IX–XI вв.) охватила регион со стороны Японского моря с центром в Цугару и в бассейне реки Ёнэсиро. Климат здесь значительно отличался от восточной стороны, и основным занятием для поселенцев стало выращивание риса⁹⁵ [Ibid.: 179, 182]. Именно благодаря развитию земледелия на аллювиальных почвах стал возможен значительный прирост населения. По археологическим данным, в то время в области Цугару возделывали рис, выращивали также чумизу (памятники Ноги, Тикано, Саннай, Такаясикидатэ), куриное просо (памятники Ноги, Такаясикидатэ), ячмень (памятники Ноги, Сумоодайсимоясухара) [Ibid.: 71].

Из японских летописей известно, что во второй половине IX в. на пост управителей Тохоку были назначены две влиятельные фамилии — Абэ и Киёхара. Их правление отмечено значительным усилением независимости *эмиси*, на что указывают и археологические находки. Закончилось «благополучие» Абэ и Киёхара именно в XI в. разорительными войнами — «девятилетней» и «трехлетней», но речь об этом пойдет ниже.

По археологическим данным, в IX–XI вв. в северном Тохоку продолжали создавать грунтовые могилы *доко:бо*, но распространяются и захоронения в повернутых друг к другу горловиной керамических кувшинах, и погребения *энкэйсю:ко:бо* — одна или несколько могил внутри округлого участка, окруженного неглубоким рвом (стали создаваться в Японии в период Яёй) [Ibid.: 65]. Нововведения появились под влиянием южных районов Хонсю.

Основным видом жилища оставались квадратные полуземлянки с печами *камадо*. Если со стороны Тихого океана вплоть до X в. преобладали печи с дымоходами тоннельного типа, то со стороны Японского моря — печи с короткими дымоходами. Со второй половины IX по первую половину X в. в Цугару, бассейне Ёнэсиро,

⁹⁵ Думается, что освоение северного Тохоку со стороны Японского моря было связано с потеплением, которое наблюдалось в середине VIII — середине IX в., и возникшей необходимостью в разработке новых территорий, пригодных для рисосеяния. Цугару и Ёнэсиро до IX в. были мало заселены, поэтому сюда устремились поселенцы, обладающие навыками возделывания риса [Matsumoto 2006: 71].

а также в некоторых районах Симокита появилась новая форма полуземлянок с пристройками, возводившимися на уровне земли при помощи опорных столбов, вкопанных в ямы (яп. *хоттатэбасира*), у которых дымоход выходил в пристройку (памятники Удано-2, Хаттядзава-1) [Ibid.: 39, 50]. Районы, где распространились дома с пристройками, известны снежными зимами, поэтому предполагалось, что пристройки служили защитой от снега. Однако по ряду признаков эта гипотеза не находит подтверждения⁹⁶. Со второй половины X в. количество таких жилищ стало сокращаться, зато получили распространение другие типы: жилища с печами, отделенными от стены; жилища без печей, но с очагами *ро*, располагавшимися ближе к центру; жилища, у которых вдоль стены на небольшом расстоянии друг от друга проходил ряд узких столбов, опоясывавших помещение по периметру, такие как на стоянках Такаясикидатэ, Фурудатэ, Ёмогидаодатэ (префектура Аомори). В X–XI вв. землянки постепенно приобретают прямоугольную форму [Ibid.: 50, 54].

Существенные сдвиги произошли в керамической индустрии: осевшие в Тохоку поселенцы наладили производство сосудов суэки и стали использовать их в повседневной жизни. Посуда включала чаши, кувшины с вытянутым горлышком, округлые крупные горшки с зауженной шейкой. Делали все это при помощи специальных печей и на гончарном круге [Ibid.: 153].

Остатки печей (яп. *кама*) для обжига суэки второй половины IX–X вв. обнаружены в Тохоку со стороны Японского моря — в Госёгавара (префектура Аомори) и Носиро (префектура Акита). Указанные области стали двумя основными керамическими центрами, из которых готовая продукция поступала в другие районы, в том числе на Хоккайдо (с X в.) [Ibid.: 174].

В IX–XI вв. обитатели северных районов Тохоку стали делать на гончарном круге не только суэки, но и хадзики: чаши (распространение получают плоскодонные изделия), горшки с вытянутым туловом, горшки с округлым туловом, котелки (яп. *набэ*), котлы с выступающими в центральной части тулова краями (яп. *хагама*). Котлы *хагама* были приспособлены для приготовления риса на

⁹⁶ Следы наземных сооружений *хоттатэбасира* наряду с полуземлянками археологи нашли в одной из японских крепостей VIII в. Акита (префектура Акита). Судя по значительным размерам, постройки использовались для административных нужд [Асташенкова, Пискарева 2014: 18].

печах *камадо*. Вместе с котелками *набэ* они распространяются в Тохоку лишь со стороны Японского моря⁹⁷.

Чаши и горшки хадзики, изготовленные на гончарном круге, в малом количестве обнаруживаются на Хоккайдо. Но их производством там не занимались, а ввозили готовую продукцию с Хонсю — из Цугару и Ёнэсиро [Ibid.: 135]. В количественном отношении они значительно уступают хадзики, изготовленным без круга. С середины VIII—IX вв. здесь развивается керамика сацумон, на которую хадзики оказали значительное влияние [Ibid.: 125, 137].

Жители северного Тохоку занимались не только керамическим производством, но и кузнечным делом. В IX—X вв. кузницы появляются в юго-западной части Хоккайдо п-ова Осима, тогда как жители северных районов Тохоку стали изготавливать и использовать в быту сацумонскую керамику. Это указывает на культурный взаимообмен [Ibid.: 185].

Область бытования сацумонской керамики в Тохоку ограничивалась районами Цугару и Симокита, а время — второй половиной IX—XI вв. Сначала глиняных изделий было немного, но с середины X в. их число увеличилось и достигло наибольшего размера с конца X—XI вв., особенно в районе Цугару [Ibid.: 59, 139, 145].

Обращает на себя внимание то, что в материальной культуре обитателей северного Тохоку, кроме сацумонской керамики, хоккайдские элементы не прослеживаются [Ibid.: 137]. При этом существует предположение, что в производстве глиняной посуды здесь практиковалось разделение труда. Так, изготовлением керамики для внутрисемейного пользования, в том числе сосудов сацумон, занимались женщины, а созданием посуды с применением гончарного круга, скорее всего для общественных нужд, — мужчины.

Учитывая появление на Хоккайдо кузниц, можно предположить, что навыки кузнечного дела завезли туда мужчины, а женщины с Хоккайдо, вышедшие замуж за обитателей Тохоку и перебивавшиеся с ними в Цугару и Симокита, — технику изготовления керамики. При этом керамика сацумон не встречается в северной

⁹⁷ Котелки могли изготавливать и на гончарном круге, и без него, при этом более древними считаются первые. В большом количестве их делали со второй половины IX по первую половину X в. Далее, вплоть до XI в., изготавливались котелки без круга. Они получили распространение в северном Тохоку повсеместно [Matsumoto 2006: 59, 125].

части Тохоку со стороны Тихого океана, это говорит о том, что между этой областью контакты с Хоккайдо были значительно слабее или их не было вовсе [Ibid.: 149].

Распространению в северном Тохоку со стороны Японского моря в IX–XI вв. металлургии (выплавки металла и кузнечного дела) способствовали, с одной стороны, благоприятные природные условия (обилие леса, необходимого для производства угля), с другой — малозаселенность этих районов и возможность свободно распоряжаться ресурсами [Ibid.: 89].

Печи для выплавки железа большей частью встречаются в Цугару и бассейне реки Ёнэсиро. Среди находок много так называемых *хантикасики-татэгата-ро* — вертикальных печей полуподземного типа. В некоторых местах сохранились жмыхи железа. Установлено, что в качестве исходного материала использовался железистый песок. Что касается последующей обработки металла, то распространение памятников со следами кузнечного дела не ограничивалось районами Цугару и Ёнэсиро, но охватывало много других областей. В некоторых из них встречаются наконечники стрел, пластины от доспехов (яп. *кодзанэ*), обломки котелков с ушками внутри и прочие металлические предметы, которые, думается, служили кузнецу сырьем для вторичной переработки [Ibid.: 75, 87, 89, 95].

В IX в. остатки кузниц начинают встречаться и на Хоккайдо. Широкое распространение они получают там с середины X в. под влиянием выходцев с Тохоку. Однако выплавкой железа туземцы Хоккайдо никогда не занимались [Ibid.: 98].

Среди важных находок из железа следует обратить внимание на котелки с ушками внутри. Наиболее старый обнаружен в памятнике Дзиндатэ (префектура Акита) и датируется XI–XII вв. Несколько позднее котелки начинают встречаться в таких памятниках Тохоку, как Икаригасэкимурафурудатэ или Ёмогитамураодатэ (префектура Аомори), а затем и на Хоккайдо. Ввоз железных котелков на Хоккайдо, как уже отмечалось, оказал влияние на становление здесь производства аналогичных глиняных изделий [Utagawa 1992: 324].

Нельзя обойти стороной и то, что в некоторых памятниках северного Тохоку середины X–XI вв. встречаются инструменты для обработки дерева (долото, тесло) и грубо долбленные деревянные чашки (стоянка Одай, жилище 21) [Matsumoto 2006: 91]. Очевидно,

деревянная посуда наряду с керамической играла в жизни местного населения существенную роль.

Ситуация относительно *эмиси*, которая прослеживается по письменным источникам, несколько расходится с археологическими данными: при сравнении *эмиси* с японцами тексты указывают на значительные отличия во внешнем облике, языке, хозяйстве и культуре в целом. Понятно лишь то, что древние японцы уже на ранней стадии контактов с северными соседями противопоставляли собственную и инородную культуры. Возможно, под категорию «иностранцев» в значительной степени подпали те, кто уходил осваивать северные земли и терял связь с родиной⁹⁸.

Наиболее ранние сведения о туземцах, проживавших к северу от Японии, которых можно соотнести с предками айнов, фиксируются в китайском географическом трактате «Шань хай цзин» («Книга гор и морей») (конец III — начало II в. до н.э.). Там, где речь идет о территориях Приморья и Приамурья, сказано следующее: «Владение сюаньгу на севере от них (от юйшице), их люди одеваются в рыбы (кожи), питаются чайками. Владение маоминь (毛民) находится на север от него. У людей на теле растет шерсть» [Каталог гор и морей 1977: 123; Сунь Цзинь-цзы 2001: 53].

Видимо, словом *маоминь* («волосатые люди») именовали именно протоайнов, отличавшихся от других народов значительным волосатым покровом. Интересно, что в более позднем воспроизведении источника — комментариях «Шань хай цзин гуан чжу» (1667) — встречается даже пояснительная иллюстрация [Kojima 2009: 25].

Сходство «волосатых» с айнами прослеживается и в такой особенности, как преимущественное употребление в пищу проса, о чем тоже упомянуто в «Шань хай цзин»: «Есть царство народа Волосатых из рода И, [там] питаются просом, приручают четырех птиц...» [Каталог гор и морей 1977: 123].

⁹⁸ В Средние века негативная оценка среди жителей столичных городов Японии распространилась даже на соотечественников, проживавших с *эмиси* в одних и тех же районах или на смежных территориях. На то были причины. Так, у женщин клана Мориока, например, после выхода замуж или достижения преклонного возраста не практиковался обряд выбривания бровей, который в японском обществе выступал одной из форм обязательной инициации. Многие мужчины и женщины в повседневной жизни носили айнские халаты *амтусу*. Так или иначе локальные традиции периферии рассматривались как «варварские» [Kikuchi 1999: 203, 212].

Другие сведения о «волосатых» содержит китайская летопись «Сун шу» («История [династии] Сун») (южное царство Сун (420–479 гг. н.э.)). Вызывает интерес информация о завоевательных походах царства Ямато в V в. н.э. Согласно записи, на востоке Ямато покорило 55 стран, на западе — 66, на севере — 95. Население востока фигурирует под названием *маожень* (毛人) — «волосатые люди» [Kojima 2009: 24].

Собственно, слово *эмиси* (蝦夷) впервые встречается в «Кодзики» (712). В этом первом летописном своде Ямато *эмиси* упоминаются в разделах, связанных с деятельностью легендарного Дзимму, а затем императора Кэйко (мифическое время правления которого — 71–130 гг.), пославшего на борьбу с варварами старшего сына Ямато Такэру-но Микото. Видимо, эти мифы сложились довольно поздно и отразили представления японцев об *эмиси* того времени. Вслед за «Кодзики» информация об *эмиси* попала во второй свод хроники «Нихон сёки» (720).

В хрониках об *эмиси* сказано: «Зимой они живут в пещерах, летом — в гнездах [на деревьях]. Носят звериные шкуры, пьют сырую кровь, старший и младший брат друг другу не доверяют. В горы они взбираются подобно птицам, по траве мчатся, как дикие звери... Еще, спрятав стрелы в волосах и привязав клинок под одеждой, они, собравшись гурьбой соплеменников, нарушают границы или же, разведав, где поля и шелковица, грабят народ страны [Ямато]. Если на них нападают, они скрываются в траве, если преследуют — взбираются в горы...» [Кодзики 1994: 72; Нихон сёки 1997, т. 1: 246]. В другом отрывке сообщается: «Среди поселений в восточной стороне есть страна Пидаками-но кунь. И мужчины, и женщины в этой стране завязывают волосы в прическу в виде молотка, тела украшают узором (татуировками), и все весьма воинственны. Их всех называют *эмиси*» [Нихон сёки 1997, т. 1: 243].

Таким образом, если следовать древним японским летописям, внешний вид и обычаи *эмиси* в целом напоминали айские.

Более достоверно выглядит выдержка из «Нихон сёки», в которой речь идет о японском посольстве к танскому двору императора Гао-Цзуна (628–683) в сопровождении двух *эмиси*, состоявшемся в 659 г. Во время аудиенции «император спросил: “Где расположена страна *эмиси*?” Послы почтительно отвечали: “Она находится на северо-востоке”. Император спросил: “Как много племен у *эмиси*?” Послы почтительно отвечали: “У них три племени. Дальнее называ-

ется тугару (*цугару-эмиси* (都加留蝦夷)), следующее — араэмиси (*ара-эмиси* (籠蝦夷)), ближнее — никиэмиси (*ники-эмиси* (熟蝦夷)). Мы привезли никиэмиси. Каждый год они приносят дань ко двору”. Император спросил: “Произрастают ли в их стране пять видов злаков?” Послы почтительно отвечали: “Нет, они едят мясо и живут этим”. Император спросил: “Есть ли у них дома?” Послы почтительно отвечали: “Нет, они живут в горах, под деревьями”. Тогда император сказал: “Мы смотрим на удивительный облик эмиси, очень радуемся и удивляемся”» [Нихон сёки 1997, т. 2: 182; Kojima 2009: 33].

Очевидно, что область расселения перечисленных групп находилась на Хонсю. Под северо-востоком же можно понимать современный регион Тохоку.

В китайских источниках *эмиси* впервые упомянуты в документе «Тун дянь» (766–801) — здесь говорится о японском посольстве 659 г., описанном в «Нихон сёки». Содержание японского и китайского источников различается.

В «Тун дянь» сказано: «Сяйго (蝦夷國) — маленькая страна на островах в море. Послы их носили бороды длиной в четыре с лишним чи, отменно стреляли из луков, носили на головах в [прическах] короткие стрелы, просили поставить человеку тыкву на голову и с сорока шагов стреляли в нее — никогда не промахивались» (перевод И. А. Алимова) [Du Yu 1992: 4998].

В более позднем китайском источнике «Синь Тан шу» (1060) содержится аналогичная информация. Согласно записи, «эмиси (蝦蟇) тоже жили на морских островах, и послы их имели бороды длиной в четыре чи с лишним (чуть больше метра), в [прическах] носили короткие стрелы, били из лука без промаха в тыкву, поставленную на голову человеку, стоящему в нескольких десятках шагов» (перевод И. А. Алимова) [Xin tang shu 1986: 6208]. Не вызывает сомнения, что в основу пассажа об *эмиси* из «Синь Тан шу» были положены сведения, содержащиеся в «Тун дянь».

В древних японских хрониках *фудоки* наряду с *эмиси* нередко упоминаются некие *цутукумо* — «земляные пауки»⁹⁹. Так, в описании провинции Хитати (северо-восточная часть равнины Канто на Хон-

⁹⁹ Согласно Тории Рюдзо, название *цутукумо* имеет аналог в айнском языке и может быть сопоставлено с *той-цисе-куру* (айнск. люди земляных домов).

сю), составленном между 714 и 718 гг., в записи об уезде Убараки сказано: «В древние времена жили горные саэки и равнинные саэки, называемые кудзу (по-местному — цутикумо или яцукахаги). Они повсеместно рыли в земле пещеры и жили обычно в них. Когда к ним приближались чужие люди, то саэки скрывались в пещерах. Когда же чужие люди уходили, то они выходили наружу и веселились. У них был характер волка и душа совы; они тайно высматривали и грабили; не подходили близко на зов и не поддавались уговорам. Их привычки и нравы отличались [от японских]». Этих *цутикумо* усмирал князь Куросака из рода Онооми [Древние фудоки 1969: 47].

Поскольку туземцы были довольно воинственны, летописцы отметили некоторые особенности ведения «варварами» боевых действий. В частности, в разделе об уезде Намэката говорится: «[Эти люди] рыли пещеры и делали из них укрепления, обычно они там и жили... Такэкаси́ма (князь, принимавший участие в усмирении *цутикумо*) направил против них свое войско и преследовал их. Тогда все разбойники убежали в свои пещеры, закрыли их и стали обороняться» [Там же: 44].

Интересно, что в древних летописях сохранилась информация о *цутикумо* не только восточных и северных районов Японии, но и южных, на о-ве Кюсю. Так, в описании провинции Бунго, в разделе об уезде Хида, упоминается земляное укрепление дикарей. Отмечается, что оно было построено не из камня, а из земли и поэтому называлось «Укрепление без камня (исинаси-но оки)» [Там же: 116]. В описании провинции Хидзэн сообщается, что некий *цутикумо* Омими делал для царя из Макимуку еду из древесной коры — «подобия кушаний, изготовляемых из морского ушка» [Там же: 140]. К сожалению, о «южных» *цутикумо* информации так мало, что трудно составить о них более полное представление.

По мере продвижения японцев на северо-восток и поглощения или истребления ими непокорного населения за «варварами» все более закреплялись названия *эбису* или *эмиси*.

С 658 г. походы против эмиси неоднократно предпринимал известный военачальник Абэ Хирафу. Большинство из них оказывались неудачными. Противник обладал высокими боевыми навыками, знал искусство верховой езды, что позволяло ему неоднократно одерживать верх над японскими отрядами.

Согласно хроникам, в 784 г. главнокомандующим в борьбе с «варварами» был назначен Отомо Якамоти, в 788 г. — Ки Косами,

в 794 г. — Отомо Отомаро, а в 796 г. — Саканоуэ Тамурамаро. Только последнему в 802 г. удалось одержать значительную победу: были захвачены в плен предводители *эмиси* Оцука Атэруи и Иватомо Морэи. Но, несмотря на тяжелое поражение, борьба исконных обитателей северо-восточных районов Хонсю с наступавшими войсками двора продлилась вплоть до XII в.

Нередко японцы периферийных земель, стремясь сохранить независимость от центральных властей, вступали в союз со своими врагами. Среди таких японцев были дезертиры, бежавшие от гнета налогов, крестьяне и другие элементы, по тем или иным причинам недовольные своим положением в обществе¹⁰⁰. Иногда, напротив, могущественных и влиятельных *эмиси* привлекали на свою сторону правительственные войска, как, например, во время восстания в Идзи под предводительством Адзамаро в 780 г.

Обычно предводители *эмиси*, перешедшие на сторону японцев, лишались старого статуса, получая взамен звания по японской системе рангов. Их задачей становился надзор за пленными, содержащимися в специальных районах. Примечательно, что некоторые из таких *эмиси* упоминаются в японских хрониках под японскими именами в ранге придворных [Сэнсом 1999: 204].

Что касается обычных пленных, то их жестоко эксплуатировали на сельскохозяйственных и строительных работах в разных районах страны. В 725 г. 134 *эмиси* были перемещены в область Иё, а 578 — отправлены в Цукуси. В 776 г. 378 человек из Дэва переселили в Сануки. Во многих районах пленные *эмиси* составили ядро местного населения. Нередко ими торговали [Арутюнов, Щебенков 1992: 55].

Непокорившиеся туземцы отступили к северу, в то время как на захваченных территориях начали создаваться японские поселения и насаждаться особая система управления (рис. 41). Административной единицей стал, условно говоря, уезд (*гун*) — несколько поселков, население которых занималось земледелием, получая земельные наделы от государства¹⁰¹. Жители этих поселков выплачивали налоги: рис, ткани и другую продукцию. Надзор осуществлял

¹⁰⁰ Группа императорских воинов, около 300 человек, дезертировавших в ходе одной из кампаний, была схвачена и отправлена жить на пограничных постах.

¹⁰¹ В начале VIII в. в области Тохоку было основано десять *гун*.

Рис. 41. Войска под предводительством Саканоуэ Тамурамаро атакуют *эмиси*. Госа Мицунобу, «Сэйсуйдзи-энги» (1517) (вверху). Реконструкция укреплений Тага (префектура Мияги) и Сива (префектура Иватэ) (внизу). Источник: [Kodai horro: 2008: 31]

государственный чиновник. Подданные состояли как из японцев, так и из *эмиси*, в том числе тех, которые не смешивались с японцами и обычно подвергались дискриминации¹⁰².

После того как в 802 г. Саканоуэ Тамурамаро разбил повстанческие войска, захватив их предводителей, к японцам отошла значительная область. Тем не менее на обширной территории современных префектур Иватэ, Аомори и северной части префектуры Акита не было установлено абсолютного правительственного контроля. Местное население существовало здесь относительно независимо [Косарев В. Д. 2010: 150]. Чтобы удержать захваченные земли и обезопасить себя от возможных набегов, японцам приходилось строить укрепления (яп. *тамэ*), первые из которых появились уже в VIII в.

В укреплении Исава, возведенном в Муцу (префектура Иватэ) в 802 г., расположилось военное ведомство во главе с главнокомандующим, а в укреплении Тага, построенном южнее (префектура Мияги) в 724 г., — резиденция гражданского ведомства. Кроме этого, в 733 г. в области Дэва появилось укрепление Акита (префектура Акита), а несколько южнее — Кинова (префектура Ямагата).

По археологическим данным, в крепости Акита размещались полуподземные жилища (с печами *камадо*) и административные постройки наземного типа. Было несколько колодцев и даже общественная уборная — «достаточно большое по площади сооружение, включавшее помещение самой уборной, находившееся за оградой, и систему специальных стоков» [Асташенкова, Пискарева 2014: 18]. Всю территорию крепости, а также наиболее важную ее центральную часть окружали стены, состоявшие из небольшого каменного фундамента, утрамбованной земли и черепичной крыши [Там же: 12].

Те *эмиси*, которые подчинились японцам, наделялись полномочиями на нижнем административном уровне. Они постепенно приобретали влияние в системе управления северными областями. В целом же между ассимилировавшимися *эмиси* и японскими поселенцами в то время не было значительной дистанции. Их многое связывало, в том числе и браки.

Служащие государственных учреждений были обязаны выплачивать годовую повинность лошадьми, золотом и другими товара-

¹⁰² Хотя *эмиси* не являлись подданными японского императора, тем не менее, так же как и японцы, они платили государству налоги.

ми. Все это строго контролировалось [Kikuchi 1999: 37]. Налоги с северных областей становились важным источником дохода государственной казны.

Постепенно в управлении северными землями на передний план вышли представители аристократических фамилий Абэ и Киёхара. Выдвижение первой началось с того, что около 870 г. Абэ Корэтака получил должность *тиндзюфусё:гун* (главнокомандующий, ответственный за усмирение *эмиси*). В подчинении у него оказалась область Муцу (в районе бассейна реки Китаками). Примерно в то же время Киёхара Ёсимоти был назначен в область Дэва на должность *акитадзё:си*, по статусу фактически равнозначную *тиндзюфусё:гун*.

Провинция Муцу включала шесть округов *о:курокугун*: Исава, Косасу, Вага, Хиэнуки, Сива и Иватэ, а Дэва — три округа: Огати, Хирака и Ямамото. Резиденция Абэ находилась в укреплении Исава, Киёхара — в пункте Акита. Таким образом, и Абэ, и Киёхара независимо контролировали две обширные области.

Одним из звеньев в цепи выступлений древних *эмиси* в VIII—IX вв. стал «Бунт гангё:», происшедший в 878 г. Мятеж подняли объединенные силы *эмиси* из Муцу и Акита при поддержке местного японского населения. Не исключено, что к ним присоединились *эмиси* Цугару.

Восстание преследовало цель завоевать независимость, но его удалось подавить. Тогда были установлены новые территориальные соотношения. При этом Абэ и Киёхара объединили усилия.

В первой половине XI в. Абэ Ёриёси (Абэ Ёритоки, см. далее), добившись в среде *эмиси* значительного влияния, стал заниматься самоуправством. Он перестал выплачивать в пользу государственной казны налоги, начал незаконно конфисковывать у местных аристократических фамилий имущество и, кроме этого, распространять свое влияние южнее реки Коромо (южная часть префектуры Иватэ). В то время должность управляющего Муцу занимал чиновник Фудзивара Нарито. Он попытался прибегнуть к военной силе, но в битве при Оникири (префектура Мияги) потерпел поражение и бежал.

В борьбу вступил известный полководец Минамото Ёриёси (988—1075), назначенный императором и управляющим Муцу, и главнокомандующим. Следствием всего этого стали крупномасштабные военные кампании, которые вошли в историю под названием «Первая девятилетняя» (яп. «дзэнкунэн-но эки») (1051—1062) и «Вторая трехлетняя» (яп. «госаннэн-но эки») (1083—1087) войны.

Сторона Минамото Ёриёси изначально находилась в невыгодном положении. Однако зятя Абэ Ёритоки (имя Абэ — Ёриёси — совпадало с именем Минамото, поэтому было изменено на Ёритоки) Фудзивара Цунэкиё и Тайра Нагахира, а также некоторые другие воеводы перешли на сторону Ёриёси, благодаря чему тот смог одержать ряд значительных побед¹⁰³.

В одной из битв Абэ Ёритоки был смертельно ранен. Борьбу продолжил его старший сын Садато с братьями Масато, Мунэто, Сигэто, Иэто и Норито. В то время Ёриёси привлек на свою сторону управляющего провинцией Дэва Киёхара Такэнори. Лишь совместными усилиями им окончательно удалось сломить сопротивление и в битве при реке Куриягава (префектура Иватэ), состоявшейся в 1062 г., нанести сторонникам Абэ решающее поражение.

Следует обратить внимание на то, что в главе «Муцуваки» о поражении Ёриёси в сражении против Абэ Садато при Киноми (префектура Иватэ, г. Фудзисава) говорится: «В то время дороги стали почти непроходимы из-за метели. У государева войска истощился провиант, люди и лошади устали. Мятежники же скакали на свежих лошадях и бросились на врага. И дело не только в том, что мятежники сражались на своей земле, числом они тоже сильно превосходили войска Ёриёси» [Японские сказания 2012: 99]. А в главе о разгроме воинов Садато в битве при р. Иваи сказано: «От места битвы и до реки убито человек сто мятежников и захвачено около трехсот лошадей» [Там же: 115].

Несмотря на записи «Муцу ваки», археологических памятников, которые отражают наличие у жителей северного Тохоку лошадей, сравнительно немного, и они соотносятся в основном с переселенцами из более южных районов — носителями культуры кофун [Matsumoto 2006: 18, 20]. И хотя письменные источники X—XII вв., такие как «Руйдзю сандайяку» и «Фусо: рьякки», подтверждают, что эмиси Тохоку занимались разведением лошадей, не ясно, кого именно тогда называли *эмиси*.

Так или иначе после долгожданной победы над кланом Абэ Киёхара Такэнори был назначен на должность *тиндзюфусё:гун* (в его обязанности входил надзор за шестью округами Муцу). Минамото

¹⁰³ Ёриёси, усомнившись в верности Нагазхира, в конце концов приказал казнить его. Цунэкиё, устранившись этой казни, вновь принял сторону Абэ, но затем был схвачен и также казнен.

Ёриёси получил титул *иё:-но Kami* (управляющий Иё), а Минамото Ёсииэ (1041–1108), сын Минамото Ёриёси, — *дэва-но Kami* (управляющий областью Дэва). Ёриёси, хотя и стал *иё:-но Kami*, продолжал оставаться в Муцу. Таким образом, Киёхара Такэнори и Минамото Ёриёси расположились в Муцу, а Ёсииэ — в Дэва.

Семья Киёхара оказалась вовлеченной еще в одну войну, которая произошла в Муцу в период между девятилетней и трехлетней. Она получила название «Война с эдзо 1069–1073 гг.» (яп. «энкю:нинэн эдзо кассэн»). В восстании участвовали *эмиси* местностей Хэй и Усоридзима (п-ов Симокиита). Одной из его причин стали преступления чиновника Фудзивара Мотомити, который, в частности, подделал правительственную печать Муцу и пользовался ею в корыстных целях. Общими усилиями Минамото Ёритоси и Киёхара Санэхира волнения удалось подавить.

В 1083–1087 гг. Минамото Ёсииэ, с одной стороны, и представители рода Киёхара — Иэхира и Такэхиро — с другой, стали главными фигурантами трехлетней войны. Война оказалась одним из завершающих этапов в споре за главенство на северо-восточных территориях. Ее причиной были сложные взаимоотношения внутри клана Киёхара и спор из-за наследства [Kikuchi 1999: 37].

В отличие от предыдущих конфликтов, Киёхара не нарушал никаких законов официальных властей. Поэтому, когда Ёсииэ удалось одержать победу, двор расценил конфликт как личную месть последнего. Спорную местность получила в управление одна из ветвей дома Фудзивара¹⁰⁴.

Как уже отмечалось, Фудзивара Цунэкиё, назначенный в свое время на службу в Муцу, во время конфронтации с Минамото Ёриёси перешел сначала на сторону двора, а затем на сторону мятежников, за что был казнен. Однако в ходе трехлетней войны сын Цунэкиё — Фудзивара Киёхира — поддержал правительственные войска. После того как семья Киёхара лишилась власти, он «наследовал» все ее полномочия, став родоначальником нескольких поколений Северных Фудзивара и добившись быстрого подъема

¹⁰⁴ Минамото Ёсииэ впоследствии удалось добиться признания и стать уважаемым воином, а его старший сын за грубость, допущенную по отношению к императору, был сослан в провинцию Сануки, откуда через некоторое время бежал в Идзумо и поднял мятеж. Этот мятеж в 1108 г. подавил Тайра Масамори [История Японии 1999: 200].

края. Финансовой основой нового правителя послужили добыча золота, разведение лошадей и торговля с *эмиси* северных районов¹⁰⁵ [Ibid.].

Получив должность предводителя *эмиси*, Фудзивара Киёхира возглавил военное ведомство Муцу *о:рё:си*. Он перенес свой опорный пункт в местечко Хираидзуми, расположенное южнее реки Коромо, а в 1105 г. основал известный буддийский храм Тюсон-дзи. Во втором поколении Фудзивара Мотохира упрочил свои позиции в Дэва и основал храм Моцу-дзи. Время наивысшего расцвета семьи Фудзивара, тем не менее, пришлось на третье поколение — Фудзивара Хидэхира. Хидэхира получил титул *тиндзюфу:сёгун*. В подражание монастырю Бёдоин, находящемуся в Удзи (южный район Киото), он построил храм Мурё:ко:ин [Ibid.: 38].

В 1189 г. род Фудзивара был устранен основателем камакурского сёгуната Минамото Ёритомо¹⁰⁶. С установлением контроля бакуфу над землями Осю поселения *эмиси* стали приходить в упадок, а местное население постепенно перебираться на Эдзо (Хоккайдо). *Эмиси*, оставшиеся на пограничных с японцами территориях, в большинстве ассимилировались и перешли к земледельческому укладу [Ibid.: 54].

Значительная часть земель Муцу, включая уезд Цугару, оказалась в руках фамилии Ходзё. В 1222 г. здесь была основана гавань Тосаминато, ставшая ключевым торговым пунктом на севере. Соседние территории перешли под контроль рода Адати. Посадниками Ходзё и Адати стали представители рода Андо [Ibid.: 45, 52].

Считается, что родословная Андо была тесно связана с семейством Абэ и вела происхождение от одного из сыновей Абэ Ёритоки — Абэ Садато [Meijyo: o yuku 2005: 14]. После поражения в войне с Минамото Ёриёси сын Садато, которого звали Такааки Мару, бежал в Цугару, в верховьях реки Иваки основал замок Фудзисаки и собрал там значительные силы. Его сын Такацунэ взял фамилию Андо — и так стали именоваться все представители данного рода.

¹⁰⁵ Возвышению Фудзивара в Осю способствовали также линия родства с влиятельным представителем киотской знати Фудзивара Хидэсато и родственные связи с фамилией Абэ.

¹⁰⁶ Последний из Фудзивара Осю, Ясухира, собравшийся бежать на Эдзо (Хоккайдо), пал от руки своего подчиненного.

В XIII в. Андо Таро Тикахидэ переместил резиденцию из замка Фудзисаки в Тосаминато — устье реки Иваки, а к XIV в. фамилия разделилась на две ветви. Первую возглавил Андо Морисуэ, сделавший своим оплотом местность Тосаминато (Цугару), родоначальником второй стал его младший брат Андо Каносуэ, перебравшийся в Минато (Акита, совр. Цутидзаки-минато). Представители первой ветви стали известны как Симонокуни Андо, а второй — Минато Андо. Обе ветви управляли поместьями, собирали налоги, занимались разведением лошадей, рыболовством, морской торговлей¹⁰⁷. Это двоевластие затрудняло создание сильной централизованной власти.

В 1320-е годы в клане Андо области Цугару возникли внутренние раздоры из-за борьбы за доминирование. На этом фоне произошел один из крупнейших в то время мятежей туземцев, вошедший в историю под названием «Эдзотайран». Лишь при непосредственном вмешательстве бакуфу мятеж удалось подавить.

Далее в 1442 г. Андо Морисуэ из-за вторжения клана Намбу был вынужден перебраться из Тосаминато на Эдзо¹⁰⁸. Вначале он отослал туда подчиненного Какидзаки Суэсигэ, который основал в южной части острова несколько укреплений, а затем появился сам¹⁰⁹. Чуть позже в крепость Какидзаки прибыл Такэда Нобухиро, взявший в конце концов бразды правления в свои руки и сыгравший значительную роль в покорении айнов.

Между тем на Хонсю Андо Морисуэ не смог вернуть исконные владения Тосаминато и укрепился в Хияма (Дэва, г. Носиро), поло-

¹⁰⁷ В порт Тосаминато выходцы с Эдзо доставляли морскую капусту, сушеную кету, шкуры морских бобров и прочую продукцию, которая, в свою очередь, отправлялась в Киото [Kikuchi 1999: 52].

¹⁰⁸ Фамилия Намбу вела происхождение из восточных районов Хонсю (префектура Яманаси). В эпоху Камакура представители Намбу перебрались в Тохоку, охватив влиянием местности Хагинохэ, Саннохэ, а затем и Мориока. Согласно документу «Синра-но кироку», в 1442 г. клан Намбу взял приступом основной центр Андо Морисуэ из Цугару — Тосаминато [Kikuchi 1999: 61].

¹⁰⁹ К 1456 г. в южной части п-ва Осима были возведены крепости в Симонокуни (Мобэцудатэ), Мацумаэ (Хакодатэ) и Каминокуни (Одатэ). Затем в других районах были построены укрепления Синоридатэ, Наканодатэ, Вакимотодатэ, Оннайдатэ, Оёбэдатэ, Нэботадатэ, Хийсидатэ, Ханадзавадатэ, Харагутидатэ [Лим 2008: 160].

жив начало линии Хияма Андо. Под контролем Андо из Хияма оказался район бассейна р. Ёнэсиро, а Андо из Минато — р. Омоно¹¹⁰.

В середине XVI в., при Андо Тикасуэ из Хияма, две ветви — Хияма и Минато — объединились. По одной гипотезе, это произошло мирно, через заключение брака. Тикасуэ перебрался в замок Вакимото (Акита, совр. Ога), распространив влияние на обширную территорию. Однако после смерти Тикасуэ вражда в семье Андо разгорелась с новой силой. В результате сын Тикасуэ по имени Санэсуэ одержал верх и занял замок Минато. Тогда же он поменял имя и фамилию — стал называться Акита Дзёносукэ.

Рассмотрим ситуацию, сложившуюся на острове Эдзо (Хоккайдо). Судя по документу «Сувадаймё:дзинэкотоба» (1356), коренное население там не было однородным и в начале XIV в. включало несколько групп: *хиномото*, *карако* и *ватарито*. В отношении первых двух точных сведений нет. Видимо, *хиномото* являлись жителями восточной части Эдзо и имели отношение к населению Курильских островов, а *карако* — западной, со стороны Японского моря, и могли быть связаны с Сахалином и прибрежными районами материка. Их внешний вид и язык были чужды японцам.

Название *ватарито*, безусловно, относилось к населению южной части Эдзо. Эти жители, в отличие от *хиномото* и *карако*, отчасти походили на японцев, но вместе с тем обладали характерными айнскими чертами: мужчины использовали костяные наконечники стрел с ядом; женщины перед сражением с молитвенными палочками в руках обращались к небу и произносили заклинания [Кюнёр. Архив МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. № 271. Л. 17; Kikuchi 1999: 47, 49; Kojima 2004: 18].

Опорные пункты *ватарито* находились в Усорикэси (старое название Хакодатэ) и Матомай (Мацумаэ). Уже в IX в., переправившись через залив Цугару на Хонсю, они нередко занимались разбоем, но также торговали с жителями районов Цугару и Сотогахамы¹¹¹ [Kikuchi 1999: 55].

¹¹⁰ Третий представитель линии Хияма — Андо Ёсисуэ, потерпев поражение в очередной битве против клана Намбу, в 1453 г. покончил жизнь самоубийством. Вновь возродил линию Хияма сын племянника Морисуэ — Андо Масасуэ.

¹¹¹ Один из грабежей произошел в 875 г. *Ватарито* на 80 лодках атаковали уезды Акита и Акуми, убили местных крестьян и захватили их имущество [Kikuchi 1999: 55].

Согласно «Синра-но кироку» (1646), в состав *ватарито* входили потомки беженцев из Муцу и Дэва, а также ссыльных. К беженцам относились выходцы из Нуканобу (префектура Иватэ) и Цугару, спасавшиеся после гибели рода Фудзивара (XII в.) от преследования Минамото Ёритомо, а к ссыльным — разбойники и пираты, изгонявшиеся с Хонсю во времена Минамото Санэтото (третий по счету сёгун из рода Минамото (1192–1219)). К середине XIV в. некоторые из ссыльных добились в Мацумаэ значительного социального положения [Matsuzaki 2001: 44].

Несмотря на то что состав *ватарито* был разнородным, костяк, по всей видимости, составляли айноидные племена. Но достоверно определить удельный вес айнского компонента в каждой из трех групп (*хиномото*, *карако*, *ватарито*) пока не представляется возможным.

Айны

Изучение антропологической и культурной почвы, на которой происходило становление айнской народности, — крайне сложная задача. До сих пор у ученых нет единого мнения относительно основы и многих других обстоятельств происхождения айнов, и тому есть разные причины. Первое, что бросается в глаза, — необычный физический облик.

Давно отмечено, что айны обнаруживают сходство с австралоидами (широкий нос с поперечно расположенными ноздрями, толстые губы, смуглый цвет кожи, волнистость волос с темной пигментацией), монголоидами (жесткие волосы, плоское лицо, эпикантус (особая кожная складка, частично или полностью закрывающая слезный бугорок во внутреннем углу глаза)), европеоидами (высокое переносье, волосистой покров, широкий и прямой разрез глаз) [Левин 1949б: 28]. Поэтому среди основных гипотез этногенеза айнов издавна выделялись их южное происхождение (австронезийское), континентальное (азиатское), европеоидное («кавказское»), а также их автохтонность.

Версия о генетической связи айнов с европеоидами базировалась большей частью на поверхностных сопоставлениях, тогда как гипотеза южного происхождения — на данных антропологии (соматология, краниология, морфология зубов), впрочем, весьма несовершенных к тому времени, а также на сведениях из области мате-

риальной культуры и языка, в которых обнаруживается много натяжек и «общих мест»¹¹².

В рамках теории южного происхождения, долгое время подерживавшейся многими зарубежными и отечественными учеными, предполагалось, что прародина айнов — Юго-Восточная Азия и прилегающие к ней острова Тихого океана. Приводились доказательства связи айнов с экваториальными расами (негро-австралоидные расы, распространенные в тропической зоне Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании и Австралии) и родства с австронезийскими народами [Левин 1949б: 26, 28; 1951: 487; 1958: 258, 286, 303; Трофимова 1932: 99; Штернберг 1929: 337; Чебоксаров 1951: 309, 310].

И сегодня существует много приверженцев теории южного происхождения. Однако исследования, основанные на неметрических черепных характеристиках и количественных генетических анализах, позволяют предполагать генетическое влияние на формирование физических характеристик современных айнов со стороны антропологических групп Северо-Восточной Азии. Это стало важным аргументом в пользу гипотезы о принадлежности айнов (через их предков — дзёмонцев Хоккайдо) к племенам, ведущим происхождение из этого региона¹¹³ [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 95, 96].

Австралоидные черты внешнего облика айнов объяснить довольно сложно. Согласно одной из гипотез, их можно рассматривать как наследие древней стадии расообразования [Васильев, Бе-

¹¹² Предметы материальной культуры айнов обнаруживают сходство с предметами народов Юго-Восточной Азии, Индонезии, Полинезии, Меланезии (ткацкий станок, набедренные повязки, отравленные стрелы), а ряд элементов айнского языка — с полинезийской и индоевропейской языковыми группами [Штернберг 1929: 337].

¹¹³ Подтверждением новой теории стало выявление в строении айнских черепов особых заднескуловых швов. Заднескуловые швы обнаруживаются на черепах древнего населения Японских островов, Азиатского материка, Прибайкалья, а также у северных монголоидов (нивхов, нанайцев, эвенков и др.). У южных монголоидов и австралоидов они встречаются редко [Козинцев 1983: 40]. Кроме того, отмечается большое сходство с северными монголоидами в дерматоглифике, кровяных полиморфизмах, особенно в генах Tfdchi, D(a), в высокой частоте «северно-монголоидного» гаплотипа Gm1,17,15,16(ab3st), в недостатке алкоголь-дегидрогеназы I, а также по некоторым краниометрическим характеристикам [Kozintsev 1993: 109, 117].

резкин, Козинцев 2009: 125, 128, 130; Козинцев 2008: 356; Kozintsev 1993: 121].

Если в очередной раз задаться вопросом о связях айнов с древними обитателями Японского архипелага — дзёмонцами, то надо иметь в виду, что по анализам скелетов и зубов доказывается их близкое морфологическое сходство с хоккайдским типом [Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. Собственно переходными от дзёмонцев Хоккайдо к айнам (по морфологическим признакам) признаны костные останки заключительной стадии эпохи Дзёмон — периода Дзокудзёмон. Скорее всего, дзёмонцы, особенно северо-восточной части Японии, развивались в Дзокудзёмоне до протоайнов, и это происходило в результате либо микроэволюционного процесса, либо смешения с соседями [Dodo, Ishida 1990: 280].

Современные исследования неметрических черт черепов и анализ митохондриальной ДНК позволяют предположить значительное генетическое влияние коренного населения низовьев Амура и берегов Охотского моря на айнов в постдзёмонскую эпоху [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 104; Adachi, Shinoda, Umetsu, Matsumura 2009: 256]. На северо-восточном Хоккайдо, в частности на побережье Охотского моря, прослеживается родство с племенем охотской культуры¹¹⁴ [Kaburagi, Ishida, Goto, Hanihara 2010: 104].

Охотцы, по всей видимости, передали айнам гаплогруппу Y, которая широко наблюдается в современных сибирских популяциях, но отсутствовала у дзёмонцев Хоккайдо. Таким образом, становится очевидным, что «сибирский вклад в айну значительно повлиял на их генетическую структуру и что представители охотской культуры могли быть одним из важных источников сибирской митохондриальной ДНК» [Adachi, Shinoda, Umetsu, Kitano, Matsumura, Fujiyama, Sawada, Tanaka 2011: 358].

Население северной части Японского архипелага и прилегающих с севера и северо-востока территорий приобретало облик айнов в процессе интеграции локальных общностей, по крайней мере, с XII в. [Sasaki Kaoru 2001: 132]. Этот процесс сопровождался исчезновением керамической посуды, распространением привозной ме-

¹¹⁴ В связи с носителями культуры яей следует заметить, что наблюдается значительное их влияние на современных японцев и гораздо более слабое — на айнов, а также на коренных жителей о-вов Окинава и всей группы Рюкю.

таллической и деревянной продукции, изменением внутреннего устройства жилищ и, возможно, зарождением эпоса *юкар* [Арутюнов, Щебенков 1992: 53; Kojima 2004: 18; Sasaki Kaoru 2001: 134; Utagawa 1992: 313]. Еще раз подчеркнем, что становление айнского этноса в каждом из регионов (на Хоккайдо, Сахалине и Курилах) происходило во многом на основе собственных неолитических традиций.

Раннюю стадию этногенеза айнов хорошо характеризуют археологические находки из комплекса Биби 8 (в бассейне реки Мисава). Когда-то место, которое он занимает, было важным пунктом в водных путях сообщений, связывавших между собой побережья Тихого океана и Японского моря. Здесь сохранились остатки стоянок, места отправления культов, древних гаваней. Подъемный материал при этом охватывает период с эпохи Сацумон по XVII–XVIII вв. [Morioka 2001: 115].

Собственно археологические находки по айнам здесь весьма разнообразны¹¹⁵ (рис. 42, 43, 44). В количественном отношении преобладают предметы из металла (большей частью японского производства) и дерева. На деревянных артефактах иногда встречаются рисунки, а также знаки собственности (Биби 8; К 36).

Некоторые деревянные находки из Биби 8, а также Юканбоси 15 (в бассейне реки Юканбоси) указывают на прямую связь между культурами сацумон и айнской. Импортная продукция с Хонсю, которая в большом количестве обнаруживается в памятниках XVII в., прекрасно характеризует развитие торговых контактов с японцами [Kikuchi 1999: 58].

Несмотря на обилие археологических материалов, достоверной информации об айнском обществе на о-ве Эдзо в XIV–XV вв. крайне мало. Можно лишь предположить, что в середине XV в. под давлением японцев у айнов стало проявляться этническое самосознание [Ibid.: 60].

¹¹⁵ Среди находок: керамическая импортная и самодельная посуда (чашки, чаши, тарелки, котелки), металлические изделия (котелки, иглы, ножи, топоры, мотыги, курительные трубки, детали японского вооружения, монеты, рыболовные крюки, гарпуны, наконечники стрел), деревянная продукция (утварь, очажные принадлежности, лестницы к амбарам, луки, стрелы, палочки *икупасуй*, молоты, мотыги, детали гарпунов, ножей, мечей, ткацких станков, лодок, дубинки для наказаний и для битвы рыбы), предметы из кости (гарпуны, стрелы, игольники, подвески, бусины), бересты (ножны ножей) и стекла (бусины) [Takahashi 2001: 30].

Рис. 42. Металлические котелки айнов Хоккайдо из памятника Биби 8. Котелок с ушками внутри середины X — середины XV в. (вверху), котелок с ушками, выведенными наружу, эпохи Сацумон — середины XVII в. (внизу). Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 136]

Рис. 43. Керамика и железная продукция айнов Хоккайдо из памятника Нибутани периода Средние века — Новое время. Фрагмент фарфоровой чаши (вверху), железный котелок с ушками, выведенными наружу (в центре), железный фрагмент котелка с ножками (внизу).

Комитет по вопросам образования г. Биртори.

Источник: [Morioka 2001: 102]

Рис. 44. Фрагменты деревянной утвари айнов Хоккайдо из памятника Биби 8. Миска середины XV — первой половины XVIII в. (вверху), фрагмент коробки *маэмоно* середины XV — середины XVII в. (в центре), рукоятка эпохи Сацумон — середины XVII в. (внизу).
Центр по сохранению ископаемых культурных ценностей префектуры Хоккайдо. Источник: [Mogioka 2001: 136]

С одной стороны, айны в то время активно включились в торговлю со своими соседями, а с другой — стали поднимать восстания, отстаивая свои исконные земли, а также право на паритетную торговлю. Лишь к середине XVI в. один из глав правящего на Эдзо рода Такэда — Такэда Суэхиро — начал политику умиротворения туземцев и взял их под контроль [Позднеев 1909, т. 2: 71; Sasaki Toshikazu 2001: 135]. Именно в это время эдзоские айны попали в поле зрения португальцев Луиса Фройса, Игнасио Морэйра и итальянца Джироламо де Анджелиса.

Игнасио Морэйра в сочинении “Iezoruminsula” (1591) указал на айнское название Эдзо — *ainomoxori* — и, таким образом, впервые зафиксировал существование в XVI в. слова *айно* (*айну*) и, видимо, их исконного топонима-политонима «айнумосири». Другие миссионеры описали некоторые обычаи туземцев, их предметы быта.

Среди ранних японских письменных источников встречаются документы, датирующиеся серединой и второй половиной XVII в., — «Синра-но кироку» («Записи Синра») (1646), «Эдзосимаки» («Заметки об Эдзо») (1681?), «Кайфу:мару кидзи» («Записи с корабля Кайфу:мару» (рассказы представителей клана Мито)) (1689), которые содержат информацию об айнах южной части острова (Мацумаэ), западной его части (Исикари) и глубинных районов (*о:куэдзо*). Во второй половине XVII в. также появились сочинения «Митинокуни цугаругун-но эдзу» («Иллюстрированное описание уезда Цугару области Митинокуни») и «Дзассё» («Записи о разном (клана Намбу)»), в которых фигурируют айны северо-восточных областей Хонсю (п-ов Цугару и п-ов Симокита) [Sasaki 1995: 30; Sasaki Toshi-kazu 2001: 67]. Что же касается населения отдаленных от Хонсю и Хоккайдо северных островов, информация о них отсутствовала.

Время распространения айнской культуры на Сахалине археологи определяют XIII–XIV вв. Эта культура сменила бытовавшую здесь охотскую. Можно сказать, что в целом заключительный этап охотской культуры и начало айнской (XIII в.) совпали [Василевский, Кузьмин, Горбунов, Шубина 2003: 39].

Высказывается мнение, что «айнская периферия к северу и северо-востоку от Хоккайдо складывалась постепенно — не за века, а за тысячи лет» [Василевский 1995б: 154]. Уже в эпоху неолита между Хоккайдо и Сахалина существовала «контактная зона», и формирование сахалинских айнов могло проходить постепенно в условиях этой зоны [Там же].

Другими словами, появление айнов на Сахалине не было следствием простой миграции с Хоккайдо. В. Д. Косарев, отстаивая данную позицию, пишет: «Думаю, все различия, которые можно обнаружить в культурах айнов Сахалина, Курил и Хоккайдо, в принципе и основе сводятся к главной причине: формированию трех типов из разных истоков» [Косарев URL: <http://kosarev.press.md/Ainu>].

Самый северный ареал расселения айнов на Сахалине характеризует Богатая-1 (северо-восточное побережье). Этот памятник, расположенный в устье одноименной реки, включает следы полуподземных жилищ и грунтовых захоронений [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Многочисленные находки фиксируются также на стоянках Александровск-Сахалинского, Поронайского, Долинского, Невельского и Холмского районов. Большинство из них — многослойные, прошедшие несколько этапов заселения. Это свидетельствует о периодичности освоения территорий в течение длительного времени [Василевский, Плотников 1992: 121; Горбунов, Андропов, Горбунова URL: www.poronaiskmuseum.ru; Федорчук 1995: 42, 44].

Интересно, что, по словам нивхов и айнов, еще до переселения последних на Сахалин здесь проживали племена, называвшиеся *тончи* (*тонци*, *тонцы*). Согласно айнским преданиям, *тончи* лицом были похожи на японцев, но брили головы и носили косы. Одевались летом в маньчжурские халаты или одеяния из лыка, а зимой — в шубы из тюленьих и собачьих шкур. Носили обувь из шкур нерпы. На охоте и войне использовали железные копья и стрелы. Плавали в Маньчжурию и привозили оттуда товары (маньчжурские сабли, ножи и пр.), которые сбывали местному населению. Жили *тончи* в землянках, держали оленей, в быту использовали глиняную посуду¹¹⁶ [Депрерадович 1877: 10; Пилсудский 1909: 7].

Результаты исследований черепов из раковинных куч и погребений на Южном Сахалине дают основание сопоставить с *тончами* носителей сусуйской культуры (ранняя стадия охотской).

Хронологически айнская культура на Сахалине делится на два этапа — ранний и поздний, которые выделяются по количественно-

¹¹⁶ И. А. Лопатин, И. С. Поляков, Б. О. Пилсудский и другие исследователи Сахалина второй половины XIX в., неоднократно находившие в различных частях острова остатки полуземлянок, а также каменные топоры, стрелы, наконечники копий и черепки сосудов, связывали их именно с *тончами* [Пилсудский 1909: 5–7].

му соотношению металлических изделий в разновременных комплексах, а также по наличию специфической керамики — котелков с ушками внутри.

Котелки из Богатой-1 и других памятников датируются временем XII—XIX вв. Они грубо слеплены вручную и не орнаментированы. Встречаются и японские фаянсовые сосуды, но они преимущественно позднего происхождения (XIX в.), и в процентном соотношении их не так много [Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Среди металлических изделий — курительные трубки, наконечники стрел, зеркала, ножи, мечи, украшения. В основном это импортная японская продукция. Если на раннем этапе металлические предметы были единичными, то со временем их количество увеличилось [Василевский, Плотников 1992: 121, 122; Поронайский URL: www.poronaiskmuseum.ru; Шубина, Самарин, Горбунов 2001: 308]. Наряду с керамикой и металлом на айнских стоянках часто встречаются стеклянные бусы.

Как уже указывалось, в письменных источниках ранние сведения об айнах Сахалина появляются в хрониках династии Юань (1271–1368) «Юань ши». Айны фигурируют здесь под названием *ку-и* (骨鬼). Согласно хроникам, юаньские войска в XIII в. вступили в войну с *ку-и*, получив жалобу от подвластных *гирэми* (нивхов)¹¹⁷. Из хроник следует, что *ку-и* были опасными противниками, поскольку использовали отравленные стрелы. Это дает решающие основания для отождествления их именно с айнами.

Очевидно, переселившиеся приблизительно в XIII в. с Хоккайдо на Сахалин айны осваивали новые для них территории. Одной из причин перемещения могла стать потребность в шкурах животных и перьях соколов. Кроме этого, тогда в Японии шкуры животных не имели рынка сбыта, поэтому айны продвигались на Сахалин и оттуда на материк, чтобы утвердиться на торговом рынке с Китаем. Движение айнов в то время было чрезвычайно активным [Matsuzaki 2001: 44].

Дополнительная информация о сахалинских айнах встречается в китайских хрониках «Кайюань синь чжи» («Новые записи области Кайюань») эпохи Юань и «Ляодун чжи» («Описании области

¹¹⁷ *Гирэми* жаловались на то, что *ку-и* восточных земель каждый год совершали на них набеги. Столкновения между войсками Юань и *ку-и* продолжались вплоть до 1308 г. [Matsuzaki 2001: 44].

Ляодун») периода династии Мин (1368–1644). В первой из них сказано, что *ку-у* (苦兀) (вместо *ку-и* используется другое слово) находятся к востоку от Нурганьского моря, их тела покрыты густым волосняным покровом. Они носят медвежьи шкуры, одеваются в узорчатые ткани; имеют крепкое и острое оружие; при смерти родственника удаляют у него кишки и желудок, тело сушат на солнце и носят с собой, при еде и питье приносят ему жертвы, примерно через три года оставляют. Во втором источнике содержится аналогичная информация, а также сведения, согласно которым *ку-у* «имеют луки и стрелы из дерева длиной в чи с лишним. Наконечники стрел покрывают ядом, при попадании [жертва] обязательно умирает» [История династии 2003 URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China>; Сунь Цзинь-цзы 2001: 59].

Как видно из описания, летописцы обратили внимание на один из погребальных обрядов, который в более позднее время у айнов не сохранился. Одежда же, описанная в источниках, как и другие детали, вполне соответствует традиционным айнским характеристикам.

Вслед за китайскими хрониками с середины XVII в. стали появляться европейские документы. В них нашли отражение сведения из экспедиции голландца М. Г. Фриса (1643), при этом облик туземцев Сахалина описан вполне отчетливо.

В отношениях айнов с коренными жителями северных территорий важное место занимали тунгусские племена *сюкусин* 肅慎 (кит. *су-шень*, яп. *мисихасэ*), владения которых охватывали Приморскую область и часть Маньчжурии. В Китае они были известны уже в эпоху Чжоу (XII–III вв. до н.э.)¹¹⁸ [Позднеев 1909, т. 2: 3, 5; Тураев 2010: 78].

С древности основными видами хозяйственной деятельности *сюкусин* были охота и рыболовство. Согласно более поздним письменным данным, они также обрабатывали землю (сеяли пшеницу, гаолян, просо, рис, сою), занимались разведением свиней, быков и лошадей [История Золотой 1998: 46].

¹¹⁸ В китайских хрониках в зависимости от эпохи племена *сюкусин* упоминались под разными названиями. При династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г.) и Вэй (220–264) их называли *илоу*, при танской династии (618–907) — *мохэ*, при сунской династии (960–1279) — *нойчжэнь*, при династии Юань (1280–1367) — *нойчжи*, а затем *дадань* [Левкин 2004 URL: <http://www/levking.ru>; Позднеев 1909, т. 2: 5].

На охоте сюкусинцы применяли стрелы из грушевого дерева с каменными наконечниками; для варки пищи использовали глиняные сосуды. Летнюю одежду изготавливали из нитей древесного луба лочана, зимой носили халаты из холста и волос, а также шубы из свиных шкур. Волосы заплетали в косички [Там же: 49]. Привлекает внимание своеобразный погребальный обряд — сюкусинцы практиковали грунтовые погребения в саркофагах, сколоченных из бревен или досок, на которые предварительно укладывали определенное количество зарезанных свиней. Засыпая могилу землей, снаружи оставляли конец веревки, привязанной к гробу, — на нее лили отвар, что символизировало кормление умершего [Там же].

Уже в VI в. сюкусинцы совершали плавания к Японским островам архипелага, где добывали рыбу; отмечается, что они говорили на непонятном для японцев языке. Японский историк Кумэ Кунитакэ полагал, что *эдзо* Хоккайдо были переселенцами из сюкусинского племени [Позднеев 1909, т. 2: 6].

Если не брать в расчет традицию изготовления одежды из луба, распространенную среди айнов (но не только среди них), то язык, обычаи, как и внешний облик айнов и *сюкусин*, значительно отличались, поэтому проводить какие-либо сравнения довольно сложно. В то же время влияние, которое сюкусинцы, возможно, оказывали на туземцев Северной Японии, отрицать нельзя. Так или иначе гипотеза, высказанная некогда Кумэ Кунитакэ, в настоящее время опровергается¹¹⁹ [Позднеев 1909, т. 2: 5].

Отдельного рассмотрения требуют айны Курильских островов — на севере и юге они относились к различным культурным зонам. Северные курильцы издавна смешивались с камчадалами (ительменами) и испытывали влияние алеутов, тогда как жители южных островов находились в большей степени под влиянием японцев, а с XVIII в. — и русских.

На Курилах айны жили небольшими группами по несколько десятков человек на острове. Между жителями островов существовали достаточно тесные торгово-хозяйственные и родственные связи, поскольку они постоянно перемещались вдоль гряды, меняя

¹¹⁹ С VIII в. *сюкусин* стали фиксироваться в японских хрониках под названием *маккацу* (кит. *махэ*). Известно, что *маккацу* существовали в виде нескольких кланов, одному из которых удалось образовать единый союз, а затем государство Бохай (698–926).

охотничьи и рыболовные угодья. Кочевания, иногда за сотни километров от поселений, были характерной чертой именно курильских айнов [Левин, Дубровина 1969: л. 24; Таксами, Косарев 1990: 47].

В XVII–XVIII вв. с курильскими айнами неоднократно воевали казаки. В донесении И. Козыревского о походе на Курильские острова в 1713 г. сказано: «...и на оных островах живут иноземцы самовластно, и на разговор они нам не дались, и бой с нами дали, и к воинскому делу zelo жестоко поступают, в кукях с трех бьют, имеют они у себя сабли, копыя, луки со стрелами. И я, прося у господа бога милости, поступил на них воинским же делом и счастьем е.и. в. оных иноземцев в полон имал и брал их платье шелковые, и дабинные, и крапивные, и золото, и сабли» [Елизарьев 2007: 577].

В неопределенном прошлом айны через Курильские острова добрались до Камчатки, обосновавшись там в южных районах. По мнению Т. М. Диковой, они не смогли оказать существенного воздействия на культуру коренных жителей: «Нет оснований говорить о границе обитания айнов на юге Камчатки, но лучше поставить вопрос о границах их влияния»¹²⁰.

На Камчатке тщательно исследовались археологические памятники в районе мыса Лопатка и Курильского озера: Лопатка I, Адриановка и Сиюшк. Они ближе всего расположены к Курильским островам, поэтому для археологов всегда представляли наибольший интерес. Среди находок примечательны керамические котелки с ушками внутри, металлические и костяные наконечники стрел, поворотные гарпуны. По сравнению с другими регионами привлекает внимание обилие каменных орудий: стрелы, копыя, ножи, топоры. Все перечисленные предметы обладают характерными айнскими признаками и датируются XVII в.

Раскопки на Камчатке позволили не только наметить время развития айнской культуры, но и очертить область ее распространения. Важным критерием стали характерные котелки. На западном побережье Камчатки айны проникли до устья реки Опалы, а по восточному побережью — значительно севернее, вплоть до Жупанова [Дикова 1983: 166–168].

¹²⁰ Неолитические памятники Камчатки составляют единую археологическую культуру, в основе — ительменскую. Наличие отдельных айнских элементов обнаруживается лишь в позднее время [Дикова 1983: 167].

В 1643 г. южные острова Курильской гряды посетили участники голландской экспедиции, о которой уже не раз упоминалось. Благодаря экспедиции достоверные сведения о курильцах впервые попали в письменные источники. Через короткое время, в конце XVII — первой половине XVIII в., курильские айны оказались в поле зрения японцев — был составлен анонимный труд «Эторофутто: хё:рю:ки» («Записи об Итурупе») (1712) — и русских.

В заключение следует упомянуть и об айнах Приамурья. Известно, что в промысловых и торговых целях сахалинские туземцы неоднократно проникали в районы низовьев Амура. Многие оставались там жить, смешиваясь с нивхами и ульчами. Спорным представляется вопрос о том, насколько древним могло быть нахождение айнов на сопредельных территориях материка.

О приамурских айнах впервые упомянул Мамя Риндзо в своем труде «Китаэдзо дзусэцу», затем — Ф. Ф. Зибольд, а также российские этнографы Ф. М. Депрерадович и Л. И. Шренк. Последние, в частности, указывали на айнов-рабов, которых соплеменники выменивали на ценные предметы [Депрерадович 1877: 11; Зибольд 1854: 233; Осипова 2010: 206; Шренк 1903: 20].

Так или иначе на Амуре айнов было сравнительно немного, и к началу XX в. большинство из них ассимилировалось.